

SOVIET HISTORIOGRAPHY
IN EASTERN EUROPE, 1940s–1980s

RUSSIAN
STUDIES
HU

2026/1

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITOR: MIKHAIL KOVALEV

RUSSIANSTUDIESHU

Editor-in-chief / Главный редактор / Főszerkesztő: Szvák Gyula, DSc

Deputy Editor-in-chief / Заместитель главново редактора /
Főszerkesztő-helyettes: Sashalmi Endre, DSc

Executive Editor / Ведущий редактор / Vezetőszerkesztő: Bagi Dániel, DSc

Members / Члены редакции / Tagok: Vladimir Boldin, PhD
Kormos Tamás
Igari Léna

Publisher / Издатель / Kiadó
Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért

Published by / Ответственный издатель / Felelős kiadó
Az Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért elnöke
1088 Budapest, Múzeum krt. 6–8.

Contact / Контакты / Kapcsolat
centre@russianstudies.hu
Website: <https://www.russianstudies.hu>

ISSN 2677-1640 RussianStudiesHu (print)
ISSN 2677-0660 <https://www.russianstudies.hu> (online)

© Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2026
All rights reserved

EDITORIAL BOARD

Member of RAS Veniamin Alekseev (Yekaterinburg) • Professor Evgenii Anisimov (Saint Petersburg)
Professor Dániel Bagi (Budapest) • Professor Emeritus Chester S. L. Dunning (College Station,
Texas A & M University) • Professor Márta Font (Pécs) • Paul Mellon Distinguished Professor
Wendy Z. Goldman (Pittsburgh) • Member of RAS Andrei Golovnev (Saint Petersburg)
Professor Hieronim Grala (Warsaw) • Professor Claudio S. Ingerflom (Buenos Aires)
Head of the editorial board, Professor Emeritus Tamás Krausz (Budapest)
Professor Andrei Medushevsky (Moscow) • Professor Emeritus Peter Pastor (New Jersey)
Jay Richard Judson Distinguished Professor Donald J. Raleigh (Chapel Hill) • Professor Dmitrii Redin
(Yekaterinburg) • Corresponding Member of RAS Lorina Repina (Moscow) • Professor Richard Sakwa
(Canterbury) • Professor Endre Sashalmi (Pécs) • Professor Ludwig Steindorff (Kiel)
Professor Emeritus Léna Szilárd (Sassari) • Professor Emeritus Gyula Szvák (Budapest)
Professor Igor Tyumentsev (Volgograd) • Professor Andrei Yurganov (Moscow)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик РАН Вениамин Васильевич Алексеев (Екатеринбург) • Профессор Евгений
Викторович Анисимов (Санкт-Петербург) • Профессор Даниел Баги (Будапешт) • Заслуженный
профессор Венди З. Голдман (Питтсбург) • Академик РАН Андрей Владимирович Головнёв
(Санкт-Петербург) • Профессор Иероним Граля (Варшава) • Профессор-эмерит Честер С. Л. Даннинг
(Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М) • Профессор Клаудио С. Ингерфлом (Буэнос Айрес)
Председатель редколлегии, профессор-эмерит Тамаш Краус (Будапешт)
Профессор Андрей Николаевич Медушевский (Москва) • Профессор-эмерит Петер Пастор
(Нью-Джерси) • Заслуженный профессор Дональд Дж. Рейли (Чапел Хилл)
Профессор Дмитрий Алексеевич Редин (Екатеринбург) • Член-корреспондент РАН
Лорина Петровна Репина (Москва) • Профессор Ричард Саква (Кентербери)
Профессор-эмерит Дюла Свак (Будапешт) • Профессор-эмерит Лена Силард (Сассари)
Профессор Игорь Олегович Тюменцев (Волгоград) • Профессор Марта Фонт (Печ)
Профессор Эндре Шашалми (Печ) • Профессор Людвиг Штайндорфф (Кил)
Профессор Андрей Львович Юрганов (Москва)

SZERKESZTŐBIZOTTSÁG

Veniamin Alekszejev akadémikus (Jekatyerinburg) • Jevgenij Anyiszimov professzor (Szentpétervár)
Bagi Dániel professzor (Budapest) • Chester S. L. Dunning professor emeritus (College Station,
Texas A & M University) • Font Márta professzor (Pécs) • Wendy Z. Goldman “Paul Mellon” Professzor
(Pittsburgh) • Andrej Golovnyov akadémikus (Szentpétervár) • Hieronim Grala professzor (Varsó)
Claudio S. Ingerflom professzor (Buenos Aires) • Andrej Jurganov professzor (Moszkva)
Krausz Tamás professor emeritus, elnök (Budapest) • Andrej Medusevszkij professzor (Moszkva)
Peter Pastor professor emeritus (New Jersey) • Donald J. Raleigh “Jay Judson” professzor
(Chapel Hill) • Dmitrij Regyin professzor (Jekatyerinburg) • Lorina Repina OTA levelező tag (Moszkva)
Richard Sakwa professzor (Canterbury) • Sashalmi Endre professzor (Pécs) •
Ludwig Steindorff professzor (Kiel) • Szilárd Léna professor emeritus (Sassari)
Szvák Gyula professor emeritus (Budapest) • Igor Tyumencev professzor (Volgográd)

CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ / TARTALOM

ESSAYS / СТАТЬИ / TANULMÁNYOK

- 11 Gyula Szvák**
Стратегии выживания историка в авторитарных режимах
The Survival Strategies of Historians in Authoritarian Regimes
- 19 Michael Schippan**
Историки СССР и ГДР во взаимодействии: воспоминания
о 1976–1989 годах
Historians of the USSR and the GDR in Interaction: Recollections
of the Years 1976–1989
- 37 Leonid E. Gorizontov**
Взаимодействие историков СССР и Народной Польши
в рамках согласованной политики памяти
The Interaction of Historians of the USSR and People’s Poland
within the Framework of the Coordinated Memory Policy
- 57 Milana Živanović**
Советско-югославские отношения в зеркале югославской
историографии
Soviet-Yugoslav Relations as Reflected in Yugoslav Historiography
- 75 Victoria S. Gruzdinskaya**
Yugoslav Friends of a Soviet Historian: The Case
of Maren Mikhailovich Freidenberg
- 95 Mikhail V. Kovalev**
Academician Boris Dmitrievich Grekov and Hungary
- 113 Vasile Buga**
Румыно-советские исторические споры в 1960–1980-е годы
Romanian-Soviet Historiographical Disputes in the 1960s–1980s

131 Alexander S. Stykalin

XV Международный конгресс исторических наук (Бухарест, август 1980) на фоне культа личности Чаушеску и трений в советско-румынских отношениях

The XV International Congress of Historical Sciences (Bucharest, August 1980) against the backdrop of the personality cult of Ceaușescu and friction in Soviet-Romanian relations

151 Miroslav Daniš

Communication between Slovak and Soviet History Studies in the Years 1945–1989 (Instrumentalization, Stages of Development, Research Topics)

REVIEW ARTICLES / ОБЗОРЫ / SZEMLE

173 Gábor Gyóni

Академическая история Югры. В восьми томах.
Под общей ред. Р. Г. Пихоя – Ханты-Мансийск: АО Изд. дом «Новости Югры», 2024

Academic History of Iugra. In Eight Volumes.
Edited by R. G. Pikhoya. – Khanty-Mansiisk: AO Publishing House „Novosti Iugry”, 2024.

LECTORI SALUTEM!

RussianStudiesHu is an open-access online academic periodical covering historical Russian Studies. It uses double-blind peer review and, since 2021, has published two issues a year, with online content being continually expanded throughout the year. Besides being accessible on the periodical's own website, issues are freely accessible at the Eötvös Loránd University of Sciences' repository (EDIT), the Electronic Periodicals Archive & Database of the Hungarian Electronic Library (EPA) as well as in many other major international databases, including Scopus. The periodical materials are also made available in printed format by the Publisher.

Manuscripts are accepted in English and Russian, and in rare, exceptional cases, in Hungarian, on condition that the article has not been published elsewhere in any language. *RussianStudiesHu* welcomes authors who can provide an academic treatment of any issue related to Eastern Slavic, Russian or Soviet history (including their Hungarian and Eastern European aspects), either as a historian or by means of a related discipline, provided they accept the periodical's Rules of Publication

* * *

The thematic issue "Soviet Historiography in the Intellectual Landscape of Eastern Europe, 1940s–1980s" of *RussianStudiesHu* is devoted to examining the complex and multidimensional interactions between Soviet historiography and the national historiographies of the countries of Eastern Europe from the 1940s to the 1980s. These interactions are considered not only against the backdrop of the intense rhythms of the Cold War, including ideological confrontation and political conformism and nonconformism, but also through the prism of intercultural dialogue and intellectual exchange.

The contributors address a broad range of issues related to the reception of the Soviet and the non-Soviet within the national historiographies of Eastern European countries. They explore the mechanisms of attraction and rejection, assess continuities and ruptures in intellectual traditions, analyze the practices of transferring ideas and knowledge, and investigate the ways in which images of historical scholarship were constructed and how these images functioned.

The articles presented here make it possible to identify both commonalities and particularities in the dynamics of intellectual life, thereby taking an important step toward a comparative study of the development of the humanities in the USSR and Eastern Europe after the Second World War.

Gyula Szvák – Editor-in-Chief
Mikhail Kovalev – Coeditor

LECTORI SALUTEM!

Онлайн-издание *RussianStudiesHu* – это проходящая двойное слепое рецензирование (peer reviewed) научная онлайн-периодика по исторической русистике, которая кроме своего веб-сайта, находится в свободном доступе в репозитории Университета им. Лоранда Этвёша ([EDIT](#)), и в архиве и базе данных электронных периодических изданий Венгерской электронной библиотеки ([EPA](#)), а также в ряде крупных международных баз данных, включая Scopus. Материалы издания также публикуются Издательством в печатной форме.

Публикации принимаются на английском, русском и, в редких исключениях, на венгерском языках. К публикации в журнале принимаются научные статьи, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала.

* * *

Тематический выпуск „Советская историография в интеллектуальном пространстве Восточной Европы 1940–1980-х гг.” посвящен рассмотрению сложных и многомерных контактов между советской историографией и национальными историографиями стран Восточной Европы. Эти контакты рассмотрены не только на фоне напряженных ритмов Холодной войны, идеологического противостояния, политического конформизма и нонконформизма, но и сквозь призму межкультурного диалога и интеллектуальных взаимодействий. Авторами тематических статей осмыслен широкий круг проблем, связанных с восприятием советского и несоветского в национальных историографиях стран Восточной Европы, изучены механизмы притяжения и отторжения, оценены преемственность и разрывы интеллектуальных традиций, практики трансфера идей и знаний, способы конструирования образов исторической науки и функционирование этих образов.

Представленные статьи дают возможность выявить общее и особенное в динамике интеллектуальной жизни, то есть сделать важный шаг в сторону сравнительного изучения феномена развития науки и научного знания в СССР и Восточной Европе после Второй мировой войны.

Дюла Свак – Главный редактор
Михаил В. Ковалев – Соредактор

LECTORI SALUTEM!

A *RussianStudiesHu* 2021-től kezdődően évi két számmal megjelenő, az év folyamán állandóan bővülő nyílt hozzáférésű double blind peer review történeti ruszisztikai tudományos folyóirat, amely a saját honlapján kívül az Eötvös Loránd Tudományegyetem repozitóriumában (EDIT), az Elektronikus Periodika Archívum és Adatbázisban (EPA) és még számos nagy nemzetközi adatbázisban, így a Scopusban is, szabadon hozzáférhető. A folyóirat anyagait a Kiadó nyomtatott verzióban is publikálja.

Publikációkat angol, orosz vagy, ritka kivételként, magyar nyelven fogadunk, feltétel az első megjelenés. Minden szerzőt szívesen látunk, aki a keleti szláv, az oroszországi és a szovjet történelem bármely problémájának (beleértve a magyar és kelet-európai vonatkozásokat) történettudományos vagy más rokondszociplína általi feldolgozását adja, és elfogadja a publikálási szabályainkat.

* * *

A „Szovjet történetírás a kelet-európai intellektuális térben. 1940-es – 1980-as évek” című tematikus számot a szovjet történetírás és a kelet-európai országok nemzeti történetírásai közötti összetett és sokrétű kapcsolatok vizsgálatának szenteltük a hidegháború feszültségekkel terhelt időszakának háttérében. Alapvetően az ideológiai szembenállás, a politikai konformizmus és nonkonformizmus, valamint az interkulturális párbeszéd és az intellektuális kölcsönhatások szempontjából.

A tematikus tanulmányok szerzői a szovjet és nem szovjet hatások befogadásával kapcsolatos problémák széles körét elemzik a kelet-európai országok nemzeti történetírásaiban. Vizsgálják a vonzás és az elutasítás mechanizmusait, értékelik az intellektuális hagyományok folytonosságát és megszakításait, elemzik az eszmék és a tudás transzferének gyakorlatát, valamint feltárják a történettudományról alkotott képek konstruálásának módjait és e képek működését.

Az itt közölt tanulmányok lehetővé teszik az intellektuális élet alakulásában megmutató közös és sajátos vonások azonosítását, és ezáltal fontos lépést jelentenek a tudomány és a tudományos ismeretek fejlődésének összehasonlító vizsgálata felé a Szovjetunióban és Kelet-Európában a második világháborút követő időszakban.

Szvák Gyula - főszerkesztő
Mihail Kovaljov - társszerkesztő

ESSAYS
СТАТЬИ
TANULMÁNYOK

ДЮЛА СВАК

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ИСТОРИКА В АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМАХ¹

THE SURVIVAL STRATEGIES OF HISTORIANS IN AUTHORITARIAN REGIMES

This study examines the fundamental professional challenge facing historians in every era, namely their dependence on external mandates and expectations. In democratic contexts, historians ideally operate under a social mandate within democratic institutions, with material support subject to public oversight. In contrast, in autocratic and authoritarian systems historical scholarship is shaped by the demands of political power.

To assess historians working under the Stalinist dictatorship, historiography must adopt a contextualized and differentiated approach, emphasizing structural constraints while also allowing for understanding, empathy, and retrospective scholarly solidarity. Extreme cases such as Anna M. Pankratova, often labeled the “fist of the party” within the profession, require nuanced evaluation. The career of Boris D. Grekov illustrates strategies of heightened adaptability and overfulfillment of expectations, whereas Stepan B. Veselovsky’s career demonstrates that uncompromising scholarly work, though rare, remained possible under Stalinism.

Comparable types appear in Hungarian historiography as well (Péter Hanák, Domokos Kosáry, Jenő Szűcs). A key difference is that the Hungarian Stalinist period was relatively short, allowing greater career continuity and limiting irreversible intellectual and existential damage to the discipline.

Keywords: historiography; Stalinism; authoritarian regimes; historians and power; adaptation strategies; academic autonomy; Hungarian historiography

Gyula Szvák – DSc in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. E-mail: centre@russianstudies.hu. ORCID: 0000-0002-6505-5286

Этот текст прозвучал на международной конференции, состоявшейся по случаю 35-летия основания Центра русистики Университета имени Лоранда Этвёша (ELTE), в докладе под названием «Стратегии выживания историка в авторитарных режимах».

1 *Citation: GYULA SZVÁK, „Strategii vyzhivaniia istorika v avtoritarnykh rezhimakh” [The Survival Strategies of Historians in Authoritarian Regimes], RussianStudiesHu 8, no. 1 11–18. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.1*

ПРОФЕССИЯ ИСТОРИКА И АВТОРИТАРНАЯ ВЛАСТЬ

Основная проблема профессии историка во все времена заключается в том, что её задачей всегда является выполнение заказов. В идеале историк работает по общественному заказу и осуществляет свою деятельность в рамках демократической системы управления учреждениями, при этом материальные основы его работы обеспечиваются государством под общественным контролем.

В автократических или авторитарных государствах историк трудится по заказу власти, когда государство стремится проводить собственную историческую политику и при содействии историков навязывает и реализует политику памяти, направленную на укрепление политического господства.

В этих случаях пространство свободы ограничено, но сохранение профессиональной и нравственной целостности не невозможно. Позднейшие историографы, которые будут оценивать деятельность коллег, работавших в условиях автократических режимов прежних лет, должны стремиться к комплексному изучению эпохи, к беспристрастному анализу важнейших обстоятельств, пониманию, эмпатии и, *horribile dictu*, к ретроспективной солидарности.

Такой подход стоит применять и при оценке историков, работавших во времена сталинской диктатуры. Задачу, однако, осложняет то, что этот, на первый взгляд, монолитный период на самом деле не был единым. Уже при Ленине многие оказались на так называемых «философских пароходах» – их выслали за границу или сослали внутри страны, – но при этом немало «буржуазных» историков смогли сохранить свои должности. В конце 1920-х годов, в ходе так называемого «дела Платонова», их обвинили в монархическом заговоре и исключили из профессии (некоторых и физически уничтожили) – в результате стремления школы Покровского установить своё господство в исторической науке. 1934 год стал настоящей вехой в развитии сталинского понимания истории и исторической науки. Тогда было принято знаменитое постановление ЦК и правительства «О преподавании отечественной истории», согласно которому историю якобы «восстановили в ее правах». Одновременно началось вытеснение ранних марксистов – сторонников социологизирующего направления Покровского и их идей.²

2 Szvák Gyula, *Ruszsztika és hatalom*. Ruszsztikai Könyvek LII., (Budapest: Russica Pan-nonica, 2025). 260–266.

Это привело к парадоксальному повороту: в историческую науку вернулись представители старой школы, подвергшиеся более или менее сильной проработке, и профессиональная историография снова начала функционировать. Только теперь она строилась уже не на основе классовой борьбы, а на патриотической основе – во славу Российской империи и её государствообразующего народа, русских. А марксисты 1920-х годов, напротив, оказались под катком репрессий. Андрей Артизов, нынешний руководитель архивной службы России, в своей диссертации 1998 года насчитал (я сам не проверял) более ста историков, уничтоженных в годы «Большого террора».³

Великая Отечественная война по понятным причинам подняла этот патриотизм на высшую степень. Новая волна преследований началась в 1949 году – в ходе кампании против так называемого космополитизма, направленной главным образом против историков еврейского происхождения. На самом деле только смерть Сталина и XX съезд партии в 1956 году положили конец репрессиям против историков.

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ

В те десятилетия историку нелегко было держаться «правильной линии» и просто выжить. Существовали разные типы поведения и стратегии приспособления.

Одна из них – путь Анны Михайловны Панкратовой, которая, будучи искренне преданной партии, выступала своего рода «кулаком партии» в среде историков. Оценивая ущерб, нанесённый ею науке, справедливо, однако, учитывать и стеснённые жизненные обстоятельства – условия, в которых вопрос выживания стоял буквально.

Ранее я уже подробно рассматривал её личность⁴, поэтому теперь ограничусь лишь вопросом: была ли оправдана та степень рвения, с которой она служила партии на бастионах исторической науки, – к общему ущербу последней. Хотя и это утверждение не вполне справедливо: как организатор науки Панкратова оставила и устойчивые результаты – создание саратовской исторической школы, коллектив-

3 А. Н. Артизов, *Школа М. Н. Покровского и советская историческая наука (конец 1920-х – 1930-е годы)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. (Москва, 1998), 39.

4 Szvák Gyula, „Történézsors diktatúra idején – Anna Pankratova kommunista mártíróm-sága”. *Népszava*, 15 June 2025.

ную Историю Казахстана, написанную в эвакуации. Можно, пожалуй, отнести сюда и отредактированную ею Историю СССР – труд, который в условиях того времени, по крайней мере в Советском Союзе, действительно выполнял функцию школьного учебника.

Как добросовестный партийный пропагандист, она в итоге получила все возможные звания и титулы, какие только могли быть присвоены историку. Однако заставить забыть своё эсэровское прошлое, «троцкистское уклонение» мужа и тот факт, что она была первой ученицей Покровского, ей было непросто. Слепая вера, разумеется, помогала ей, но даже ей было непросто соответствовать постоянно меняющемуся партийному курсу. В конце концов, именно то, что она приняла близко к сердцу перемены, последовавшие после смерти Сталина, стало причиной её ранней кончины: она посыпала голову пеплом, когда ей это припомнили, но сердце не выдержало – и случился инфаркт. Однако, кроме собственного мужа, которого она сама заклеила как троцкиста, своим коллегам она зла не причинила.

Если вдуматься, непартийным историкам в каком-то смысле было проще. В силу логики вещей их не затрагивали постоянные внутрипартийные чистки. Если только они не были евреями, им, по сути, нужно было «всего лишь» пережить так называемое «монархическое дело». Эмблематической фигурой этого типа – представителя старой школы – был Борис Греков, известный и в Венгрии. Его биография полна загадок. Происходил он из дворян, ещё до 1917 года был человеком Платонова; после революции, находясь в Крыму, приветствовал от имени профессорского корпуса белогвардейских генералов, а затем работал и в институте Покровского. При всём этом в 1930 году отделался всего лишь месяцем тюрьмы. Спустя несколько лет стал академиком и одновременно директором трёх исторических институтов – главой всей советской исторической науки.

Рассказывали, что однажды он обратился к коллеге с вопросом: «Вы же член партии, дайте совет: вам-то должно быть известно, какая концепция Ему нравится», – и при этом многозначительно взглянул на портрет, висевший на стене.

И, надо признать, доля истины в этом была: свою монографию о Киевской Руси он постоянно переписывал, всё дальше отодвигая во времени возникновение русского (точнее, восточнославянского) феодализма.⁵

5 А. Л. Хорошкевич (ред.), *Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века*. (Москва: Аквариус, 2015), 41–43.

(В те годы считалось достоинством, если историк изображал развитие Руси как идущее в ногу с западноевропейским.)

Таким образом, этот дореволюционный, «буржуазный» историк сумел приспособиться к новым условиям, к новым требованиям. В его случае следует взвесить именно эту доведённую до предела способность к приспособлению, пресловутое «чрезмерное рвение». Несомненно, Греков был высокообразованным, прекрасно знавшим архивы историком⁶ чьи знания и опыт были необходимы новой, патриотически ориентированной историографии. Можно предположить, что многочисленные пятна в его биографии при окончательном подведении итогов тоже обернулись ему на пользу, ведь ему было чего опасаться и ради чего оставаться лояльным.

В то же время творческая деятельность Степана Веселовского, также происходившего из дворянской семьи, служит примером того, что даже в сталинской системе существовали – пусть и немногочисленные – бескомпромиссные научные карьеры.⁷ По образованию юрист, Веселовский начинал как историк-любитель и направил миллионное приданое своей жены на выявление и переписывание неизвестных архивных фондов. На устраиваемых им блистательных приёмах собиралась элита исторического сообщества, и хозяин порой позволял гостям заглянуть в сокрытые архивные сокровища.

Тем не менее он оставался историком вне цеха, вступить в который решался с большим трудом. В конечном счёте война и революция вынудили его принять должность архивиста, после чего он стал сотрудником Института истории и академиком, обогатившим вспомогательные исторические дисциплины фундаментальными трудами. Его работы строго опирались на источники, и факты говорили сами за себя.

Однако, когда очередь дошла до Ивана IV, он не стал скрывать своего негативного суждения, несмотря на то, что в 1948 году было принято даже партийное постановление о величии царя. После этого Веселовский писал «в стол», и эти его исследования были опубликованы уже после смерти, в 1963 году. Совершенно абсурдным образом заместитель заведующего отделом советской партии, критиковавший статью

6 В связи с этим А. А. Зимин высказал серьёзные сомнения. In: А. А. Зимин, тайный дневник, цит. по: *Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века*. А. Л. Хорошкевич (ред.) (Москва: Аквариус, 2015), 41–43.

7 В. Б. Кобрин, «Кому ты опасен, историк?» *VIVOS VOCO*, часть 3. (Дата обращения: 2 January 2026.)

Е. Фехера Пала, опубликованную в газете «Непсабадшаг» и посвящённую положительной оценке книги Иштвана Долмани «История Советского Союза» (1971), привёл Веселовского в качестве отрицательного примера, хотя к тому времени тот уже давно был мёртв.⁸ При жизни его лишь подвергали критике за «буржуазный объективизм», однако в тюрьму или, тем более, в ГУЛАГ он не попал.

ВЕНГЕРСКИЕ ТИПАЖИ И РЕТРОСПЕКТИВНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Подобные «советские типажи» можно обнаружить и в венгерской историографии. Так, например, Петер Ханак, которого, впрочем, называли не «кулаком партии», а другим её органом, в своём рвении превосходил даже Панкратову.⁹ Домокош Кошари, хотя и воздерживался от эффектных идеологических пируэтов «грековского типа», все же тоже был известен как буржуазный историк, обладающий развитым качеством приспособленчества.¹⁰

Енё Сюч, представлявший уже более молодое поколение, напротив, служил примером принципиальной твёрдости и добросовестности учёного, то есть той самой бескомпромиссности, которая в крайних политических условиях встречалась крайне редко.¹¹

Разумеется, между двумя историографическими традициями существовало и принципиальное различие. В Венгрии «сталинская эпоха» продолжалась менее десяти лет, вследствие чего у историков сохранялось больше времени для профессионального манёвра и восстановления. Насилие над наукой и насильственная ненаучность не привели здесь к невосполнимым экзистенциальным и интеллектуальным утратам, к действительно необратимым процессам. (В Венгрии не был казнён ни один историк.) В результате этого в ходе длительного, после 1956 года практически неостановимого процесса «либерализации»

8 Дюла Свак, «Три истории России» (*Three 'Histories of Russia'*). *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 26. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.11.

9 CSUNDERLIK PÉTER, *Egy különleges közép-európai történész. Hanák Péter pályaképe*. (Budapest: Napvilág Kiadó, 2023).

10 SZVÁK GYULA, „Kosáry Domokos pokolbeli víg napjai – Romsics Ignác könyvét olvasva”. *Népszava*, 3 August 2025.

11 ENGEL PÁL, „Vázlat Szűcs Jenőről”. *Holmi* (1993): 833–837.

профессии историка марксистская историография была без особого труда снабжена другой этикеткой, разложена на элементы, после чего наша профессия органично вписалась в эклектику эпохи смены общественного строя.

Таким образом, даже в условиях крайних авторитарных режимов сохранялась возможность оставаться порядочным и профессионально честным; выбор существовал и там. Перевыполнение идеологических норм, рвение сверх меры, не были обязательными – их диктовали, скорее, индивидуальные амбиции и карьерные соображения. Никому не приставляли пистолет к виску, требуя датировать формирование феодализма в Древней Руси IX веком – или даже более ранним временем. Владимир Кобрин, выдающийся советский историк, писал в 1990 году, что конструкция с определением «честный историк» на самом деле не существует. Ведь того, кто нечестен, нельзя назвать историком.¹² Видимо, 1990 год – год смены режима – таил в себе больше оптимизма, чем 2025-й. Я, например, не считаю Домокоша Кошари нечестным даже несмотря на то, что он однажды дал своей работе такое название: «Борьба Лайоша Кошута против феодального и колониального гнёта.»¹³ Можно найти оправдание историкам, которые работали под давлением власти и искали свой *modus vivendi*, особенно если на кону стояла их жизнь.

Склоняюсь перед воображаемым памятником «неизвестному исторiku», перед теми, кто стал жертвой и был искалечен репрессивными режимами. Историки будущего, очевидно, будут судить и нас. Несомненно, нам тоже понадобится «ретроспективная солидарность». Конечно же, не для тех, кто подобен безпозвоночным слизням без спинного хребта (Хофи¹⁴).

Ведь и в 2025 году мы не можем опуститься ниже уровня 1990-го, и не может быть иной основы для нашей деятельности, кроме независимости, добросовестности и свободы учёного.

12 В. Б. Кобрин, «Кому ты опасен, историк?» *VIVOS VOXO*, часть 3. (Дата обращения: 2 January 2026.)

13 Romsics Ignác, *Kosáry Domokos* (Budapest: Corvina, 2025), 262–263.

14 Хофи, Геза (1936–2002) – самый популярный венгерский комик второй половины XX века; его культурное и общественное влияние часто сопоставляется с влиянием Аркадия Райкина.

References

A. N. ARTIZOV, *Shkola M. N. Pokrovskogo i sovetskaia istoricheskaia nauka (konets 1920-x – 1930-e gody)* [The School of M. N. Pokrovskii and Soviet Historical Scholarship, Late 1920s–1930s]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk. (Moskva: 1998).

CSUNDERLIK PÉTER, *Egy különleges közép-európai történész. Hanák Péter pályaképe* [A Special Central European Historian: The Career of Péter Hanák]. (Budapest: Napvilág Kiadó, 2023).

ENGEL PÁL, „Vázlat Szűcs Jenőről” (A Sketch of Jenő Szűcs). *Holmi* (1993): 833–837.

V. B. KOBRIN, „Komu ty opasen, istorik?” [Why Are You Dangerous, Historian?] *VIVOS VOCO*, chast’ 3. (Accessed 2 January 2026.)

ROMSICS IGNÁC, *Kosáry Domokos (Domokos Kosáry)*. (Budapest: Corvina, 2025).

A. L. KHOROSHKEVICH (red.), *Sud’by tvorcheskogo naslediiia otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka* [The Fate of the Scholarly Legacy of Russian Historians in the Second Half of the Twentieth Century] (Moskva: Akvarius, 2015)

SZVÁK GYULA, *Ruszsztika és hatalom* [Russian Studies and Power]. *Ruszsztikai Könyvek LII*. (Budapest: Russica Pannonicana, 2025).

SZVÁK GYULA, „Történészsors diktatúra idején – Anna Pankratova kommunista mártíromsága” [A Historian’s Fate under Dictatorship: The Communist Martyrdom of Anna Pankratova]. *Népszava*, 15 June 2025.

SZVÁK GYULA, „Kosáry Domokos pokolbeli víg napjai – Romsics Ignác könyvét olvasva” [Domokos Kosáry’s Cheerful Days in Hell: Reading the Book by Ignác Romsics]. *Népszava*, 3 August 2025.

SZVÁK GYULA, „Tri istorii Rossii” [Three ‘Histories of Russia’]. *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 26. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.11.

МИХАЭЛЬ ШИППАН

ИСТОРИКИ СССР И ГДР ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ВОСПОМИНАНИЯ О 1976–1989 ГОДАХ¹

HISTORIANS OF THE USSR AND THE GDR IN INTERACTION: RECOLLECTIONS OF THE YEARS 1976–1989

The article examines the interaction between historians of the Soviet Union and the German Democratic Republic during the 1970s and 1980s through the prism of the author's professional biography. From his years of study at Humboldt University in Berlin until the end of the GDR, the author was directly involved in Soviet-East German scholarly exchanges. The article demonstrates that, although the institutional structures of Marxist-Leninist historiography formally reported the fulfilment of party directives in the sphere of scholarship, effective cooperation took shape primarily at the grass-roots level – within departments, research groups, and concrete collaborative projects.

A central place in the narrative is occupied by the figure of Eduard Winter and the circle of his pupils and associates who turned to the study of Russian history (Peter Hoffmann, Günter Rosenfeld, Erich Donnert, among others). Drawing on the experience of academic conferences, international seminars of university teachers from socialist countries, joint work on university textbooks, and editorial practice at the *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, the article analyses the mechanisms by which research agendas were coordinated, the limits of permissible criticism, and the role of self-censorship. Particular attention is paid to key debates of the late Soviet period, including discussions on the origins of capitalism in Russia, historical alternatives, and the concept of “multi-structured” socio-economic development (*mnogoukladnost'*).

Special emphasis is placed on the impact of *Perestroika* on the professional self-understanding of historians. The final episodes – such as the author's stay in Moscow and Leningrad in the spring of 1989, encounters with Soviet colleagues, and public revelations of Stalinist terror – mark a turning point in the intellectual climate and the dissolution of the previous model of scholarly exchange. At the same time, the article highlights the continuity of personal networks and collaborative projects beyond 1990.

Keywords: USSR, GDR, Marxist historiography, Eduard Winter, international networks of historians, Perestroika

Michael Schippan – DSc in History, Member of the Leibniz Society of Sciences to Berlin (Leibniz-Sozietät der Wissenschaften zu Berlin e.V.). E-mail: info@dr-michael-schippan.de

¹ *Citation:* MICHAEL SCHIPPAN, „Istoriki SSSR i GDR vo vzaimodeistvii: vospominaniia o 1976–1989 godakh” [Historians Of The USSR And The GDR In Interaction: Recollections Of The Years 1976–1989], *RussianStudiesHu* 8, no. 1 (2026): 19–35. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.2

С того времени, как в начале 1950-х гг. в Германской Демократической Республике (ГДР) марксистско-ленинская историография была институционально утверждена в университетах и прочих высших учебных заведениях, а также в Берлинской академии наук, тесному сотрудничеству с историками Советского Союза придавалось фундаментальное значение. Совет по исторической науке ГДР, учрежденная в 1958 г. Комиссия историков ГДР и СССР, а также Историческое общество ГДР, ориентированное на марксистское мировоззрение и действовавшее через различные профильные комиссии, реализовывали партийные директивы правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) в сфере исторической науки. Вместе с тем, президент Совета по исторической науке ГДР в 1969–1989 гг., профессор Эрнст Диль (1928–2014), не являлся идеологически жестким проводником партийной линии, но был мягким и доброжелательным человеком, от которого не исходило давления. После политического перелома 1990 г. он был трудоустроен в качестве привратника на проходной одного из заводов (!).

Практическое сотрудничество с историками Советского Союза осуществлялось прежде всего на нижних уровнях, например в научно-исследовательских институтах и отделах. Я был включен в эту работу с самого начала.

НАЧАЛО МОИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ЦАРЮ ПЕТРУ I И НЕМЕЦКО-СЛАВЯНСКИМ ВЗАИМОСВЯЗЯМ

10 июня 1972 г. я, будучи 16-летним старшеклассником из Эрфурта, прочитал в центральной партийной газете «*Neues Deutschland*» статью, написанную историком-русистом Петером Хоффманом (род. 1924)² к 300-летию со дня рождения Петра I³.

Будучи приглашенным 18 октября 1973 г. на вступительное собеседование в Секцию истории⁴ Берлинского университета имени Гумбольдта, я принес с собой 4-х томную рукопись на тему «Немецко-русские отношения в эпоху царя Петра I». Эта работа обсуждалась как в возглавляемом

2 В 2025 году в его честь был опубликован всеобъемлющий сборник статей: М. ШИППАН, М. ВЕННА (Hrsg.), *In der vorderen Reihe der Russlandhistoriker. Peter Hoffmann zum 100. Geburtstag* (Berlin: Frank & Timme, 2025).

3 Р. ХОФФМАН, “Ich bin ein Lernender und suche Lehrende. Zum 300. Geburtstag Peters I”, *Neues Deutschland*, 10 June (1972), 15.

4 Секции (Sektionen) были введены в университетах ГДР в ходе реформ конца 1960-х годов и заменили традиционные факультеты; внутри секций действовали направления (Bereiche), выполнявшие учебно-научные функции (Примечание переводчика).

Гюнтером Розенфельдом (1926–2015)⁵ Отделе истории СССР и мировой социалистической системы, так и среди коллег из Академии наук ГДР. К их числу относились, помимо высоко ценимого мной Эдуарда Винтера (1896–1982), чьи труды, в частности книгу «Раннее Просвещение» (1966), я уже успел прочитать, также его ученики Петер Хоффман и Конрад Грау (1932–2000). В Берлине мне пришлось ответить на 23 вопроса приемной комиссии, с помощью которых проверялись моя политическая грамотность и «партийность». У меня сложилось впечатление, что эти вопросы были сформулированы жестче, чем те, которые задавались абитуриентам рабочего происхождения, уже зарекомендовавшим себя на социалистическом производстве или в армии. В 1972–1973 гг. для руководства СЕПГ центральной задачей была борьба с «социал-демократизмом» в Федеративной Республике Германии, чему и были посвящены некоторые из задаваемых вопросов. Тогда западногерманская социал-демократия рассматривалась руководством СЕПГ как якобы более опасная, чем «консерватизм», поскольку действовала более тонко в пропагандистском отношении и стремилась к «гуманистическим послаблениям».

Весной 1976 г. сотрудники Отдела Берлинского университета Гюнтер Розенфельд и Мартин Цёллер представили меня уже 80-летнему академику Эдуарду Винтеру как усердного читателя его работ. Винтер с удовлетворением назвал меня своим «самым молодым учеником». Мне, 20-летнему, предполагалось поручить помощь в подготовке его публикаций, а также систематизацию библиотеки и личного архива. Однако этот замысел, к сожалению, не был реализован, поскольку от меня, студента-дипломника, требовалось обязательное участие без исключения во всех учебных занятиях, и для этой почетной задачи практически не оставалось свободного времени.

БЫВШИЙ КАТОЛИЧЕСКИЙ СВЯЩЕННИК ЭДУАРД ВИНТЕР КАК ОСНОВАТЕЛЬ ШКОЛЫ МАРКСИСТСКИХ ИСТОРИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Как отмечал историк науки Конрад Грау, существовал определенный парадокс в том, что Эдуард Винтер, классифицировавшийся в ГДР как «буржуазный ученый» и, к тому же, бывший католический священник, сумел сформировать школу марксистских историков⁶. В основании

5 См. его мемуары: G. ROSENFELD, *Erinnerungen von 1926 bis 1991* (Berlin: Selbstverlag, 2016).

6 C. GRAU, "Eduard Winter (1896 bis 1982)", in: *Wegbereiter der DDR-Geschichtswissenschaft. Biographien*, Hg. von H. HEITZER; K.-H. NOACK; W. SCHMIDT (Berlin, 1989), 358–375; ИДЕМ,

этой школы и в создании возглавляемой им рабочей группы «История славянских народов» при Институте истории Германской академии наук в Берлине заключалось одно из его особых достижений.

В историческом мировоззрении Эдуарда Винтера утвердилась «би-полярная» перспектива: свет и тьма, друг и враг противостояли друг другу в манихейской борьбе. Понятие «борьбы» использовалось им на протяжении всей жизни как универсальный термин для обозначения интеллектуальных конфликтов, что вполне соответствовало его распространенности в эпоху «мировоззренческих войн» XX в. Радость от привлечения максимально возможного числа новых источников и фактов по истории немецко-славянской взаимности XVIII в., а также очевидное совпадение его исследовательских установок с политикой Советского Союза и ГДР привели к тому, что Эдуард Винтер с 1950-х гг. во многом «модернизировал» выявляемые им исторические связи. Он сосредоточивался прежде всего на зачаточных и ранних формах интеллектуальных процессов – «раннем гуманизме», «раннем Просвещении» и «раннем либерализме». Эти термины закономерно были вынесены в заголовки его монографий 1964, 1966 и 1968 гг.⁷ Все это у Винтера подавалось в преимущественно позитивной тональности.

В то же время его ученик и сотрудник Гюнтер Мюльпфордт, автор многочисленных работ о так называемом «среднегерманском Просвещении» в «университетском пятиугольнике» Галле, Лейпциг, Виттенберг, Йена и Эрфурт и об их исторических связях с Россией и другими славянскими странами, оказался единственным в окружении Винтера ученым, который, несмотря на членство в правящей партии СЕПГ, по политическим причинам был лично подвергнут взысканиям со стороны первого секретаря СЕПГ Вальтера Ульбрихта в 1958 г., в 1962 г. уволен без предупреждения и до 1983 г. отстранен от работы в высшей школе. После смерти И. В. Сталина в правящих партиях так называемого «социалистического лагеря» усилилось чувство неуверенности. Оно было связано с Оттепелью в Советском Союзе. В ГДР это привело к временному внутривнутриполитическому смягчению, прежде всего в сфере культу-

“Eduard Winter als Osteuropahistoriker in Halle und Berlin von 1946 bis 1956”, *Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte*, no. 1 (1995): 43–76.

7 E. WINTER, *Frühhumanismus. Seine Entwicklung in Böhmen und seine Bedeutung für die Kirchenreformbestrebungen im 14. Jahrhundert* (Berlin: Akademie-Verlag, 1964); IDEM, *Frühaufklärung. Der Kampf gegen den Konfessionalismus und die deutsch-slawische Begegnung in Mittel- und Osteuropa* (Berlin: Akademie-Verlag, 1966); IDEM, *Frühliberalismus in der Donaumonarchie. Religiöse, nationale und wissenschaftliche Strömungen von 1790–1868* (Berlin: Akademie-Verlag, 1968)

ры. Однако в 1958 г. партийное руководство СЕПГ в Берлине ответило на обновленческие процессы скоординированными репрессиями против сконструированного им «ревизионизма», а также судебными преследованиями.

Особенностью развития научных исследований по истории славянских народов в Академии наук и университетах являлось тесное, нередко дружеское, сотрудничество между профессиональными историками, такими как Петер Хоффман и Конрад Грау, и филологически ориентированными литературоведами и славистами – Хельмутом Грасхофом (1926–1983), Аннелиз Грасхоф (урожд. Лаух, 1937–1989) и Ульфом Леманном (1933–1992), – которые в равной степени прошли научную школу Эдуарда Винтера.

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА С СОВЕТСКИМИ УЧЕНЫМИ НАД ВУЗОВСКИМИ УЧЕБНИКАМИ

Весной 1976 г. руководство Исторической секции Берлинского университета имени Гумбольдта заключило со мной так называемое *Bestenförderungsvereinbarung* («Соглашение о поддержке наиболее способных»), призванное обеспечить индивидуальное научное сопровождение и организовать начало моей исследовательской работы по истории России. Наряду с Гюнтером Розенфельдом, который стал моим общим научным руководителем и «научным отцом» (*Doktorvater*), в качестве моего основного профильного консультанта был назначен Петер Хоффман. Кроме того, предполагалось, что я буду консультироваться в Университете Галле с Эрихом Доннертом, а в 1979–1980 гг. пройду годичную аспирантуру в рамках дополнительного обучения в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Наконец, планировалось мое участие в подготовке новой редакции вышедшего в 1976 г. вузовского учебника «История СССР» в сотрудничестве с Анатолием Михайловичем Сахаровым (1923–1978)⁸, заведующим кафедрой истории СССР периода феодализма Московского государственного университета. На основе новейших исследований мне пред-

8 GÜNTER ROSENFELD (u. a.), *Geschichte der UdSSR. Von den Anfängen bis zur Gegenwart* (Berlin: Akademie-Verlag, 1976). Помимо А. М. Сахарова, который подготовил раздел, охватывающий период до 1861 г., в работе над этим учебником в качестве авторов разделов, посвящённых советскому периоду, участвовали Валерия Михайловна Селунская (1920–2005) и Владимир Зиновьевич Дробижев (1931–1989).

стояло разработать изложение истории России от ее истоков до 1861 г. После его преждевременной кончины работа над этим проектом была продолжена Гюнтером Розенфельдом и мной. Однако до конца существования ГДР в 1989 г. новое издание учебника так и не вышло. В нем по-прежнему содержались бы все марксистско-ленинские догмы, характерные для исследований по истории России того времени.

Я был также привлечен к подготовке признанной необходимой после смерти Вальтера Эккермана (1899–1978) новой редакции единственного в ГДР комплексного введения в историческую науку, предназначенного для высшей школы, так называемого «Эккерман / Мор»⁹. Как и в случае с учебником «История СССР», здесь также считалось желательным сотрудничество с советскими учеными. Я установил контакт между работавшим в Потсдаме автором учебников Хубертом Мором (1914–2011)¹⁰ и заведующим кафедрой в Московском государственном университете Анатолием Дмитриевичем Горским (1923–1988)¹¹.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЕМИНАРЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ СССР В ВЫСШИХ ШКОЛАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Начиная с III-го совещания преподавателей истории СССР в высших школах социалистических стран, состоявшегося в Берлине в октябре 1976 г., я участвовал и в последующих заседаниях этой рабочей группы. Они проходили при постоянном ядре и меняющемся составе участников – в 1980 г. в Брно и в 1985 г. вновь в Берлине. В них участвовали преподаватели высших школ из Советского Союза, Польши¹², Че-

9 W. ECKERMANN, H. MOHR, *Einführung in das Studium der Geschichte*, 3., völlig neu erarbeitete Auflage (Berlin: Akademie-Verlag, 1979). В 1986 г. вышло также четвертое издание этого вузовского учебника.

10 Хуберт Мор, как и Эдуард Винтер, с 1940 г. был католическим священником. В 1960 г. он защитил диссертацию под руководством Эдуарда Винтера и Вальтера Эккермана на тему «Католический апостолат». Мор перевел на немецкий язык монографии Иосифа Ромуальдовича Григулевича (1913–1988) и Арона Яковлевича Гуревича (1924–2006).

11 Под редакцией А. Д. Горского в 1985–1991 гг. выходила серия учебных пособий «Материалы по истории СССР: для семинарских и практических занятий».

12 Когда во время встречи в Брно в декабре 1980 г. польский историк Владислав Анджей Серчик (1935–2014), в то время работавший в Белостоке, автор биографии Петра I (1973), открыто назвал себя сторонником оппозиционного движения «Соллидарность», по инициативе советской делегации он оказался в изоляции и подвергся демонстративному игнорированию. Однако для меня это не стало препятствием для общения с этим выдающимся специалистом по истории России.

хословакии, Венгрии и Болгарии; один раз к ним присоединился также коллега из Румынии.

В 1976 г. я выступал, представляя точку зрения студентов, с сообщением о лекциях приглашенных преподавателей из Московского государственного университета в Берлинском университете. Я сопровождал эти курсы в качестве переводчика лекций, читавшихся на русском языке, и они внесли существенный вклад в формирование моего научного интереса к XVIII в. В 1985 г. на очередном совещании преподавателей высшей школы социалистических стран я выступил с докладом, посвященном проблемам культуры и общественной мысли в России XVII–XVIII вв.¹³

НАЧАЛО КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ: «ПОЗДНЕДАТИРОВЩИКИ» (SPÄTDATIERER) И «РАННЕДАТИРОВЩИКИ» (FRÜHDATIERER)

Александр Сергеевич Орлов (1939–2023), впоследствии проректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, был одним из приглашенных преподавателей, выступавших с лекционными курсами в Берлинском университете имени Гумбольдта. Он изучал выступления крепостных крестьян, приписанных к предприятиям Воронцовых и Шуваловых на Урале в середине XVIII в., которые отстаивали свои традиционные права, однако еще не могли рассматриваться как «пролетарии» капиталистической эпохи.

Орлов, наряду со знатоком эпохи Петра I, Николаем Ивановичем Павленко (1916–2016) и аграрным историком Леонидом Васильевичем Миловым (1929–2007), принадлежал к числу так называемых «позднетатировщиков», усматривавших начало капитализма в России не ранее конца XVIII — начала XIX вв. На совещании преподавателей истории СССР высших школ социалистических стран, состоявшемся

13 M. SCHIPPAN, "Das Studium der Geschichte der UdSSR und die Rolle der FDJ-Studenten an der Humboldt-Universität", in: *Das Studium der Geschichte der UdSSR und die internationalistische Erziehung der Studenten. III. Seminar der Hochschullehrer für Geschichte der UdSSR aus Universitäten sozialistischer Länder* (Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin / Sektion Geschichte, 1978), 67–75; ИДЕМ, "Проблемы истории культуры и общества в России в XVII–XVIII вв.", в *Культура народов СССР: история и современность. Материалы VII Международного семинара историков СССР университетов социалистических стран, проходившего в Берлине 1–3 апреля 1985 года* (Берлин: Humboldt-Universität / Sektion Geschichte, 1987), 140–148; ИДЕМ, "Kultur und gesellschaftliches Denken in Rußland vom 17. bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts. Neue sowjetische Arbeiten", *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, no. 4 (1988): 341–349.

в декабре 1980 г. в Брно, Леонид Милов доказывал, что бурлаки, массово, десятками тысяч, фиксируемые в источниках начиная с XVII в., еще не являлись наемными рабочими капиталистической экономики, а представляли собой сезонных работников, не производивших никакой «прибавочной стоимости».

Иной позиции придерживались авторы вышедшего в 1980 г. коллективного сборника¹⁴ – В. И. Буганов, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов, которые выступали как «раннедатировщики», настаивая на отнесении начала капитализма в России уже к XVII в. В обоснование своей точки зрения они ссылались на работу Владимира Ленина «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» (1894), в которой автор применительно к XVII в. усматривал начало нового периода в формировании общероссийского рынка. Тем самым постулировалась одновременность начала становления капитализма в России и в странах Западной Европы, а основные положения марксистско-ленинской «формационной теории» представлялись как бы подтвержденными.

В тот период именно эти три историка занимали ведущие позиции в Академии наук СССР в Москве, а руководство КПСС не допускало развернутых, основанных на источниках научных дискуссий. «Позднедатировщики» при этом находились в положении меньшинства.

С ЯКОВОМ ДРАБКИНЫМ НА ПРАЗДНОВАНИИ 60-ЛЕТИЯ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

9 ноября 1978 г. я сопровождал московского историка Якова Самойловича Драбкина (1918–2015) на официальный государственный акт в Берлинскую государственную оперу, посвященный празднованию 60-летия Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. После окончания Второй мировой войны Драбкин служил в советской оккупационной администрации в Германии, занимался вопросами культурной работы. Впоследствии он зарекомендовал себя как один из ведущих знатоков истории Германии XX в., особенно как специалист по Ноябрьской революции и Веймарской республике¹⁵. Он внимательно относился и к попыткам западногерманских историков – в частности Петера Брандта, старшего сына Вилли Брандта, – изучать рабочие и солдатские со-

14 В. И. Буганов, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, *Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы* (Москва: Наука, 1980).

15 См. перевод на немецкий его книги: J. DRABKIN, *Die Entstehung der Weimarer Republik* (Berlin: Akademie-Verlag, 1983).

веты, как институты народной демократии¹⁶. В кулуарах мероприятия Яков Драбкин встретился со своим давним другом – ведущим деятелем культурной политики ГДР еврейского происхождения Александром Абушем (1902–1982).

Мы также увидели уже тяжело больного члена Политбюро Альберта Нордена (1904–1982)¹⁷, который, будучи евреем и жертвой нацистских преследований, уделял особое внимание проблеме активной роли в Федеративной Республике Германии бывших нацистских функционеров, таких как Ханс Мария Глобке, Курт Георг Кизингер и Генрих Треттнер. Альберт Норден, выступая и в роли историка, предпринимал попытки изложить историю южногерманского торгово-финансового рода Фуггеров в XVI в.¹⁸

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ВОСПРИЯТИИ РЕДАКЦИИ «ZEITSCHRIFT FÜR GESCHICHTSWISSENSCHAFT»

В период с 1981 по 1987 гг., когда я работал редактором берлинского журнала «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*»¹⁹, на меня прежде всего была возложена обработка обширного раздела рецензий, который в каждом номере включал до 70 рецензий и аннотаций, а также – с определенной периодичностью – обзорные статьи по научной литературе. В мои обязанности входило также информирование редакции о состоянии исторической науки в Советском Союзе и публикация соответствующих материалов в рубрике «Заметки из научной жизни».

16 P. BRANDT, *Arbeiter-, Soldaten- und Volksräte 1918/19* (Düsseldorf: Droste Verlag, 1980).

17 См. о нем: N. PODWIN, *Der Rabbinersohn im Politbüro: Albert Norden. Stationen eines ungewöhnlichen Lebens* (Berlin: Dietz Verlag, 2003)

18 См. его книгу и ее русский перевод: A. NORDEN, *Herrscher ohne Krone* (Berlin: Dietz Verlag, 1973); ИДЕМ, *Некоронованные властители* (Moskva: Progress, 1978).

19 В 1990 г. я ознакомился с томами переписки журнала «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» за предыдущие десятилетия, стремясь выяснить, можно ли обнаружить в ней следы государственной цензуры. Однако, как показал анализ, политической цензуры не существовало. Зафиксированные разногласия между редакцией и авторами касались преимущественно профессиональных, научных вопросов. В отделе науки ЦК СЕПГ, которым в 1955–1989 гг. (!) руководил Йоханнес Хёрниг (1921–2001), каждый номер журнала просматривался лишь после его выхода из печати. Содержательные конфликты и кадровые дискуссии имели место только в 1950–1960-е гг., и к моему времени уже давно остались в прошлом. В более поздний период со стороны партийных органов, уполномоченных на просмотр выпусков, каких-либо замечаний не поступало. Очевидно, эффективно функционировал механизм «самоцензуры»: каждый автор, намеревавшийся публиковаться в этом журнале, заранее знал, о чем можно писать, а о чем – нет.

Я рецензировал несколько томов периодического издания «Средние века», основанного в 1942 г. Таким образом, историки немецкоязычного пространства получали пусть и обзорное, но наглядное представление о высоком уровне советских медиевистических исследований. В качестве показательного примера здесь могут служить труды специалиста по истории Франции Юрия Львовича Бессмертного (1923–2000). Материалы по истории Германии раннего Нового времени (XVI в.) для «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» предоставлял работавший в Смоленске Юрий Евгеньевич Ивонин (1947–2021).

СО ЛЬВОМ НИКИТЕЧЕМ ПУШКАРЁВЫМ НА ПОСЛЕДНЕМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИКОВ ГДР (ФЕВРАЛЬ 1989 Г.)

В феврале 1989 г. в Берлине состоялся последний конгресс историков ГДР на тему «Война и мир в истории», проходивший одновременно под знаком 200-летнего юбилея Великой французской революции 1789 г. Большинство историков уже находились под заметным впечатлением от «Перестройки», инициированной Михаилом Горбачёвым в Советском Союзе, и ожидали проведения глубоких реформ в ГДР.

Я был свидетелем того, как многолетний куратор сфер культуры, образования и средств массовой информации, член Политбюро, считавшийся «жестким проводником линии» и верховным цензором, Курт Хагер (1912–1998), вышел из своей служебной машины перед местом проведения конгресса – «Домом учителя» на берлинской Александерплац, – однако не был никем встречен и сопровожден. Напротив, бурные, продолжавшиеся несколько минут, аплодисменты получил член Академии наук Герман Кленнер (род. 1926), один из ведущих правоведов ГДР, который в своем выступлении подчеркивал актуальность французской «Декларации прав человека и гражданина»²⁰.

На этом конгрессе я выступал совместно с московским историком и фольклористом Львом Никитичем Пушкарёвым (1918–2019), бывшим офицером Красной армии. В процессе подготовки темы «Война и мир в русском общественном мнении XVII–XVIII вв.» мы уже ранее обменивались идеями; я читал его труды²¹, и со временем между нами завя-

20 H. KLENNER, "Menschenrechte zwischen Krieg und Frieden. Plenarreferat auf dem VIII. Historikerkongreß der DDR (3. Februar 1989)", *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 37 (1989): 581–591.

21 Например: Л. Н. ПУШКАРЁВ, *Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. Очерки истории* (Москва: Наука, 1982).

зались дружеские отношения. Рабочая секция, в рамках которой мы выступали, была организована профильной комиссией «Новое время (1500–1789)» Исторического общества ГДР.

Петер Хоффман зафиксировал общее впечатление от 1989 г. следующим образом: «Начиная с 1980-х годов в конкретных исторических исследованиях по раннему Новому времени, а также эпохе абсолютизма и Просвещения, утвердилась новая постановка вопросов: прошлое все чаще рассматривалось с точки зрения альтернативных исторических ситуаций; особое внимание уделялось тем событиям, которые содержали в себе развилки и определяли дальнейшее направление исторического развития»²².

ВЕСНА 1989 Г. – АПОГЕЙ «ПЕРЕСТРОЙКИ» В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ

Весной 1989 г. по приглашению профильных институтов Академии наук СССР я провел три месяца в Москве и Ленинграде. Мы с Петером Хоффманом выступили там с публичными докладами о результатах наших исследований – в Институте истории СССР, которым в то время руководил Александр Александрович Преображенский (1925–2002)²³, а также в Институте русской литературы (Пушкинский дом), где действовал «Сектор XVIII века» под руководством известного специалиста по русской литературе XVIII столетия Натальи Дмитриевны Кочетковой (род. 1938).

В эти же дни мы посетили ведущего представителя в области изучения истории России XVIII в. и знатока биографии Петра I – Евгения Викторовича Анисимова (род. 1947).

ДИСКУССИЯ В МОСКВЕ ОБ АЛЬТЕРНАТИВАХ В ИСТОРИИ

22 марта 1989 г. в Москве мы приняли участие в многочасовой дискуссии об альтернативах исторического развития, проходившей в Институте всеобщей истории. Среди участников обсуждения были специалист по методологии истории Борис Георгиевич Могильницкий

22 PETER HOFFMANN, *In der hinteren Reihe. Aus dem Leben eines Osteuropa-Historikers in der DDR* (Berlin: NoRa, 2006), 211.

23 Петер Хоффман совместно со Штефаном Волле перевел на немецкий язык работу: А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, "Neue sowjetische Literatur zur sozialökonomischen und politischen Geschichte Rußlands vom 13. bis 18. Jahrhundert", *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der sozialistischen Länder Europas* 30 (1986): 217–235.

(1929–2014), у которого как раз вышла книга «Введение в методологию истории»²⁴, а также хорошо знакомый нам по визитам в Академию наук в Берлине специалист по истории Нидерландов Александр Николаевич Чистозвонов (1914–1998), чью статью о борьбе европейского крестьянства Петер Хоффман перевел на немецкий язык ещё в 1977 г.²⁵ Разработанный Чистозвоновым «стадиально-региональный метод» открывал возможности для сравнительных исследований в общеевропейском масштабе²⁶.

К сожалению, на эту встречу не смог прийти приглашенный Павел Васильевич Волобуев (1923–1997), который с 1966 г. выступал главным редактором многотомной «Истории СССР». Было известно, что Волобуев и некоторые его единомышленники, рассматривавшиеся как представители «Нового направления», высказывали сомнения в отношении господствующих догм, отвергая попытки модернизации социально-экономических предпосылок Октябрьской революции 1917 г. в историографии. Именно за эту позицию Волобуев оказался под огнем критики со стороны советских партийных функционеров²⁷.

Если на московской дискуссии Чистозвонов отстаивал лозунг «Назад к Марксу», то преимущественно более молодые участники обсуждения ясно дали понять, что они стремятся выйти за рамки устоявшихся путей марксистско-ленинской теории и, в поисках объяснения исторических альтернатив, намерены прокладывать новые исследовательские маршруты.

24 Б. Г. Могильницкий, *Введение в методологию истории* (Москва, 1989). См. мою рецензию на эту работу: М. SCHIPPAN, "B. G. Mogil'nickij: Vvedenie v metodologiju istorii (Einführung in die Methodologie der Geschichte)", *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 39, no. 11 (1991): 932–934. В СССР под «методологией истории» понималось то, что в Западной Европе принято обозначать термином «теория истории».

25 А. Н. Čistozvonov, "Die europäischen Bauern im Kampf um Land und Freiheit (14. und 15. Jahrhundert)", in: *Der deutsche Bauernkrieg 1524/25*, Hg. von A. LAUBE (Berlin: Akademie-Verlag, 1977), 35–56.

26 А. Н. Čistozvonov, "Über die stadial-regionale Methode bei der vergleichenden historischen Erforschung der bürgerlichen Revolutionen des 16.–18. Jahrhunderts in Europa", *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 21, no. 1 (1973): 38–55. О контактах Чистозвонова с восточноевропейскими коллегами см.: М. В. Ковалев, «А. Н. Чистозвонов и Й. Полишенский: к истории интеллектуальных взаимодействий», in: *Новое в Новой истории: источники*, Отв. ред. Г. А. Шатохина-Мордвинцева (Москва: Издательство «Весь Мир»), 2025, 271–284.

27 См.: J. HÖSLER, *Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. Studien zur Methodologie- und Organisationsgeschichte* (München: Oldenbourg, 2012).

ВОЛЬФГАНГ КЮТТЛЕР И КОНЦЕПЦИЯ МНОГОУКЛАДНОСТИ В РОССИИ

Разделяемое Павлом Волобуевым и рядом других советских исследователей, а в ГДР – также Вольфгангом Кюттлером (1936–2024), представление о многоукладности дореволюционной России разрушало жесткие рамки догматических схем последовательной смены социально-экономических формаций. Исследователи исходили из одновременного сосуществования в рамках одной страны различных элементов социально-экономических формаций – от первобытнообщинных пережитков и мелкотоварного производства до фабрично-заводской индустрии и монополистического капитала.

Задача заключалась в выявлении не только структурообразующего, но и тенденциобразующего формационного элемента, и таковым в России около 1900 г. являлся монополистический капитал. Тем самым становилось возможным рассматривать многообразие форм хозяйства как предпосылку формирования нового экономического строя после 1921–1922 гг. Однако данная политика отнюдь не была «безальтернативной»: она была задана руководящими деятелями советской власти – сначала Владимиром Лениным, а затем Иосифом Сталиным – и проводилась в жизнь с применением насилия.

РАЗОБЛАЧЕНИЯ СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА АНТОНОМ АНТОНОВЫМ-ОВСЕНКО В ЛЕНИНГРАДЕ

2 июня 1989 г., в один из весенних дней, я оказался в переполненном Мариинском театре в Ленинграде. Все места в зале были заняты. Дмитрий Легкий, аспирант Саратовского университета, специализировавшийся у Николая Троицкого²⁸ – ученого, известного также Петеру Хоффману по его публикациям, – еще до начала мероприятия провел меня

28 Профессор Саратовского университета, известный специалист по российской истории XIX в., Николай Алексеевич Троицкий (1931–2014), пошел по новым путям исторического мышления, соответствовавшим устремлениям «Перестройки». В вышедшей годом ранее книге (Н. А. Троицкий, *1812. Великий год России* (Москва, 1988)) Троицкий в определенной степени лишил героического ореола выдающегося полководца антинаполеоновских войн – князя Михаила Илларионовича Кутузова, которого он характеризовал как нередко апатичного и действовавшего без должной инициативы. Троицкий показал, что Кутузов допускал серьезные просчеты в ведении Отечественной войны, приводившие к поражениям русских войск и к росту собственных потерь. Вместе с тем герой Отечественной войны 1812 г. параллельно с борьбой против французской армии жестоко подавлял крестьянские восстания, направленные против крепостнического порядка. Тем самым Троицкий

за кулисы, где я познакомился с историком Антоном Владимировичем Антонов-Овсеенко (1920–2013). За рубежом он был известен как автор обличительного анализа сталинской эпохи²⁹, а в России после «Перестройки» опубликовал книги о войнах в Чечне и на Украине, а также биографию Л. П. Берии.

Не зная, какое из двух германских государств я представляю, Антонов-Овсеенко, немного владевший немецким языком, показал мне исторические фотографии – в частности, снимки второй жены Сталина Надежды Аллилуевой, а также секретаря и «фактотума» деспота в 1935–1952 гг. Александра Николаевича Поскрёбышева, почти не появлявшегося на публике. Однако среди этих материалов были и изображения, подобных которым я прежде никогда не видел. Мне были знакомы ужасающие по силе кадры из концентрационных лагерей нацистов: я посещал их еще в юности, в том числе Бухенвальд, находившийся недалеко от моего родного Эрфурта, а также Равенсбрюк и Заксенхаузен. Но увиденное здесь было иного рода. Особенно поразила фотография бесконечной колонны мужчин-заключенных одного из лагерей ГУЛАГа, каждый из которых обеими руками держался за плечи идущего впереди. Все они в условиях лагерного заключения ослепли. Антон Владимирович – сын выходца с Украины, ленинского народного комиссара Владимира (Володимира) Александровича Антонова-Овсеенко (1883–1938) – в течение трех часов выступал в театре совершенно свободно, без письменного текста, рассказывая о преступлениях сталинской эпохи. В зале все это время, казалось, можно было бы услышать падение булавки. Лишь изредка ряды наполнялись глухими стонами – например, когда Антонов-Овсеенко говорил о предположительно пятидесяти миллионах жертв сталинизма.

После 1990 г. мое сотрудничество с российскими учеными продолжилось. В 1997 г., незадолго до его смерти, я лично познакомился с бывшим диссидентом, писателем и германистом Львом Зиновьевичем Копелевым (1912–1997)³⁰, другом рейнского писателя и прозаика Генриха Бёлля. Именно Бёлль принял в своем доме Копелева, лишённого советского гражданства при Л. И. Брежнев.

поставил под сомнение представление о якобы «единодушном народном сопротивлении» в России 1812 г.

29 A. V. ANTONOV-OVSEENKO, *Stalin. Porträt einer Tyrannei* (Frankfurt am Main; Berlin: Ullstein, 1986)

30 См.: R. MEIER, *Lew Kopelew. Humanist und Weltbürger* (Darmstadt: Theiss, 2017).

В 1982 г. Копелев инициировал Вуппертальский проект – «Западно-восточные отражения», в котором я, правда, непосредственного участия не принимал. Однако я подготовил раздел о Бранденбург-Пруссии для созданной Левом Копелевым, Карлом-Хайнцем Корном (1954–2019) и Райнером Шпрунгом передвижной выставки «Немецко-русские встречи в эпоху Просвещения (XVIII век)»³¹. После 1997 г. эта выставка была показана во всех федеральных землях Германии. Мне довелось открывать ее регионально-историческими вступительными лекциями в крепости Кёнигштайн (Саксония, 1999), в Вольфенбюттеле (Нижняя Саксония, 2001) и в Гамбурге (2002). Благодаря этой передвижной выставке и сопровождавшим ее мероприятиям десятки тысяч граждан Федеративной Республики Германии были ознакомлены с результатами почти сорокалетнего плодотворного сотрудничества между немецкими и российскими учеными.

Перевод с немецкого М. В. Ковалева

References

ANTON V. ANTONOV-OVSEENKO, *Stalin. Porträt einer Tyrannei* [Stalin: Portrait of a Tyranny] (Frankfurt am Main; Berlin: Ullstein, 1986).

PETER BRANDT, *Arbeiter-, Soldaten- und Volksräte 1918/19* [Workers', Soldiers' and People's Councils, 1918/19] (Düsseldorf: Droste Verlag, 1980).

VIKTOR I. BUGANOV; ALEKSANDR A. PREOBRAZHENSKII; IURII A. TIKHONOV, *Evoliutsiia feodalizma v Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie problemy* [The Evolution of Feudalism in Russia: Socio-Economic Problems] (Moskva: Nauka, 1980).

ALEKSANDR N. ČISTOZVONOV, "Die europäischen Bauern im Kampf um Land und Freiheit (14. und 15. Jahrhundert)" [The European Peasantry in the Struggle for Land and Freedom (14th and 15th Centuries)], in: *Der deutsche Bauernkrieg 1524/25*, Hg. von A. LAUBE (Berlin: Akademie-Verlag, 1977), 35–56.

ALEKSANDR N. ČISTOZVONOV, "Über die stadial-regionale Methode bei der vergleichenden historischen Erforschung der bürgerlichen Revolutionen des 16.–18. Jahrhunderts in Europa" [On the Stadi-al-Regional Method in the Comparative Historical Study of Bourgeois Revolutions in Europe (16th–18th Centuries)], *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 21, no. 1 (1973): 38–55.

JAKOV DRABKIN, *Die Entstehung der Weimarer Republik* [The Emergence of the Weimar Republic] (Berlin: Akademie-Verlag, 1983).

WALTHER ECKERMANN; HUBERT MOHR, *Einführung in das Studium der Geschichte* [Introduction to the Study of History], 3., völlig neu erarbeitete Auflage (Berlin: Akademie-Verlag, 1979).

CONRAD GRAU, "Eduard Winter (1896 bis 1982)" [Eduard Winter, 1896 until 1982], in: *Wegbereiter der DDR-Geschichtswissenschaft. Biographien*, Hg. von HEINZ HEITZER; KARL-HEINZ NOACK; WALTER SCHMIDT (Berlin, 1989), 358–375.

31 M. SCHIPPAN, "Mächtepolitik und Aufklärung an Spree und Neva", in: *Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert). Ausstellungskatalog*, Hg. von L. KOPELEV; K.-H. KORN; R. SPRUNG (Köln, 1997), 195–216.

CONRAD GRAU, "Eduard Winter als Osteuropahistoriker in Halle und Berlin von 1946 bis 1956" [Eduard Winter as a Historian of Eastern Europe in Halle and Berlin, 1946–1956], *Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte*, no. 1 (1995): 43–76.

PETER HOFFMANN, "Ich bin ein Lernender und suche Lehrende. Zum 300. Geburtstag Peters I" [I Am a Learner and seeking for Teachers: On the 300th Birthday of Peter I], *Neues Deutschland*, 10 June (1972), 15.

PETER HOFFMANN, *In der hinteren Reihe. Aus dem Leben eines Osteuropa-Historikers in der DDR* [In the Back Row: From the Life of an East European Historian in the GDR] (Berlin: NoRa, 2006).

JOACHIM HÖSLER, *Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. Studien zur Methodologie- und Organisationsgeschichte* [Soviet Historiography, 1953–1991: Studies in Methodology and Institutional History] (München: Oldenbourg, 2012).

HERMANN KLENNER, "Menschenrechte zwischen Krieg und Frieden. Plenarreferat auf dem VIII. Historikerkongreß der DDR (3. Februar 1989)" [Human Rights between War and Peace: Plenary Paper at the 8th GDR Historians' Congress (3 February 1989)], *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 37 (1989): 581–591.

МИХАИЛ В. КОВАЛЕВ, "A.N. Chistozvonov i J. Polishenskii: k istorii intellektual'nykh vzaimodeistvii" [A. N. Chistozvonov and J. Polišenský: On the History of Intellectual Interactions"], in: *Novoe v Novoi istorii: istochniki*, red. G. A. SHATOKHINA-MORDVINTSEVA (Moscow: Ves' Mir Publishers, 2025), 271–284.

REINHARD MEIER, *Lew Kopelew. Humanist und Weltbürger* [Lev Kopelev: Humanist and Cosmopolitan] (Darmstadt: Theiss, 2017).

B. G. MOGIL'NITSKII, *Vvedenie v metodologiiu istorii* [Introduction to the Methodology of History] (Moskva: Nauka, 1989).

ALBERT NORDEN, *Herrscher ohne Krone* [Rulers without a Crown] (Berlin: Dietz Verlag, 1973)

ALBERT NORDEN, *Nekoronovannye vlastiteli* [Uncrowned Rulers] (Moskva: Progress, 1978).

NORBERT PODEWIN, *Der Rabbinersohn im Politbüro: Albert Norden. Stationen eines ungewöhnlichen Lebens* [The Rabbi's Son in the Politburo: Albert Norden. Stages of an Unusual Life] (Berlin: Dietz Verlag, 2003)

ALEKSANDR PREOBRAŽENSKII, "Neue sowjetische Literatur zur sozialökonomischen und politischen Geschichte Rußlands vom 13. bis 18. Jahrhundert" ["New Soviet Literature on the Socio-Economic and Political History of Russia from the 13th to the 18th Century"], *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der sozialistischen Länder Europas* 30 (1986): 217–235.

LEV N. PUSHKAREV, *Obshchestvenno-politicheskaia mysl' Rossii. Vtoraia polovina XVII veka. Ocherki istorii* [Russia's Social and Political Thought: The Second Half of the 17th Century. Historical Essays] (Moskva: Nauka, 1982).

GÜNTER ROSENFELD und andere, *Geschichte der UdSSR. Von den Anfängen bis zur Gegenwart* [History of the USSR: From Its Origins to the Present] (Berlin: Akademie-Verlag, 1976).

GÜNTER ROSENFELD, *Erinnerungen von 1926 bis 1991* [Memoirs, 1926–1991] (Berlin: Selbstverlag, 2016).

MICHAEL SCHIPPAN, "Das Studium der Geschichte der UdSSR und die Rolle der FDJ-Studenten an der Humboldt-Universität" [The Study of USSR History and the Role of FDJ Students at Humboldt University], in: *Das Studium der Geschichte der UdSSR und die internationalistische Erziehung der Studenten. III. Seminar der Hochschullehrer für Geschichte der UdSSR aus Universitäten sozialistischer Länder* (Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin / Sektion Geschichte, 1978), 67–75.

MICHAEL SCHIPPAN, "Problemy istorii kul'tury i obshchestva v Rossii v XVII–XVIII vv." [Problems of the History of Culture and Society in Russia in the 17th–18th Centuries], in: *Kul'tura narodov SSSR: istoriia i sovremennost'. Materialy VII mezhdunarodnogo seminaru istorikov SSSR universitetov sotsialisticheskikh stran, prokhodivshogo v Berline 1–3 apreliia 1985 goda* (Berlin: Humboldt-Universität / Sektion Geschichte, 1987), 140–148.

MICHAEL SCHIPPAN, “Kultur und gesellschaftliches Denken in Rußland vom 17. bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts. Neue sowjetische Arbeiten” [Culture and Social Thought in Russia from the 17th Century to the Early 19th Century: New Soviet Works], *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, no. 4 (1988): 341–349.

MICHAEL SCHIPPAN, “B.G. Mogil’nickij: Vvedenie v metodologiju istorii (Einführung in die Methodologie der Geschichte)” [B.G. Mogil’nickij: Introduction to the Methodology of History], *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 39, no. 11 (1991): 932–934.

MICHAEL SCHIPPAN, “Mächtropolitik und Aufklärung an Spree und Neva” [“Great-Power Politics and Enlightenment on the Spree and the Neva”], in: *Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert). Ausstellungskatalog*, Hg. von LEW KOPELEW; KARL-HEINZ KORN; RAINER SPRUNG (Köln, 1997), 195–216.

MICHAEL SCHIPPAN, MANUELA VEHMA (Hrsg.), *In der vorderen Reihe der Russlandhistoriker. Peter Hoffmann zum 100. Geburtstag* [In the Front Rank of Historians of Russia: Peter Hoffmann on the Occasion of His 100th Birthday] (Berlin: Frank & Timme, 2025).

N. A. TROITSKII, 1812. *Velikii god Rossii* [1812: Russia’s Great Year] (Moskva: Mysl’, 1988).

EDUARD WINTER, *Frühhumanismus. Seine Entwicklung in Böhmen und seine Bedeutung für die Kirchenreformbestrebungen im 14. Jahrhundert* [Early Humanism: Its Development in Bohemia and Its Significance for Church Reform Efforts in the 14th Century] (Berlin: Akademie-Verlag, 1964).

EDUARD WINTER, *Frühaufklärung. Der Kampf gegen den Konfessionalismus und die deutsch-slawische Begegnung in Mittel- und Osteuropa* [Early Enlightenment. The Struggle against Confessionalism and German-Slavic Encounters in Central and Eastern Europe] (Berlin: Akademie-Verlag, 1966).

EDUARD WINTER, *Frühliberalismus in der Donaumonarchie. Religiöse, nationale und wissenschaftliche Strömungen von 1790–1868* [Early Liberalism in the Danube Monarchy: Religious, National, and Scholarly Currents, 1790–1868] (Berlin: Akademie-Verlag, 1968).

| |

Л. Е. ГОРИЗОНТОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИСТОРИКОВ СССР И НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ В РАМКАХ СОГЛАСОВАННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ¹

THE INTERACTION OF HISTORIANS OF THE USSR AND PEOPLE'S POLAND WITHIN THE FRAMEWORK OF THE COORDINATED MEMORY POLICY

The relations between Russia and Poland were historically very close and often conflict. After World War II this made it important to develop a coordinated Soviet-Polish memory policy aimed at strengthening friendly ties. The leadership of both countries emphasized the unifying moments between them in the past, especially the struggle against common enemies. The article examines the development of cooperation of historians from the mid-1940s to the end of the 1980s. 1956 and 1980 are highlighted as turning points. Among the forms of interaction of scholars, discussion of the works, publication of multi-volume documentary series, and dialogue on the platforms of bilateral commissions were of particular significance.

The coordinated memory policy defined thematic priorities, forbidden zones, correct Marxist interpretations, and the composition of participants of common projects. Official version of Polish history combined a patriotic narrative with the recognition of the legitimacy of the socialist choice.

The interaction between historians was not limited to the implementation of the dictates of the Soviet side. Despite obvious distortions of the past, the coordinated policy brought valuable scientific results. It did not solve its political super-task, but the experience of cooperation was important for continuing professional contacts in the post-socialist period.

Keywords: USSR, Poland, post-war period, memory policy, historical science, scientific cooperation, Sovietization

Leonid E. Gorizontov – DSc in History, Professor, Russian State University for the Humanities; leading research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. E-mail: lgorizontov@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2253-1422

1 *Citation: LEONID GORIZONTOV, „Vzaimodeistvie istorikov SSSR i narodnoi Pol'shi v ramkakh soglasovannoi politiki pamiaty” [The Interaction Of Historians Of The USSR And People's Poland Within The Framework Of The Coordinated Memory Policy], *Russian-StudiesHu* 8, no.1 (2026): 37–55. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.3*

В период между двумя мировыми войнами контакты советских историков с их польскими коллегами практически отсутствовали. Прочтывавшее в дореволюционной России славяноведение при новой власти подверглось гонениям. Репрессии в среде польской коммунистической эмиграции в СССР минимизировали даже взаимодействие с идейно близкими элементами. На рубеже 1930–40-х гг. резкие повороты в советско-германских и сопряженных с ними советско-польских отношениях обусловили большую изменчивость советских оценок польской историографии².

Созданный в СССР в 1943 г. Союз польских патриотов (СПП) озабочился отбором прогрессивных национальных традиций, которые, обладая высоким мобилизационным ресурсом, устраивали бы и Кремль. По иронии судьбы лидер СПП В. Василевская была дочерью руководителя Института исследования новейшей истории Польши, где разрабатывалась политика памяти санационного режима, в которой ключевое место отводилось борьбе за независимость. Приемлемой сочли версию, соединяющую коммунистические представления об историческом прогрессе с польским патриотическим нарративом.

Одновременно в военные годы возрождалась историческая полонистика, кадры для которой готовились в том числе из находившихся в СССР поляков. Ведущая роль принадлежала историку дореволюционной формации В. И. Пичете³. В середине 1940-х гг. конъюнктура благоприятствовала разработке истории многовекового славяно-германского противостояния и национально-освободительной борьбы поляков в XIX в.

Польское и советское патриотическое видение прошлого было весьма сложно гармонизировать ввиду насыщенности истории двусторонних отношений конфликтами. Однако культ Т. Костюшки сосуществовал с возродившимся почитанием дореволюционных русских полководцев. В “польской” главе беллетристической биографии Суворова в качестве эпиграфа выступала его формула “Не мщением, а великодушием покорена Польша”. Не упоминая о Костюшке, советский автор прославлял русское оружие, акцентировал славяно-немецкую вражду, обличал панов и ксендзов, настраивавших поляков против России. Все

2 Л. Е. Горизонтов, “Методологический переворот’ в польской исторической науке на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки”, *Славяноведение*, по. 6 (1993): 151–153.

3 М. Ю. Досталь, *Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы)* (Москва: Индрик, 2009).

в 1794 г. завершилось как нельзя лучше: “В Польше настала долгожданная тишина. Мир. Rokój. Кто старое помянет, тому глаз вон!”⁴. Народная Польша сохранила гимн, созданный в конце XVIII в. в честь воевавшего впоследствии против России генерала Г. Домбровского.

На первом послевоенном съезде польских историков во Вроцлаве (сентябрь 1948 г.) присутствовала делегация советских историков и образовалась группа историков-марксистов, ориентированная на советизацию науки и составившая определенную аналогию Обществу историков-марксистов второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. Правда, у польских историков-марксистов отсутствовал лидер масштаба М. Н. Покровского. Более громко группа заявила о себе на I конгрессе польской науки летом 1951 г. Среди активных проводников марксизма в Польше были историки, внесшие в дальнейшем существенный вклад как в науку, так и в советско-польское сотрудничество.

Утвердилась практика обмена делегациями ученых по разным “линиям”, в том числе в рамках деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей и Славянского комитета СССР. В непродолжительный период, который принято считать временем сталинизма в Польше, было положено начало рабочим встречам для обсуждения проспектов и рукописей обобщающих трудов по истории Польши, которые в экстренном порядке готовили коллективы в обеих странах. Отправка делегаций, их состав, а иногда и тематика предстоящих выступлений рассматривались на уровне Политбюро ЦК⁵. Заинтересованность в консультациях носила обоюдный характер, а проводившиеся на платформе исторического материализма дискуссии нередко выявляли концептуальные разногласия. Если у польских историков ощущался недостаток марксистской искушенности, то советская историческая наука была небогата профессиональными полонистами. Однако допускаясь В.И. Пичетой участия польских коллег в советских проектах на повестке дня уже не стояло.

Первое советско-польское совещание историков состоялось в октябре 1950 г. в недавно созданном Институте славяноведения АН СССР. Основанием для отбора польских участников послужили их “научно-политические характеристики”. От делегирования в Москву прогрессивно мыслящих беспартийных историков, которых предполагалось

4 Л. РАКОВСКИЙ, *Генералиссимус Суворов* (Москва, Ленинград: Гослитиздат, 1947), 291.

5 Е. Д. ЕСАКОВ (ред.), *Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, 1922–1991* (Москва: РОССПЭН, 2000), т. 1: 1922–1952.

направить на путь истинный, контролирующие инстанции отказались. Подобный способ селекции не способствовал качественному уровню сотрудничества. Составлявшие тогда меньшинство в польском профессиональном сообществе марксисты в значительной степени концентрировались в партийных научно-образовательных структурах, которые тяготели к родственным, служившим для них образцом советским институциям.

На рубеже 1951–1952 гг. состоялась методологическая конференция в Отвоцке близ Варшавы, где советские гости не поддержали радикального рвения польских историков-марксистов. Делегации советских историков, в которых важную роль играли беспартийные медиевисты старшего поколения Б. Д. Греков и Е. А. Косминский, оказались успешными на поприще научной дипломатии. Оба академика не только были известны за рубежом, но и, получив образование в Царстве Польском, находили в Польше старых знакомых.

Хотя посещавший Польшу вместе с ними представитель поколения красной профессуры и преемник Грекова на посту директора Института истории АН СССР А. Л. Сидоров скептически относился к теоретической подготовке своего шефа, он считал успешным советский опыт “перевоспитания старшего поколения” историков и призывал научную молодежь стран народной демократии воздержаться от излишне резкой критики. В отношении к патриотически настроенным старикам следовало соблюдать “осторожность и терпение”. Сидоров считал, что легче взаимодействовать со “старыми кадрами” польской интеллигенции, зачастую хорошо владевшими русским языком, чем с теми, чье формирование пришлось на межвоенный период. Исключение составляли “наиболее грамотные в марксистском отношении” коммунисты типа Т. Данишевского, долгое время жившие в СССР. Их работы по истории рабочего движения и социал-демократии, однако, встречали “пренебрежительное отношение” в среде польских историков⁶.

Посланцы советской науки пропагандировали ее преимущества. Народная Польша восприняла опыт не только создания исследовательских и образовательных партийных центров, но также централизации науки, плановой и коллективной работы. Открытый в 1953 г. в составе новой Польской академии наук (ПАН) Институт истории возглавил медиевист Т. Мантейфель, которого в 1950 г. собирались

6 В. Г. БУХЕРТ (ред.), А. Л. Сидоров. *Научно-документальное наследие: воспоминания, переписка* (Москва: Архив РАН, 2025), 152, 158–164, 188, 215–217, 219, 251.

пригласить в Москву, несмотря на его участие в советско-польской войне 1919–20 гг. и активность в период Второй мировой войны в подпольных структурах, руководимых из Лондона. Будучи политическим реалистом, после войны он призвал своих коллег прекратить партизанскую борьбу и заняться организацией университета⁷.

Именно Институт истории ПАН стал основным партнером Института славяноведения – главного средоточия исторической полонистики в СССР. Таким образом, в двустороннем сотрудничестве была преодолена институциональная асимметрия. Партийным историкам не удалось монополизировать советско-польские научные контакты, которые были перенесены на почву фундаментальной науки, а их предмет не получилось свести к проблематике новейшей истории. Параллельно развивались также межвузовские контакты, советские университеты давали историческое образование польской молодежи.

Обсуждение польскими историками на подготовительных стадиях первого тома советской “Истории Польши”, доведившего изложение материала до середины XIX в., не привело к созданию согласованного текста. Опубликованный в 1954 г. том встретил критику в Польше, что имело следствием подготовку его исправленной версии, увидевшей свет в 1956 г.⁸

В 1955 г. лидер ПНР Б. Берут в очередной раз прозондировал почву в Москве по поводу снятия запрета на упоминание репрессированных деятелей Коммунистической партии Польши, без чего писать о новейшей истории страны было крайне затруднительно. В следующем году состоялась международная реабилитация этой партии. На правду о польской операции НКВД, депортациях, секретных советско-германских протоколах августа – сентября 1939 г. и Катыни Хрущев не решился, хотя из Варшавы поступали сигналы о повышенном интересе польского общества к закрытым темам последних двух десятилетий⁹.

Новый период сотрудничества историков начался в 1956 г., отмеченном существенным изменением общественно-политической ат-

7 К. Модзелевский, «Освободить страну от нацистов – отстоять университет при коммунистах. Гражданский путь Александра Гейштора», в *Польша, Россия и Европа в судьбе историка. К столетию Александра Гейштора*, ред. Л. Е. Горизонтов (Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2016), 67.

8 JAN SZUMSKI, *Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964* (Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2016), 256–261; БУХЕРТ, А. Л. Сидоров, 216.

9 А. М. ОРЕХОВ, “XX съезд КПСС и положение в Польше. Советские и польские руководители на Старой площади”, *Славянский альманах 2011*, no. 16 (2012): 515, 524, 528.

мосферы в обеих странах. В декабре 1957 г. состоялось заключение договора между академиями наук, создавшего организационно-финансовые условия для взаимодействия ученых на постоянной основе. В его инициировании принимал участие польский историк и государственный деятель Г. Яблонский¹⁰.

Во второй половине 1950-х гг. получили поддержку замыслы совместной подготовки двух многотомных публикаций источников, одна из которых была посвящена восстанию 1863–64 гг., а другая – советско-польским отношениям. Уже в начале 1960-х гг. увидели свет первые тома обеих серий. Работу по XIX веку координировали И. С. Миллер (до 1977 г.) и В. А. Дьяков, связанные с кругом академика М. В. Нечкиной, С. Кеневич и его преемница В. Сливовская. Примечательно, что в 1950 г. против приглашения Кеневича в Москву категорически возражало польское руководство. И. С. Миллер утверждал, что “именно революционные связи являются ключевой, определяющей линией русско-польских отношений во всех их проявлениях, во всех, включая и самые, на первый взгляд, далекие от политики сферы”¹¹.

Разработкой XX века руководили И. А. Хренов (до 1975 г.), И. И. Костюшко и Л. Базылев. И. И. Костюшко, начинавший с изучения аграрной истории польских земель в XIX в., стал впоследствии энтузиастом поворота к сюжетам новейшего времени. Эдиционная деятельность надолго стала ключевой областью сотрудничества советских и польских историков.

Во времена оттепели также обсуждалось создание Комиссии историков СССР – ПНР, которая начала свою деятельность во второй половине 1960-х гг.¹² Первыми ее сопредседателями стали специалисты по раннему славянскому Средневековью антинорманисты академики Б. А. Рыбаков и Г. Ловмянский. Если стимулами к разработке истории польского восстания послужили его столетний юбилей и рост национально-освободительного движения в мире, то актуализации древности способствовало широкое чествование в ПНР в 1960–66 гг. тысячелетия государственности.

10 В. Ю. Афиани, Е. Д. Есаков (ред.), *Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, 1922–1991* (Москва: РОССПЭН, 2010), т. 2: 1952–1958, 689–691.

11 И. С. Миллер, *Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в.* (Москва: Наука, 1980), 180.

12 Л. П. Марней, «Комиссия историков СССР и ПНР 1965–1968 годов: к истории основания», в *Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши)*, ред. Н. А. Макаров (Москва: Индрик, 2017), 43–60.

Место комиссии в двустороннем сотрудничестве определялось широким представительством в ней различных областей исторической науки и исследовательских центров. Основной формой деятельности стало регулярное проведение тематических конференций в СССР и ПНР с последующим изданием их материалов. Первая конференция в 1968 г. концентрировалась на историографической проблематике. Сменивший Ловмянского в 1973 г. Л. Базылев являлся директором Института социалистических стран ПАН, основные его научные заслуги были связаны с изучением новой истории России и подготовкой историков-русистов.

Получила продолжение практика перевода исторических книг и статей, а также взаимного рецензирования. Советской печатной продукции переводилось больше польской. Из секретной записки МИД СССР 1961 г. следовало, что при переводе польской художественной и научной литературы необходимо не только руководствоваться ее тематикой, но и принимать во внимание “политическое лицо и взгляды” авторов. Книги делились на “нежелательные” и “нужные”. Признавалась необходимость консультироваться с “польскими товарищами” и советским посольством в Варшаве, не доверяя частным инициативам переводчиков¹³.

Показательно восприятие книги представителя Варшавской школы истории идей А. Валицкого о русском славянофильстве (1964 г.). Советских критиков не устраивало рассмотрение последнего в качестве течения консервативной мысли. В СССР тогда было принято считать славянофилов либералами ввиду их вовлеченности в буржуазные Великие реформы. Негативная оценка книги Валицкого, фактически инкриминировавшая ему отход от марксизма, в 1971 г. была даже зафиксирована в “Советской исторической энциклопедии”.

Начинания эпохи оттепели продолжали реализовываться во вновь изменившейся в СССР и ПНР во второй половине 1960-х гг. ситуации. В Польше возросло влияние националистически и антисемитски настроенной группы “партизан”, а в СССР обозначился отказ от десталинизации. Отношения между странами советского блока после Пражской весны определила “доктрина Брежнева”. Тем не менее, можно говорить о длительном периоде 1956–1980 гг., когда, несмотря на политические бури, сотрудничество советских и польских историков от-

13 В. Ю. Афиани (ред.), *Идеологические комиссии ЦК КПСС, 1958–1964: Документы* (Москва: РОССПЭН, 1998), 275–281.

личалось большим размахом и плановой стабильностью. На основе эквивалента осуществлялись командировки и стажировки. Именно в это время между историками двух стран установились прочные связи не только делового, но и человеческого характера, в которых участвовали представители нескольких поколений.

Утвердились тематические приоритеты и ограничения, а также нормативный канон интерпретаций. Выбор делался в пользу пястовской геополитической традиции, что отражало освоение послевоенной моноэтнической Польшей западных земель. Подчеркивалась общая судьба славянских народов, противостоящих немецкому натиску на восток. Польское присутствие на белорусско-литовских и украинских землях, ополячивание и окатоличивание населявших их народов получали негативную оценку.

В отличие от всего советского, самодержавие (“царизм”) и Российскую империю предписывалось критиковать, объясняя польскую русофобию неприятием реакционного режима. Положение об объективной прогрессивности (или наименьшем зле) вхождения различных народов в Российскую империю не распространялось на инкорпорацию в нее этнически польских земель. Если польское национально-освободительное движение получало в целом позитивную оценку, то межвоенная “панская” Польша, “пилсудчина” и санация, а также лондонское эмигрантское правительство и некоммунистические партизанские формирования являлись объектами критики. Возрождение польской государственности связывалось прежде всего с Великой Октябрьской социалистической революцией. Освещение послевоенного периода было ориентировано на легитимизацию польского коммунистического режима и советского контроля.

В 1980 г. С. Кеневич охарактеризовал ограничения в исследовании новейшей истории: для межвоенного периода они уже немногочисленны, больше их в отношении Второй мировой войны и первых лет после ее окончания, а история с конца 1940-х гг. остается недоступной для научного изучения. Значительная часть табу была связана с советско-польскими отношениями¹⁴.

Предаваемое забвению формировало тематические приоритеты западной и польской эмигрантской историографии, а также диссидентского самиздата. Прошедший через лагеря советский историк

¹⁴ STEFAN KIENIEWICZ, *Historyk a świadomość narodowa* (Warszawa: Czytelnik, 1982), 310–313.

М. Я. Геллер уехал в ПНР, откуда после всплеска антисемитизма перебрался во Францию. На протяжении почти трех десятилетий он тесно сотрудничал с идейным вождем польской эмиграции Е. Гедройцем.

Польша, в большей степени открытая миру, чем Советский Союз, стала для советской интеллигенции самой популярной социалистической страной. Молодые критически настроенные историки Московского государственного университета из группы Л. Н. Краснопевцева живо интересовались ситуацией в ней, общались с поляками, в том числе с учившимися в Москве польскими студентами, а ее лидер незадолго до ареста совершил в 1957 г. поездку в Польшу по комсомольской линии и контактировал там с оппозиционными кругами. А. Гейштор способствовал участию советских коллег в международных конференциях по экономической истории Европы позднего Средневековья и раннего Нового времени в итальянском Прато. Впрочем, было бы преувеличением считать польскую науку “окном в мир” для советских историков и говорить о существенном влиянии на их научную продукцию альтернативных версий истории Польши.

В первой половине 1970-х гг. возникла идея дополнить успешно реализуемый проект по восстанию 1863–64 гг. еще одним многотомным изданием источников, которое по цвету суперобложки получило известность как “зеленая серия”¹⁵. Проект охватывал более ранний период польского национального движения, усиливал исследовательскую составляющую и задействовал востребованный в советской гуманитаристике междисциплинарный ресурс, дополнив политическую историю историей культуры.

В середине 1970-х гг. советские участники сотрудничества с “твердой уверенностью” говорили о его продолжении¹⁶. В 1977–79 гг. были изданы совместные исследования по истории советско-польских отношений, подготовленные как академическими учреждениями (Институт славяноведения и балканистики АН СССР и Институт социалистических стран ПАН), так и партийными институциями (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), Институт рабочего движения Высшей шко-

15 Г. В. МАКАРОВА, «Из истории российско-польского научного сотрудничества: публикация источников по истории общественного движения в Королевстве Польском в 30–50-е годы XIX в.», в *Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы: (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше)*, ред. Н. А. МАКАРОВ (Москва: Институт славяноведения РАН, 2011), 108–118.

16 И. А. Хренов, “Плодотворное научное сотрудничество советских и польских историков”, *Вестник АН СССР*, no. 10 (1975): 77.

лы общественных наук при ЦК ПОРП). Изложение материала в этих книгах доводилось до построения развитого социализма.

Недостаточно польские историки привлекались советскими коллегами к изучению проблематики переходного периода от феодализма к капитализму, хотя в ПНР работали такие авторитетные специалисты, как Ю. Хлебовчик и В. Куля. Бóльшим было польское участие в проекте, инициированном Международной комиссией по истории славистики, в которой советские историки занимали ключевые позиции. В Институте славяноведения и балканистики готовился труд об исторической науке ПНР с широким участием польских авторов. Однако в 1980-е гг. издание этой уже утвержденной к печати книги сделалось невозможным.

Получивший беспрецедентный международный резонанс кризис в Польше принес тяжелые испытания для сотрудничества историков, которые стали заложниками политической ситуации. В ПНР гуманитарии активно включились в противостояние режиму, основные партнерские институты стали средоточиями оппозиции, настаивавшей не только на отказе от социалистического выбора, но и ликвидации зависимости от СССР. Закрытые темы активно обсуждались в самиздате. С введением военного положения усилился исход научной интеллигенции из ПОРП.

Научное сотрудничество подверглось самому жесткому контролю. Были свернуты обмены, включая практики советских студентов в изучаемой стране. В СССР ссылаться дозволялось лишь на покойных польских историков и тех из числа здравствующих, чья политическая позиция считалась безупречной. В Москве пытались задействовать арсенал контрпропаганды. Однако главный рецепт оставался прежним – продвижение тематики “прогрессивных” традиций взаимодействия народов.

В конце 1982 г. многоопытный советский публицист А. Ю. Кривицкий опубликовал повесть-хронику “Мужские беседы”, в которой наряду с чехословацкой центральное место отводилось польской истории. Неоднократно впоследствии переиздававшийся текст дает хорошее представление о тогдашней политике памяти. Ее характеризует некая Ванда (отсылка к Василевской?), в юные годы воевавшая под началом З. Берлинга. “Три имени олицетворяют народную Польшу, – сообщает она своему советскому собеседнику. – Ее дух, страсть и нежность – Адам Мицкевич; ее военно-революционную отвагу – Тадеуш Костюшко; ее верность идеалам нового мира – Феликс Дзержинский”¹⁷. Все трое – уроженцы белорусско-литовских земель. Первые двое, давно вошедшие в поль-

17 А. Кривицкий, “Мужские беседы”, Москва, по. 11–12 (1982).

ский национальный пантеон, боролись с Российской империей, врагом которой был и Дзержинский, востребованный в качестве связующего звена между Советской Россией и революционной Польшей.

Разбирая сочинение Кривицкого, М. Я. Геллер писал о “Польше, которая нравится советским идеологам”: “Это выдуманная страна, с выдуманной историей и людьми, это модель Польши, которая должна существовать. История польско-русских отношений должна выглядеть так: ‘На протяжении веков две страны – Россия и Польша – были связаны славянским родством, географическим положением, периодами борьбы с общим врагом, по временам драматическими расхождениями и, наконец, единой цепью революционного процесса, кровавой войной против военной силы фашизма, совместным строительством нового мира’”¹⁸. Хотя представленное таким образом прошлое нельзя считать полностью выдуманным, налицо его обеднение и искажение.

Большой резонанс получила опубликованная в апреле 1984 г. в журнале “Вопросы истории” статья Е. А. Амбарцумова – сотрудника Института экономики мировой системы социализма АН СССР, где изучалась преимущественно современная проблематика. Проводившая параллели между ситуацией в Советской России в 1921 г. и послевоенными кризисами в странах советского блока работа получила поддержку влиятельного сотрудника аппарата ЦК КПСС А. С. Черняева и была благожелательно встречена в Варшаве, причем не только в кругах партийных “ревизионистов”. Однако позитивная реакция польского руководства спровоцировала протест советских кураторов науки. Хотя статью публично осудили, в целом научное сообщество отнеслось к опальному автору сочувственно¹⁹. Этот эпизод свидетельствует о существовании различных течений в советских политических и научных кругах накануне перестройки, а также разногласиях между советской и польской сторонами. Различные подходы к политике памяти наметились и в верхах ПОРП²⁰.

В крайне сложной обстановке давние связи позволили продолжить взаимодействие. В 1986 г. умершего сопредседателя двусторонней ко-

18 М. Я. Геллер, *Российские заметки 1980–1990* (Москва: МИК, 2001), 196.

19 А. С. Черняев, *Совместный исход: дневник двух эпох, 1972–1991 годы*, <https://nsarchive.gwu.edu/document/25157-document-13-dnevnik-aschernaeva-za-1984-god> (Дата обращения: 29 ноября 2025 г.); Геллер, *Российские заметки*, 313–314.

20 М. А. Мартыненко, *Историческая политика Польской Народной Республики в 1981–1989 гг.: трансформация курса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук* (Ростов-на-Дону, 2024).

миссии Л. Базылева сменил Ю. Бардах. Представители старшего поколения передавали свои зарубежные контакты ученикам. В пору, когда поездки в Польшу советских историков стали проблематичными, заметным явлением сделалось продолжительное пребывание в СССР польских историков разного возраста и статуса. В 1980-е гг. поляки стажировались, готовили и защищали диссертации в СССР.

Усилия сосредоточились на спасении ранее начатых проектов. Во второй половине 1980-х гг. было торжественно отмечено завершение 25-томника, посвященного восстанию 1863–64 гг. Тогда же вышел из печати последний, двенадцатый, том источников по советско-польским отношениям, которые получили в нем освещение до 1965 г. Хотя проект планировалось довести до современности, двигаться к Пражской весне стало невозможно. “Зеленую серию” удалось сохранить, введя в ее редакционный совет ряд советских и польских членов, выступивших в качестве гарантов политической благонадежности издания. Реализация плана замедлилась, и в 1980-е гг. увидели свет только три тома²¹.

Почти три десятка объемных томов документов XIX в. по праву считаются самым весомым результатом послевоенного сотрудничества. Огромная и добросовестная архивная и археографическая работа, а также смелость участников проектов внушают большое уважение. Научная публикация источников помогала изучать не только борьбу поляков с Российской империей, но и целый ряд других тем. Исследование взаимодействия польских и русских революционеров поначалу отличалось научной новизной. Долгосрочные международные проекты способствовали кадровому развитию науки и коммуникации историков двух стран.

Однако со временем концентрация на достаточно узкой тематике сформировала своего рода гетто в советской исторической полонистике и двустороннем сотрудничестве, поглощавшее избыточное количество ресурсов. Поощрение одних тем сопровождалось игнорированием прочих, что в постсоветское время признал В.А. Дьяков²².

Согласованность политики памяти не равнозначна зеркальной взаимовыгодности сотрудничества. Польские историки смогли ввести в

21 МАКАРОВА, “Из истории российско-польского научного сотрудничества”, 114.

22 В. А. Дьяков, «Карательная политика царизма по отношению к католическому духовенству (1832–1855)», в *Католицизм в России и православие в Польше (XI–XX вв.)*, ред. Ю. БАРДАХ, Я. ЩАПОВ (Warszawa: Upowszechnianie Nauki – Oświata “UN-O”, 1997), 192.

оборот огромный массив документов советских архивов, компенсируя катастрофические потери собственного архивного фонда. Фактически советские историки работали на польский национальный нарратив, легко трансформируемый в националистический. На первый план выходили героика сопротивления, принесенные на алтарь отечества жертвы, достижения поляков в России. Дореволюционная российская государственность представлялась односторонне и предвзято. В освещении “короткого” XX века, напротив, польской стороне приходилось соблюдать строгие советские требования.

Перестройка в СССР позволила команде В. Ярузельского, остро нуждавшейся в повышении своей популярности, предложить советскому руководству разработку запретных сюжетов. В условиях падения интереса Москвы к социалистическому лагерю ее согласие следует связывать прежде всего с трансформацией советской политики памяти в направлении десталинизации.

21 апреля 1987 г. Горбачев и Ярузельский подписали “Декларацию о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры”. Ставя по-прежнему на первый план объединяющие моменты, документ осуждал то, что наносит вред советско-польской дружбе, и призывал ликвидировать “белые пятна” истории. Формы сотрудничества надлежало привести “в соответствие с возросшим интеллектуальным потенциалом наших народов, с требованием времени”. В частности, поощрялось создание совместных трудов. Обещалось устранить “компанейщину и декларативность”²³.

В свете новых вводных Институт славяноведения и балканистики подготовил перспективный план разработки польской проблематики, машинописной копией проекта которого располагает автор настоящей статьи. В нем указывалось, что предлагаемые в декларации формы сотрудничества уже апробированы. При введенных ограничениях затруднительно оказывать благотворное воздействие на польских коллег: “с осени 1980 года советско-польское научное сотрудничество было почти полностью прекращено, работы советских ученых нельзя было публиковать в польских изданиях, а в нашу научную печать польская тематика допускалась в самых микроскопических дозах”. Следует отменить запрет на упоминание имен польских ученых и переводы их

23 *Визит в Советский Союз Первого Секретаря ЦК ПОРП, Председателя Государственного совета ПНР Войцеха Ярузельского, 21–22 апреля 1987 г. Документы и материалы* (Москва: Политиздат, 1987).

трудов на русский язык. Необходим беспрепятственный доступ к архивным материалам. Документальную серию по истории советско-польских отношений предлагалось дополнить, что означало признание ее селективности. Таким образом, советские полонисты стремились использовать новую конъюнктуру для развития сотрудничества с польскими коллегами.

Решение поставленных в декларации задач было поручено Комиссии ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами, базовым учреждением которой в СССР стал ИМЛ. Советским сопредседателем ее назначили члена ЦК КПСС, специалиста в области “научного коммунизма” Г. Л. Смирнова, в недавнем прошлом советника Горбачева и будущего директора ИМЛ. Возрождался формат взаимодействия партийных историков, которым в условиях кризиса коммунистических режимов доверялось дозированное раскрытие тайн истории. В состав комиссии вошли представители академической науки, причем не только полонисты. Из числа специалистов по истории Польши продуктивно работали в ней, в частности, В. С. Парсаданова и И. С. Яжборовская.

Во главе польской части комиссии поставили Я. Мацишевского, ректора Академии общественных наук и члена ЦК ПОРП, но при этом специалиста по Речи Посполитой XVII–XVIII вв. Следовательно, при выборе первых лиц руководствовались их политической репутацией, а не компетентностью в той предметной области, которой предстояло заниматься комиссии, впервые собравшейся в мае 1987 г. Широкий круг “белых пятен” свели к нескольким наиболее острым сюжетам межвоенного периода и Второй мировой войны.

В январе 1989 г. результаты и планы работы комиссии были представлены на Первом всесоюзном совещании историков-полонистов в Институте славяноведения и балканистики. На этом представительном форуме обсуждались все периоды двусторонних отношений, что позволило провести общую инвентаризацию “белых пятен”.

На высоком государственном уровне были признаны существование секретных советско-германских протоколов и советская ответственность за катынские расстрелы²⁴. В декабре 1989 г. соратник Горбачева А. Н. Яковлев сделал доклад о пакте Молотова – Риббентропа на съезде народных депутатов СССР, в постановлении которого очевидна недооценка контекста советско-германского сближения. После

24 И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ, А. Ю. ЯБЛОКОВ, В. С. ПАРСАДАНОВА, *Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях* (Москва: РОССПЭН, 2009).

самороспуска ПОРП в январе 1990 г. формат сотрудничества партийных историков стал невозможным. Однако в апреле на встрече Горбачева с Ярузельским (оба выступали уже в новом качестве президентов) советская сторона осудила проведенную НКВД весной 1940 г. ликвидацию польских военнопленных.

Работа комиссии партийных историков явилась последним опытом согласования политики памяти до распада советского блока и СССР. Далеко не все ее планы и замыслы Института славяноведения и балканистики удалось претворить в жизнь. Однако комиссия начала совместное изучение запретных тем с последующим принятием по ним политических решений. Возобновился перевод на русский язык исследований польских ученых, в том числе содержащих серьезную теоретическую рефлексию (труды М. Оссовской и Е. Шацкого).

В конце 1980-х гг. стало возможным исследование развития сотрудничества советских и польских историков. Автор настоящей статьи обратился к истокам послевоенных советско-польских контактов с привлечением архивного материала. Позднее в разработку темы включились польские исследователи, в том числе Р. Стобецкий и Я. Шумский, который подробнее других осветил взаимодействие историков до середины 1960-х гг. Комиссия историков России и Польши сделала историю научных связей своим приоритетом. В диссертации М. А. Мартыненко рассматриваются альтернативные версии политики памяти Польши 1980-х гг., продвигавшиеся оппозицией и различными группами партийно-государственной элиты, однако советский фактор остался им явно недооценен.

Итак, согласованная политика памяти задавала тематические приоритеты и зоны забвения, способы интерпретаций и оценки, формы сотрудничества и состав его участников, расставляла акценты в вопросах исторической преемственности. Сверхзадачей являлось укрепление советско-польских отношений в понимании правящих режимов.

Неверно все сводить к диктату Москвы. Не ставилось цели заставить польских партнеров полностью копировать путь становления советской исторической науки. Польская сторона являлась инициатором как обновления повестки сотрудничества, так и ужесточения охранительных мер. И советские, и польские историки не избежали соблазна выступить в роли комиссаров, блюдущих теоретико-методологическую безупречность науки.

В русле советизации польской исторической науке предписывалось сделаться безальтернативно марксистской, приняв за теоретическую

рамку учения о смене общественно-экономических формаций, взаимодействии базиса и надстройки, движущей силе классовой борьбы, критериях прогрессивности. Соответственно, при обсуждении меганарративов на первый план выходили вопросы периодизации и терминологии²⁵. Приспособление к новой ситуации осложнялось тем, что нормативный канон определяли не только фундаментальные постулаты, но и импульсы текущей конъюнктуры.

Влияние марксизма на польскую историографию прослеживалось и до войны. Послевоенный левый поворот польской интеллигенции способствовал повышенному вниманию к социальным низам и экономическим условиям, протестным движениям и революционной мысли. Не была несовместимой с историческим материализмом теория модернизации. Некоторые советские и польские историки, рискуя быть обвиненными в ревизионизме, демонстрировали творческий, неортодоксальный подход. Принятие марксизма зачастую носило декларативный характер, сводясь к цитированию классиков.

Основной областью советско-польского сотрудничества стало изучение прошлого двусторонних отношений. Большое значение имело также исследование истории Польши в СССР и России в ПНР. Поощрялось обращение к новейшему периоду, что долгое время являлось занятием малопродуктивным ввиду ограниченного доступа к архивным материалам, табуированности многих фигур и самого жесткого контроля.

Историкам надлежало подчеркивать объединявшие народы моменты. Приоритетом становились “прогрессивные” течения, особенно те, которые придерживались социалистического выбора. “Реакционные” силы не становились предметом изучения или освещались схематично и тенденциозно. Утаивание правды и подмена ее ложью, как казалось, во имя дружбы братских народов, имели прямо противоположный эффект.

Взаимодействие историков нередко выходило за рамки официального регламента. Известны случаи, когда советские историки, нарушая правила, помогали польским коллегам получить доступ к архивным материалам. Порой удавалось добиться публикации “проблемного” источника под личную ответственность историка. Советские и польские партнеры опекали друг друга в своих странах. В то же время при-

25 См.: В. С. Груздинская, “Обучая(сь) марксизму по-советски, или Как писались национальные истории стран Восточной Европы в 1950-е годы”, Россия и современный мир, no. 3 (124) (2024): 157–172, <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.10>.

ходилось действовать в “заданных условиях”, что исключало открытый нонконформизм.

В рассматриваемой области между социалистическим и постсоциалистическим периодами существует значительная преемственность, обусловленная профессиональной заинтересованностью, человеческим фактором и взвешенной научной дипломатией. Российско-польское сотрудничество удалось не только сохранить, но и в ряде отношений расширить. В фокусе внимания остались “белые пятна” (“черные пятна”, “сложные вопросы”), разработка которых сопровождалась публикацией источников. Получило продолжение исследование темы польской ссылки. Отметила свой полувековой юбилей старейшая двусторонняя комиссия, сохранились связи между академическими институтами и университетами, не прервалась работа по выпуску “зеленой серии”. Новым направлением сделалось совместное имагологическое изучение стереотипов взаимного восприятия русских и поляков, что позволило обратиться к анализу конфликтов между ними.

В условиях очень непростых российско-польских межгосударственных отношений, в которых исключительно важное место заняла историческая повестка, взаимодействие историков продолжалось вплоть до весны 2022 г., когда руководство Польши приняло политическое решение о его приостановке.

References

- V. Iu. AFIANI (ed.), *Ideologicheskie komissii TsK KPSS, 1958–1964: Dokumenty* [Ideological Commissions of the Central Committee of the CPSU, 1958–1964: Documents] (Moskva: ROSSPEN, 1998), 275–281.
- V. Iu. AFIANI, E. D. ESAKOV (ed.), *Akademiia nauk v resheniiakh TsK RKP(b)-VKP(b)-KPSS, 1922–1991* [The Academy of Sciences in the Decisions of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)-All-Union Communist Party (Bolsheviks)-CPSU, 1922–1991. Vol. 2: 1952–1958] (Moskva: ROSSPEN, 2010), Tom 2: 1952–1958, 689–691.
- V. G. BUKHERT (ed.), A. L. Sidorov. *Nauchno-dokumental'noe nasledie: vospominaniia, perepiska* [A.L. Sidorov. Scientific and Documentary Heritage: Memoirs and Correspondence] (Moskva: Arkhiv RAN, 2025).
- A. S. CHERNIAEV, “Sovmestnyi iskhod: dnevnik dvukh epokh, 1972–1991 gody” [A Shared Outcome: A Diary of Two Eras, 1972–1991]. <https://nsarchive.gwu.edu/document/25157-document-13-dnevnik-aschernyaeva-za-1984-god> (Accessed November 29, 2025)
- M. Iu. DOSTAL', “Kak Feniks iz pepla... (Otechestvennoe slavianovedenie v period Vtoroi mirovoi voiny i pervye poslevoennye gody)” [Like a Phoenix from the Ashes... (Russian Slavic Studies during World War II and the First Post-War Years)] (Moskva: Indrik, 2009).
- V. A. D'IAKOV, “Karatel'naia politika tsarizma po otnosheniiu k katolicheskomu dukhovenstvu (1832–1855)” [Tsarist Punitive Policy towards the Catholic Clergy (1832–1855)] v *Katolitsizm*

- v *Rossii i pravoslavie v Pol'she (XI–XX vv.)*, ed. Iu. BARDAKH, Ia. N. SHCHAPOV (Warszawa: Upowszechnianie Nauki – Oświata “UN-O”, 1997): 192–209.
- E. D. ESAKOV (ed.), *Akademiia nauk v resheniiakh TsK RKP(b)-VKP(b)-KPSS, 1922–1991* [The Academy of Sciences in the Decisions of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)-All-Union Communist Party (Bolsheviks)-CPSU, 1922–1991. Vol. 1: 1922–1952] (Moskva: ROSSPEN, 2000), Tom 1: 1922–1952.
- M. IA. GELLER, *Rossiiskie zametki 1980–1990* [Russian Notes 1980–1990] (Moskva: MIK, 2001).
- L. E. GORIZONTOV, “Metodologicheskii perevorot’ v pol’skoi istoricheskoi nauke na rubezhe 1940–1950-kh godov i sovetskie istoriki” [“The Methodological Revolution” in Polish Historical Science at the Turn of the 1940s and 1950s and Soviet Historians”], *Slavianovedenie*, no. 6 (1993): 150–166.
- V. S. GRUZDINSKAIA, “Obuchaia(s’) marksizmu po-sovetski, ili Kak pisalis’ natsional’nye istorii stran Vostochnoi Evropy v 1950-e gody” [Teaching Marxism the Soviet way, or how National Histories of Eastern European Countries were written in the 1950s], *Rossiiia i sovremennyi mir*, 3 (124) (2024): 157–172. <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.10>.
- I. S. IAZHBOROVSKAIA, A. Iu. IABLOKOV, V. S. PARSADANOVA, *Katynskii sindrom v sovetsko-pol’skikh i rossiisko-pol’skikh otnosheniiakh* [The Katyn Syndrome in Soviet-Polish and Russian-Polish Relations], (Moskva: ROSSPEN, 2009).
- I. A. KHRENOV, “Plodotvornoe nauchnoe sotrudnichestvo sovetskikh i pol’skikh istorikov” [Fruitful Scientific Cooperation between Soviet and Polish historians], *Vestnik AN SSSR*, no. 10 (1975): 68–77.
- STEFAN KIENIEWICZ, *Historyk a świadomość narodowa* [The Historian and National Consciousness] (Warszawa: Czytelnik, 1982).
- A. KRIVITSKII, “Muzhskie besedy” [Men’s Conversations], *Moskva*, no. 11–12 (1982).
- G. V. MAKAROVA, “Iz istorii rossiisko-pol’skogo nauchnogo sotrudnichestva: publikatsiia istochnikov po istorii obschestvennogo dvizheniia v Korolevstve Pol’skom v 30–50-e gody XIX v.” [From the History of Russian-Polish Scientific Cooperation: Publication of Sources on the History of the Social Movement in the Kingdom of Poland in the 1830s–1850s] v *Sotrudnichestvo rossiiskikh i pol’skikh istorikov: dostizheniia, problemy, perspektivy: (Izuchenie i publikatsiia istoricheskikh istochnikov v Rossii i Pol'she)*, ed. N. A. MAKAROV (Moskva: Institut slavianovedeniia RAN, 2011), 108–118.
- L. P. MARNEI, “Komissiia istorikov SSSR i PNR 1965–1968 godov: k istorii osnovaniia” [The Commission of Historians of the USSR and the PRL, 1965–1968: On the History of the Foundation] v *Rossiiia v pol’skoi istoriografii, Pol'sha v rossiiskoi istoriografii (k 50-letiu Komissii istorikov Rossii i Pol'shi)*, ed. N. A. MAKAROV (Moskva: Indrik, 2017), 43–60.
- M. A. MARTYNYENKO, *Istoricheskaia politika Pol'skoi Narodnoi Respubliki v 1981–1989 gg.: transformatsiia kursa*. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk [The Historical Policy of the Polish People’s Republic in 1981–1989: Course Transformation] (Rostov-na-Donu, 2024).
- I. S. MILLER, *Issledovaniia po istorii narodov Tsentral’noi i Vostochnoi Evropy XIX v.* [Research on the History of the Peoples of Central and Eastern Europe in the 19th Century] (Moskva: Nauka, 1980).
- K. MODZELEVSKII, “Osvobodit’ stranu ot natsistov – otstoiat’ universitet pri kommunistakh. Grazhdanski put’ Aleksandra Geishtora” [To Liberate the Country from the Nazis – to Defend the University under the Communists. Alexander Gieysztor’s Civil Path] v *Pol'sha, Rossiia i Evropa v sud'be istorika. K stoletiu Aleksandra Geishtora*, ed. L. E. GORIZONTOV (Moskva: Institut vseobshchei istorii RAN, 2016), 63–73.
- A. M. OREKHOV, “XX s’ezd KPSS i polozhenie v Pol'she. Sovetskie i polskie rukovoditeli na Staroi Ploshchadi” [The 20th Congress of the CPSU and the situation in Poland. Soviet and Polish leaders at the Old Square], *Slavianskii al'manakh*, no. 16 (2011): 510–535. <https://doi.org/10.31168/2073-5731>

L. RAKOVSKII, *Generalissimus Suvorov* [Generalissimo Suvorov] (Moskva, Leningrad: Goslitizdat, 1947).

JAN SZUMSKI, *Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964* [Politics and History: The USSR and Historical Scholarship in Poland, 1945–1964] (Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2016).

Vizit v Sovetskii Soiuz Pervogo Sekretaria TsK PORP, Predsedatelja Gosudarstvennogo soveta PNR Voitsekha Jaruzel'skogo, 21–22 aprelia 1987 g. Dokumenty i materialy [Visit to the Soviet Union by Wojciech Jaruzelski, First Secretary of the Central Committee of the Polish United Workers' Party and Chairman of the State Council of Poland, 21–22 April 1987. Documents and Materials] (Moskva: Politizdat, 1987).

МИЛАНА ЖИВАНОВИЧ

**СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЗЕРКАЛЕ ЮГОСЛАВСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹**

**SOVIET-YUGOSLAV RELATIONS AS REFLECTED
IN YUGOSLAV HISTORIOGRAPHY**

The article examines Yugoslav historiography on Soviet-Yugoslav relations from the inter-war period to the dissolution of socialist Yugoslavia. It demonstrates that scholarly interpretations were shaped to a significant extent by ideological premises and by shifts in the country's foreign policy, a dependence particularly evident in assessments of monarchical Yugoslavia's policies and in representations of the role of the USSR. The study reviews early works of the 1950s and 1960s (by M. Kršljanin and others), in which socialist narrative frameworks predominated, as well as the foundational research of Vuk Vinaver and Bogdan Križman on the reasons behind Yugoslavia's prolonged non-recognition of the Soviet Union and on the evolution of diplomatic and economic contacts between 1918 and 1941. A separate section addresses scholarship on the Second World War and on the joint operations of the Red Army and the Yugoslav People's Liberation Army, tracing how interpretations of their respective contributions shifted from the 1950s to the 1980s. The article shows that studies of the post-war political relationship remained extremely limited until the 1980s; against this background, particular attention is given to the works of Branko Petranović, who offered a critical reassessment of the 1948 split, Stalin's policies, and the distinct character of the Yugoslav revolution. Special emphasis is placed on Nikola Popović's 1988 monograph, the first comprehensive and balanced study of bilateral relations in 1941–1945, which exerted a notable influence on subsequent interpretations of Soviet-Yugoslav relations. The article concludes that Yugoslav historiography on this topic was marked by fragmentation and ideological conditioning, even as some studies sought to develop more nuanced and source-based interpretations. In doing so, the article addresses a historiographical lacuna by systematising the principal directions, achievements, and limitations of Yugoslav scholarship.

Keywords: Soviet-Yugoslav relations, Yugoslav historiography, USSR, Yugoslavia

Milana Živanović – PhD in History, Senior Research Associate, Institute for Recent History of Serbia. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com. ORCID: 0000-0003-4130-0408

¹ *Citation: MILANA ŽIVANOVIĆ, „Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v zerkale iugoslavskoi istoriografii“ [Soviet-Yugoslav Relations as Reflected in Yugoslav Historiography], *RussianStudiesHu* 8, no. 1 (2026): 57–74. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.4*

В югославской послевоенной историографии, а также в идеологии новой коммунистической власти, события и итоги Второй мировой войны, повлекшие изменения в структуре власти и государственного строя, занимали центральное место. Самое пристальное внимание исследователи уделяли периоду с 1941 по 1945 год. Так библиография трудов по Народно-освободительной войне и революции в Сербии с 1941 по 1944 год насчитывала почти девять тысяч работ (до 1989 года)². При том что приоритетные направления научных исследований были чётко заданы, выбор тем и оценка исторических событий в значительной степени формировались под воздействием государственной политики, внешнеполитического курса и официального нарратива. Особенно ярко это проявлялось в работах, посвященных советско-югославским отношениям.

С 1918 по 1991 год советско-югославские отношения прошли различные стадии развития: от военного, политического, экономического сотрудничества до ссор, конфликтов, отсутствия дипломатических отношений³. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года – Королевство Югославия) до 1940 года по политическим и идеологическим причинам отказывалось от установления дипломатических отношений с СССР, хотя его дипломаты поддерживали контакты с советскими коллегами. Начало Второй мировой войны привело к изменению политического курса Югославии в отношении СССР, а события военных лет – к военному сотрудничеству между Красной армией и Народно-освободительной армией Югославии, совместному освобождению страны от оккупантов. В течение первых лет после окончания Второй мировой войны двусторонние отношения находились на самом высоком уровне. Однако с принятием Резолюции Информбюро в июне 1948 года начался конфликт, длящийся до середины 1950-х годов⁴. В

2 Алексеев Тимофеев, *Руси и Други светски рат у Југославију: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославију 1941–1945*. (Београд: Институт за новију историју Србије, 2011), 19.

3 Никола В. Поповић, *Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945)* (Београд: Institut za savremenu istoriju, 1988); А.Б. Едемский, *От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг.* (Москва: Российская академия наук, Институт славяноведения, 2008); Алексеев Тимофеев, *Руси и Други светски рат у Југославију*; Мирослав Јовановић, *Срби и Руси 12–21. век: историја односа* (Београд: Народна библиотека Србије, 2012); Ђоко Трипковић, *Jugoslavija–SSSR (1956–1971)* (Београд: Institut za savremenu istoriju, 2013).

4 *Југословенско-совјетски сукоб 1948. године: Зборник радова* (Београд: Институт за савремену историју, 1999); L. J. GIBIANSKI, „Sovjetsko-jugoslovenski sukob 1948: istoriografske verzije i novi arhivski izvori“, in *Jugoslavija v hladni vojni: Zbornik z Znanstve-*

1955 году было официально объявлено примирение, за которым, правда, вскоре последовал еще один спор между Москвой и Белградом. И в дальнейшем они будут возникать периодически по разным причинам⁵. Именно такие сложные, часто меняющиеся двусторонние отношения сказывались на их научной оценке, а также на степени их изученности в югославской историографии⁶.

Первые статьи по советско-югославским отношениям стали появляться в югославской историографии в 1950-е годы. Авторы обращались к периоду межвоенного периода, а также к событиям недавних военных лет. Однако они не всегда давали объективную оценку историческим событиям: в работах находили отражения нарративы социалистических властей относительно политики Королевства сербов, хорватов и словенцев / Королевства Югославия, в том числе и в отношении СССР, а также вклада Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии в освобождение страны в 1944–1945 годы. К таковым относится одна из первых опубликованных работ по советско-югославским отношениям. Автор вышедшей в 1956 году статьи, сотрудник Института международной политики и экономики Миролjub Кршлянин, давая критическую оценку политике правительств Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС), принявших русских беженцев, а также деятельности самых представителей русской эмиграции в стране, утверждал, что, в 1920 году в стране «повсюду велась подготовка к контрреволюции».⁷ На основании сведений, опубликованных в коммунистической прессе, автор подчеркивал, что после прибытия генерала Петра Николаевича Врангеля в Королевство СХС началась интенсивная подготовка к интервенции в Советской России. Ссылаясь на секретные документы, которые советский дипломат Георгий Васильевич Чичерин предал гласности в 1922 году, и в которых говорилось о том, что «врангелевцы готовились к вооруженным

nega posveta Jugoslavija v hladni vojni (Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino; Toronto: University, 2004), 27–47.

- 5 А. Б. Едемский, *От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг.*; Љубодраг Димић, „Јосип Броз и Никита Сергејевич Хрушчов: разговори у Београду 27. мај – 2. јун 1955“, *Историјски гласник*, no. 1–2 (1997), 35–67; Ђоко Триковић, *Jugoslavija–SSSR (1956–1971)*.
- 6 Милана Живанович, „Југославска научна литература об учасци руских емигрантов в двијени Сопротивленија“, *Ежегодник Дома русскогo зарубежја им. Александра Солженицына*, no. 12 (2023), 22.
- 7 Цит. по: МИРОЉУВ КРШЉАНИН, „Kontrarevolucionarna akcija kraljevskih vlada u Beogradu protiv SSSR-a (1918–29)“, *Pregled*, no. 10 (1956), 647.

действиям против СССР на территории Королевства СХС», Кршлянин утверждал, что правительство государства южных славян начало подготавливать операцию по свержению советского правительства⁸.

В 1960-е и 1970-е годы появились статьи Вука Винавера, которые, несмотря на вышеуказанные недостатки, внесли в то время самый большой вклад в изучение советско-югославских отношений межвоенного периода. Историк, защитивший свою докторскую диссертацию по теме «Дубровник и Османская империя в XVIII в.» и работавший в нескольких исторических институтах в Белграде⁹, постепенно отдавал предпочтение изучению современности. В течение своей научной карьеры он подробно изучал различные аспекты югославской внешней политики и ее отношения с разными странами Европы. Его работы основывались на архивных материалах, литературе на различных иностранных языках, а также на материалах прессы. В 1965 году вышла первая его работа по югославо-советским отношениям в период с 1919 по 1929 годы. Вук Винавер подчеркивал, что в рассматриваемый период различные политические силы в стране (члены Коммунистической партии Югославии, Хорватской крестьянской партии, республиканской, земледельческой партий, черногорские федералисты, социалисты) требовали установления дипломатических отношений с СССР. На основании документов из архива МИД, а также прессы, ученый утверждал, что на фоне мировых кризисов (давления со стороны Италии) и усиления поддержки оппозиционным силам в стране, югославское правительство было готово установить тесные связи и признать СССР, однако этому помешали король Александр Карагеоргиевич и консерваторы, которые возглавляли правящие партии, из-за страха от возможного расширения революционных идей¹⁰. Винавер показал, что после 1919 года между представителями двух стран существовали контакты, что советская сторона неоднократно предлагала возобновление дипломатических отношений: в 1922 году дипломаты даже обсуждали этот вопрос, однако установления отношений не последовало¹¹.

В очередной статье, вышедшей в 1967 году, и затрагивавшей период с 1919 по 1926 год, Вук Винавер утверждал, что председатель Советов министров Королевства СХС Никола Пашич воспрепятствовал

8 Ibid, 648, 650, 651.

9 <https://www.pisi.co.rs/authors/vuk-vinaver/> (дата обращения: 3.7.2025)

10 VUK VINAVER, „Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929“, *Istorija 20. veka*, no. 7 (1965), 93–94, 182.

11 Ibid, 103, 104, 106, 111, 119, 121, 122, 123, 124, 126, 128.

нормализации двусторонних отношений¹². В работе, основанной на документах из архивов югославского и чехословацкого министерств иностранных дел, а также Архива Военно-исторического института в Белграде, автор писал, что в 1920 году правительство Королевства СХС, подражая политике великих держав, которые не установили дипломатических отношений с Советской Россией, отказалось от любых контактов с этой страной¹³. Историк утверждал, что Пашич был уверен, что Советская Россия оказывала поддержку оппозиционным силам в его стране – по мнению Винавера, моральную, – и собиралась изменить действующую систему власти в Королевстве – политико-общественную, а именно «свергнуть его и разрушить политическую систему». Члены радикальной партии во главе с их лидером Пашичем были уверены, что установление дипломатических отношений с Россией было бы выгодным только для югославских коммунистов. Поэтому премьер-министр страны в данный период отказывался от любых контактов с Советской Россией¹⁴. Тем не менее в 1920-е годы контакты все-таки налаживались, хотя они не приводили к установлению дипломатических отношений¹⁵.

В вышедшей в 1965 году статье Винавера, затрагивавшей историю югославо-советских отношений 1929–1934 года, ученый утверждал, что после установления диктатуры короля Александра Карагеоргиевича 6 января 1929 года путем роспуска парламента страны, югославское правительство проводило «чуть ли не откровенно вражескую политику в отношении СССР»¹⁶. При этом, по мнению Винавера, на фоне урегулирования внутривластной ситуации, «уничтожения оппозиционных сил и принятия мер по унификации государства», король и подумать не мог о каких-либо акциях против СССР¹⁷. Историк утверждал, что правитель Королевства СХС, который «всегда с полной неприязнью относился к СССР», отказывался от установления отношений с СССР, так как он был убежден в том, что советский посол стал бы организатором «пропаганды большевизма» в стране¹⁸. Ученый при этом

12 Vuk VINAVER, „Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919–1926)“, *Pregled*, no. 9 (1967), 217.

13 Ibid, 220.

14 Ibid, 221.

15 Ibid, 224, 226.

16 Цит. по: Вук Винавер, „Прилог историји југословенско-совјетских односа 1929–1934. године“, *Историјски гласник*, no. 1 (1965), 3.

17 Ibid, 13.

18 Ibid, 47.

напоминал, что, подписав Конвенцию об определении агрессии в 1933 года, Югославия косвенным путем признала СССР, так как Центральный Исполнительный комитет СССР был одним из подписантов этого документа¹⁹. К тому же, на сессии Постоянного совета Малой Антанты, состоявшейся в январе 1934 года, была принята рекомендация об установлении дипломатических отношений с СССР». Однако очевидно, что «югославская сторона не спешила этого сделать, разрешив при этом своим союзникам установить отношения с СССР»²⁰. А в 1934 году король вовсе отказался от установления отношений с СССР²¹.

Секретные советско-югославские переговоры, которые велись с 1934 по 1938 год, стали темой вышедшей в 1971 году статьи Вука Винавера. Ученый признавал, что на протяжении всего межвоенного периода между двумя странами велись секретные консультации. Их итоги отражали реалии европейской современности 1930-х годов, успехи Германии, но и влияли на них²². Историк утверждал, что отказ Югославии от признания СССР соответствовал интересам «тех государств, которые разрушали Версальскую систему и готовились к порабощению европейских народов – в первую очередь живущих в Подунавье»²³. Винавер писал, что внешняя политика Югославии состояла в сидении на двух стульях – сотрудничестве и поддержании хороших отношений как со странами Оси, так и с западными государствами, и даже в ведении секретных переговоров с СССР²⁴. Автор утверждал, что югославо-германское сотрудничество затрудняло и мешало процессу урегулирования отношений и заключения договора между Белградом и Москвой: отказ от установления отношений с СССР и страх перед Италией укрепляли югославо-германские отношения и способствовали реализации нацистских планов по освоению Подунавья²⁵.

В вышедшей в 1966 году статье под названием «Внешнеполитические причины установления югославо-советских дипломатических отношений в 1940 году», Винавер утверждал, что в начале Второй мировой войны югославское правительство вынуждено было устано-

19 Ibid, 47.

20 Цит. по: Ibid, 48.

21 Ibid, 52.

22 Вук Винавер, „Неуспех тајних југословенско-совјетских преговора 1934–1938. године (једна значајна етапа у немачком освајању Подунавља)“, *Зборник за историју*, по. 3 (1971), 28.

23 Цит. по: Ibid, 29.

24 Ibid, 30.

25 Ibid, 44, 47, 48.

вить дипломатические отношения с СССР, возложив свои надежды на эту страну и его растущую роль в европейской политике²⁶. По мнению историка, сближение с СССР позволяло укрепить баланс сил на Балканах, ослабить внешние угрозы (со стороны Италии), а также разрядить внутривосточную обстановку в Югославии²⁷.

Этому же вопросу Винавер посвятил еще одну статью, вышедшую в том же году. Ученый отмечал, что в указанный период произошло «политическое сближение» между двумя странами. Он утверждал, что несмотря на договор о ненападении с Германией и нейтральную позицию, которую в начале Второй мировой войны занял Советский союз, а также внешнюю политику Королевства Югославия в данный период, оба государства понимали, что могут быть подвергнутыми нападению со стороны стран оси. По этим причинам между ними было налажено сотрудничество²⁸. Винавер писал, что произошедшая в апреле 1940 года смена политического курса югославского правительства в отношении СССР была вызвана стремлением противодействовать итальянской угрозе²⁹. От советских дипломатов оно получало заверения, что Москва отреагирует на любую итальянскую акцию на Балканах и не допустит поражения Югославии и Турции³⁰. По мнению историка, СССР стремился сохранить нейтральную позицию, отсрочить нападение Третьего Рейха на страну и старался не допустить расширения военного конфликта на Балканах³¹. Ученый утверждал, что СССР способствовал отсрочке вторжения стран Оси на полуостров, а также помог югославскому правительству отсрочить присоединение к Тройственному пакту на четыре месяца. Наладив сотрудничество в целях совместной борьбы за мир и сохранения статус-кво, СССР и Югославия защищали свои интересы – СССР сохранил свою нейтральность, а Югославии удалось ослабить давление со стороны Германии. По мнению автора, политическое сотрудничество и сближение свидетельствовали об общности интересов³².

26 Вук Винавер, „Спољнополитичка позадина успостављања југословенско-совјетских дипломатских односа 1940. године“, *Зборник Матице српске за друштвене науке*, no. 45 (1966), 5.

27 Ibid, 47.

28 Вук Винавер, „Прилог историји југословенско-совјетског политичког зближења 1940–41. године“, *Историјски гласник*, no. 1 (1966), 3.

29 Ibid, 6.

30 Ibid, 7.

31 Ibid, 54.

32 Ibid, 55.

Продолжением изучения этой темы стала работа Винавера о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении, подписанном в Москве в ночь с 5 на 6 апреля 1941 года – в день начала Апрельской войны (вторжения Германии и Италии в Югославию). Ученый повторял, что в 1940 году Югославия решила искать поддержки у СССР, чтобы защитить себя от возможной атаки со стороны Италии. Заявления со стороны СССР о том, что он заинтересован в мире на Балканах, укрепили югославские власти во мнении о том, что эта страна могла бы поддержать их в случае агрессии со стороны Италии, и сами советские дипломаты заверяли своих югославских коллег, что их страна не заинтересована в том, чтобы государство южных славян подверглось атаке³³. Автор подчеркнул, что советско-германский конфликт вокруг Балкан, возникший осенью 1940 года, привел к подписанию данного договора – своего рода «аналогу» Тройственного пакта, который государство южных славян подписало 25 марта 1941 года. Хотя историк признал, что его подписание не привело к каким-либо действиям из-за быстрого поражения Югославии в Апрельской войне, сам факт его подписания имел «большое значение», так как он отражал тогдашние реалии. «В момент своего создания старая Югославия входила в состав блока Антанты, который конфликтовал с СССР, а окончила свое существование как страна, возлагающая свои надежды на СССР»³⁴. Винавер утверждал, что Сталин не мог подписать соглашение о взаимопомощи, потому что в таком случае он должен был бы отправить войска в Югославию, или в случае вторжения Рейха в эту страну – напасть на Германию. Но ученый подчеркнул, что СССР мог направить оружие в Югославию, которое эта страна просила в мае 1940 года для защиты от стран Оси, а также дипломатическим путем надавить на них для того, чтобы предотвратить вторжение в Югославию³⁵. В итоге, по мнению автора, СССР оказал поддержку Югославии и предупредил Германию не нападать на государство южных славян. Винавер также утверждал, что советско-югославское сближение 1940 года ослабило угрозы со стороны Италии, а подписание самого договора считал результатом несомненной поддержки «защитников Балкан». Ученый пришел к выводу, что, если Сталин в интересах безопасности СССР оказал дипло-

33 Вук ВИНАВЕР, „Југословенско-совјетски пакт од априла 1941. године“, *Историјски гласник*, no. 1 (1973), 30–31, 34–35.

34 Цит. по: *Ibid*, 7.

35 *Ibid*, 61.

матическую и моральную поддержку Белграду, и предупредил Гитлера – тем самым он помог Югославии.³⁶

Вук Винавер занимался не только политическими, но и экономическими двусторонними отношениями. В вышедшей в 1967 году статье ученый утверждал, что несмотря на то, что до 1940 года между двумя странами не было дипломатических отношений, Королевство СХС / Королевство Югославия вело торговлю с СССР. Экономические связи между странами были незначительными: за период с 1930 по 1939 год экспорт из СССР в общей сложности составил около 52 миллионов динаров³⁷. В 1920-е годы вопрос установления торговых отношений с СССР обсуждался как деловыми кругами в Королевстве, так и советскими и югославскими дипломатами, но установления торговых отношений не последовало, поскольку, как отметил Винавер, король и «группа влиятельных людей, находившихся у власти, воспрепятствовали политическо-экономическому сближению» с Советским Союзом³⁸. Только экономический кризис и его последствия вынудили правительство изменить свою позицию по вопросу ведения торговли с СССР: уже в 1930 году экспорт товаров из СССР превысил 7,5 миллионов динаров, пока импорт составил менее 500 000 динаров (для сравнения следует отметить, что импорт из Чехословакии за период с 1922 по 1934 год составил 15,7 миллионов динаров, а экспорт в Германию в январе-феврале 1936 года – 154 миллионов динаров). В 1934 году Министерство торговли Югославии даже подготовило текст конвенции о торговле с СССР, однако установления более тесных связей в области торговли не последовало – король Александр Карагеоргиевич возразил против этого. Только в 1940 году были установлены торговые отношения³⁹. Винавер пришел к выводу, что тот факт, что на протяжении всего межвоенного периода Королевство СХС / Королевство Югославия вело торговлю с СССР свидетельствовал о «заинтересованности двух стран в сотрудничестве и дружбе и в области экономики»⁴⁰.

Вклад в изучение советско-югославских отношений межвоенного периода внес и Богдан Кризман, также изначально защитивший докторскую диссертацию по истории дипломатии Дубровницкой респу-

36 Ibid, 75, 84, 86.

37 Vuk VINAVER, „O jugoslovensko-sovjetskoj trgovini između dva rata“, *Pregled*, no. 1-2 (1967), 95.

38 Ibid, 97.

39 Ibid, 102-104, 107.

40 Цит. по: Ibid, 108.

блики в XVIII в. Он работал в Государственном архиве, потом в Адриатическом институте, и затем – в университете в Загребе⁴¹. Одна глава в его книге «Внешняя политика югославского государства с 1918 по 1941 год» была посвящена вопросу признания Советской России. В ней автор назвал причину неустановления дипломатических отношений между Югославией и СССР. По мнению Кризмана, антикоммунизм короля Александра Карагеоргиевича, и потом фактического правителя Югославии после его убийства – князя Павла Карагеоргиевича, в первую очередь повлиял на отсутствие дипломатических отношений⁴². Историк утверждал, что в первые годы диктатуры короля Александра о признании СССР не могло бы быть и речи, однако, по его мнению, после 1931 года во внешней политике страны стали заметны признаки смены политического курса – само подписание Конвенции об определении агрессора являлось фактическим признанием СССР. Тем не менее в данный период не последовало установления дипломатических отношений, в первую очередь, из-за несогласия короля признать СССР, хотя югославские дипломаты подчеркивали, что подписанием Конвенции Югославия уже де факто этого сделала⁴³. Князь Павел, фактический правитель государства после убийства короля Александра в Марселе в октябре 1934 года, продолжил политику своего предшественника по непризнанию СССР. Он утверждал, что внутривосточная обстановка в стране не позволяла ему установить дипломатические отношения с Советским Союзом, так как присутствие советского посла в Белграде могло бы негативно повлиять на итоги переговоров с политическими представителями хорватов. Поэтому данный вопрос не мог стоять на повестке дня до того момента, как между сербами и хорватами не будет подписан договор. При этом князь Павел называл и деятельность Коминтерна в Югославии причиной неурегулирования отношений с СССР. Но, по мнению Кризмана, из-за угрозы войны – угроз со стороны Италии – югославская элита стала осознавать необходимость признания Советского союза в целях укрепления внешнеполитической позиции страны. В итоге в июне 1940 года были установлены дипломатические отношения⁴⁴.

41 <https://www.pisi.co.rs/authors/bogdan-krizman/> (дата обращения: 20.7.2025)

42 BOGDAN KRIZMAN, *Vanjska politika jugoslavenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled* (Zagreb: Školska knjiga, 1975), 68.

43 *Ibid.*, 75–78.

44 *Ibid.*, 111–112.

В вышедшей в 1981 году «Истории Югославии» профессор философского факультета Белградского университета, историк Бранко Петранович писал, что правящая элита Югославии на фоне поражения Франции и попыток Великобритании повлиять на ход событий в стране, вынуждена была опираться на СССР. Из-за «страха перед экспансией большевизма и панславизма», и убеждения о том, что «политика Сталина ведет к мировой революции», князь Павел выражал готовность признать СССР только тогда, когда это будет нужно и в мирное время. Однако события 1938 и 1939 годов повлияли на решение правительства Югославии установить отношения с СССР. С другой стороны, по мнению профессора, после того как СССР «потерял» Болгарию, свое внимание он стал уделять Югославии⁴⁵.

Как указывалось выше, в 1950-е годы стали появляться и статьи по двусторонним отношениям военных лет. В период с 1950 по 1991 год в журнале «Военно-исторический вестник», который выходил в издательстве Военно-исторического института Югославской армии, были опубликованы 22 статьи, в которых так или иначе освещался вопрос роли солдат и офицеров Красной армии в освобождении Сербии и Белграда. Работы по этой теме в основном выходили к юбилейным датам. В первых статьях, которые были опубликованы в 1955 году, авторы – высшие офицеры, директора Института – утверждали, что существенный вклад в освобождение Сербии и Белграда внесли подразделения Народно-освободительной армии Югославии. Роль советских солдат приуменьшалась или недооценивалась. В 1960-е годы в работах были заметны иные тона. Так в статье, вышедшей в 1964 году, впервые был опубликован перечень подразделений Красной армии, участвовавших в освобождении Белграда. К 30-летию освобождения страны особый акцент делался на самобытности югославской революции, а авторы подчеркивали, что страна освободилась своими собственными силами⁴⁶ – что соответствовало официальному нарративу тех лет⁴⁷. В 1980 году автор одной из статей признавал, что «в результате совместных боевых действий» двух армий «была достигнута совместная победа» – Белград был освобожден. Тем не менее сопо-

45 BRANKO PETRANOVIĆ, *Istorija Jugoslavije. 1918–1978*. (Beograd: Nolit, 1981).

46 ДАЛИБОР ДЕНДА, „Радови о учешћу совјетских трупа у ослобођењу Југославије у часопису Војноисторијски гласник“, в *Ослобођење Београда 1944: зборник радова* (Београд: Институт за новију историју Србије, 2010), 536–539.

47 МИЛАНА ЖИВАНОВИЋ, *И крст и петокрака. Руски гробни комплекси у Југославији у 20. веку* (Београд: Институт за новију историју Србије, 2020), 427.

ставляя потери Красной армии в освобождении Югославии и других стран Европы, автор очевидно подчеркивал роль Народно-освободительной армии Югославии в боевых действиях⁴⁸. В статье профессора Бранко Петрановича, вышедшей в 1988 году, впервые была дана оценка сотрудничеству между двумя армиями и его значению как для укрепления коммунистической власти в стране, так и для дальнейших действий Красной армии⁴⁹.

Стоит упомянуть и вышедшую в 1970 году статью, затрагивавшую один сюжет военных лет. Само название статьи – «Ожидание советской помощи на Дурмиторе в 1942 году» – довольно показательное и говорит о том, в каком ключе в ней будет рассматриваться данный сюжет. Автор статьи – Павле Милошевич – утверждал, что исходя из потребностей партизанских подразделений в материальной части, которые были особенно заметны в 1941–1942 годах, руководство Народно-освободительного движения Югославии обращалось, в первую очередь, к СССР с просьбами о поставках военной помощи. Но из-за международной обстановки и положения самого партизанского движения эти призывы не были успешными. Автор считал, что непоставку обещанной в начале 1942 года военной помощи «отчасти» можно объяснить «политической осторожностью» советского правительства. Милошевич предполагал, что нестабильная ситуация на фронтах и слабая позиция СССР в составе антигитлеровской коалиции влияли на политику СССР, который в данный период войны нуждался в сотрудничестве с западными союзниками и в их помощи⁵⁰. Отметив, что Верховный штаб стал сомневаться в том, что Советский союз сознательно идет на уклонение от поставок материальной части в Югославию, автор, как раз, подчеркнул, что этот сюжет следует рассматривать в контексте международной обстановки, напоминая и о расстоянии от линии фронта до Югославии на этот момент, и о самом положении на фронтах. Но при всем этом, Милошевич не стал делать выводы, насколько ли действительно вышеуказанные факторы повлияли на непоставку помощи⁵¹.

На одной малоизвестной странице в истории советско-югославских отношений военных лет коротко остановилась группа авторов

48 Далибор Денда, „Радови о учешћу совјетских трупа у ослобођењу Југославије у часопису Војноисторијски гласник“, 541.

49 Ibid, 542.

50 Павле Милошевић, „Ишчекивање совјетске помоћи на Дурмитору 1942. године“, *Историјски записи*, по. 3–4 (1970), 387–388.

51 Ibid, 396–397.

книги «Народно-освободительная армия Югославии». Они упомянули, что еще в конце 1942 года в ряды Народно-освободительной армии Югославии стали вступать граждане СССР. Речь шла о советских военнопленных (солдатах и офицерах Красной армии), которые сбежали из немецких лагерей, расположенных на территории Югославии, куда их привезли летом 1942 года. Потом в армию вступили и гражданские лица, те, кого оккупанты депортировали и содержали в лагерях или находились на принудительных работах в Югославии или сбежали из лагерей в Австрии, Греции, Албании, Италии. Определенное число советских граждан прибыло из партизанских подразделений, расположенных в Греции и Италии, другие – из Вермахта. При этом авторы подчеркнули, что по численности иностранных бойцов граждане СССР занимали второе место в рядах Народно-освободительной армии Югославии. В книге упоминались и состоявшиеся из иностранных граждан формирования, которые существовали в Народно-освободительной армии Югославии с 1944 года. Самое большое число таких подразделений было сформировано из граждан СССР. По сведениям авторов, в 1944 году было создано 13 «русских» партизанских рот и 7 батальонов. Говорилось также и о советской военной помощи.⁵²

Самый большой вклад в изучение советско-югославских отношений времен Второй мировой войны внес Никола Б. Попович, один из крупнейших специалистов по истории русско-сербских отношений, главный научный сотрудник, потом директор Института современной истории. Он – автор первой монографии по истории двусторонних отношений периода 1941–1945 годов, которая вышла в 1988 году. В книге автор утверждал, что советское правительство, поддерживавшее контакты с руководством Народно-освободительного движения Югославии, не соглашалось на просьбы и призывы британского и югославского правительства в изгнании помочь им подчинить коммунистическое движение монархическому четничскому движению или объединить эти движения. Тем самым, согласно трактовке ученого, в случае Югославии СССР отступил от своей позиции о необходимости создания единого антифашистского фронта, несмотря на идеологическую и политическую принадлежность, показав, что поддерживает коммунистическое движение. С другой стороны, правительство СССР

52 NIKOLA ANIĆ, SEKULA JOKSIMOVIĆ, MIRKO GUTIĆ, *Narodnooslobodilačka vojska Jugoslavije. Pregled razvoja oružanih snaga Narodnooslobodilačkog pokreta 1941–1945.* (Beograd: Vojnoistorijski institut, 1982).

советовало Центральному комитету Коммунистической партии Югославии создавать антифашистское, народно-освободительное движение, что на практике означало – «поглотить» все остальные движения и стать единственным «носителем сопротивления»⁵³.

По мнению ученого, встреча Тито с Сталиным, состоявшаяся в сентябре 1944 года в Москве являлась переломным моментом в истории советско-югославских отношений в годы Второй мировой войны, так как ее итогами стали: де факто признание советским правительством Национального комитета освобождения Югославии правительством Югославии, совместные боевые действия Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии на территории Югославии, крах оккупационных властей, снабжение Народно-освободительной армии Югославии оружием и материальной частью, т.е. ее перерастание в армию со современным оборудованием, а также возникновение органов народной власти в восточной части Югославии⁵⁴. С того же момента СССР стал оказывать «безоговорочную» политическую поддержку, а также военную помощь, «предопределившую исход войны и революции в Югославии»⁵⁵. Попович также утверждал, что «Народно-освободительное движение Югославии, при политической, моральной поддержке и военной помощи со стороны СССР, сформировало международно признанное правительство, что по сути означало победу революции»⁵⁶. В своей книге ученый остановился и на сюжете, затрагивавшемся Милошевичем в вышеупомянутой статье. Попович подчеркнул, что советская сторона не смогла удовлетворить просьбам о предоставлении военной помощи – возможностей не было, так как вся материальная часть использовалась для фронта, при этом, у СССР не было самолетов, которые смогли бы преодолеть большие расстояния и доставить необходимое в Югославию. Однако после закрепления коренного перелома в ходе войны началась отправка оружия, боеприпасов, оборудования, медицинских изделий. Также в Югославию направляли и врачей, санитарные миссии, военных инструкторов⁵⁷.

До 1980-х годов отсутствовали работы по истории советско-югославских политических отношений в период после окончания Второй

53 NIKOLA B. POPOVIĆ, *Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945)* (Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1988), 308–309.

54 Ibid, 313–314.

55 Цит. по: Ibid, 314.

56 Цит. по: Ibid, 314.

57 Ibid, 314.

мировой войны. К этой теме обратился вышеупомянутый профессор Петранович в вышедшей в 1981 году «Истории Югославии». Автор утверждал, что в течение первых послевоенных лет социалистическая Югославия, с одной стороны, давала отпор попыткам государств Запада помешать ее самостоятельному развитию, с другой – она опиралась на «вечный союз» с СССР, который руководством югославской компартии воспринимался как помощь в строительстве социализма, а сами отношения между странами – как равноправные⁵⁸. При этом профессор подчеркивал, что руководство страны, невзирая на недопонимание, расхождения в оценках, а также инциденты, произошедшие как в ходе войны, так и по ее окончании, и в 1945 году, считало Советский Союз «естественным союзником руководящих общественных сил» в стране⁵⁹. Согласно трактовке Петрановича, соглашения, которые в течение первых послевоенных лет Югославия подписывала с другими странами, наряду с популярностью Тито вызывали подозрения у Сталина, который «не смог мириться со славой другого человека». К тому же, по мнению историка, лидер СССР «никогда не воспринимал революцию в Югославии как самобытную»⁶⁰. Профессор утверждал, что основной целью учреждения Информбюро было подчинение Югославии. В 1948 году произошло, по мнению историка, «нападение Сталина на КПЮ и ее руководство». Причины конфликта коренились в самой сути югославской революции, росте авторитета Тито, принципе суверенного равенства государств, а также в особенности внутреннего развития страны. Профессор писал, что Сталин рассчитывал на то, что публикация Резолюции Информбюро в июне 1948 года приведет к мятежу в самой югославской компартии и свержению ее руководства. «Из-за единства КПЮ и народа, а также их решимости дать отпор нападающему Сталин не предпринял никаких военных действий против Югославии», – Петранович утверждал, добавляя при этом, что летом 1950 года лидер СССР начал подготовку к вторжению в Югославию с целью свержения Тито⁶¹. «Войну против Тито Сталин вел до своей смерти».⁶²

Смертью советского лидера, как раз, и были созданы условия для урегулирования двухсторонних отношений. Первый шаг к урегулированию сделал ЦК КПСС в июне 1954 года, год спустя отношения были

58 BRANKO PETRANOVIĆ, *Istorija Jugoslavije. 1918–1978*. (Beograd: Nolit, 1981).

59 Цит. по: Ibid.

60 Цит. по: Ibid.

61 Цит. по: Ibid.

62 Цит. по: Ibid.

восстановлены. Тем не менее и в последующие годы возникали конфликты, по мнению профессора, между странами существовало недоверие. Причиной стало стремление Югославии продолжить вести самостоятельную политику активного мирного сосуществования. Но в данный период между государствами развивалось и сотрудничество⁶³.

В 1980-е годы вышло еще несколько работ, в которых затрагивался вопрос советско-югославских отношений в первые послевоенные годы. В своей статье историк Любодраг Димич, который станет впоследствии профессором философского факультета Белградского университета и действительным членом Сербской академии наук и искусств, утверждал, что сложившиеся после окончания Второй мировой войны отношения между двумя странами и партиями напрямую влияли на культурную политику Югославии⁶⁴. О советских фильмах, вышедших в прокат в Хорватии в период с 1945 по 1952 год, писала Злата Кнезович. Давая очень критическую оценку политике СССР в сфере кинематографии, автор утверждала, что в период с 1945 по 1949 год в кинопрокате доминировали фильмы производства СССР. В 1950 году доля советских фильмов составляла примерно 50 %, на самом пике советско-югославского конфликта – в 1951 и в 1952 году – 0%⁶⁵.

В период с 1944 по 1991 год в югославской историографии было опубликовано несколько трудов по советско-югославским отношениям и всего одна монография, при этом только в конце существования этого многонационального государства. Большой вклад в изучение двухсторонних отношений межвоенного периода внес Вук Винавер, хотя в его работах нашли отражения нарративы социалистических властей относительно политики Королевства сербов, хорватов и словенцев / Королевства Югославия. К сюжетам военных лет и боевым действиям Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии обращались в основном высшие офицеры и сотрудники Военно-исторического института, отражая также в своих работах официальные нарративы страны относительно вклада двух армий в освобождение страны. В вышедшей в 1988 году из-под пера выдающегося историка Николы Б. Поповича книге беспристрастно освещались советско-ю-

63 Ibid.

64 LJUBODRAG DIMIĆ, „Sovjetski kulturni uticaj u Srbiji 1945–1950.“, *Jugoslavenski istorijski časopis*, no. 1–2 (1987), 156–157.

65 ZLATA KNEZOVIĆ, „Idejno-politička uloga sovjetskih filmova u filmskom repertoaru u Hrvatskoj 1945–1952.“, *Časopis za suvremenu povijest*, no. 1–2 (1988), 145, 147–150, 171.

гославские отношения в годы Второй мировой войны. До 1980-х годов отсутствовали работы по истории советско-югославских политических отношений в период после окончания Второй мировой войны. Их обзор дал профессор Бранко Петранович в «Истории Югославии», в котором присутствовала заметна критика в адрес советской политики, а также деятельности и личности Сталина.

References

- NIKOLA ANIĆ, SEKULA JOKSIMOVIĆ, MIRKO GUTIĆ, *Narodnooslobodilačka vojska Jugoslavije. Pregled razvoja oružanih snaga Narodnooslobodilačkog pokreta 1941–1945*. [People's Liberation Army of Yugoslavia. An Overview of the Growth of the National Liberation Movement's Armed Forces from 1941 to 1945] (Beograd: Vojnoistorijski institut, 1982).
- DALIBOR DENDA, "Radovi o učešću sovjetskih trupa u oslobođenju Jugoslavije u časopisu Vojnoistorijski glasnik" [Articles Published in the "Vojnoistorijski glasnik" Journal about Soviet Troops' Involvement in the Liberation of Yugoslavia], v *Oslobođenje Beograda 1944: zbornik radova* (Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2010), 534–544.
- LJUBODRAG DIMIĆ, "Josip Broz i Nikita Sergejevič Hruščov: razgovori u Beogradu 27. maj – 2. jun 1955" [Josip Broz and Nikita Sergeevich Khrushchev: Talks in Belgrade, May 27–June 2, 1955], *Istorijski glasnik*, no. 1–2 (1997), 35–67.
- LJUBODRAG DIMIĆ, "Sovjetski kulturni uticaj u Srbiji 1945–1950" [Soviet Cultural Influence in Serbia, 1945–1950], *Jugoslovenski istorijski časopis*, no. 1–2 (1987), 155–173.
- A. B. EDEMSKII, *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-jugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 gg.* [From Conflict to Normalizations. Soviet-Yugoslav Relations, 1953–1956] (Moskva: Rossiiskaia akademiiia nauk, Institut slavianovedeniia, 2008).
- L. J. GIBIANSKI, "Sovjetsko-jugoslovenski sukob 1948: istoriografske verzije i novi arhivski izvori" [The 1948 Soviet-Yugoslav Conflict: Historiographic Versions and New Archival Materials], in *Jugoslavija v hladni vojni: Zbornik z Znanstvenega posveta Jugoslavija v hladni vojni* (Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino; Toronto: University, 2004), 27–47.
- MIROSLAV JOVANOVIĆ, *Srbi i Rusi 12–21. vek: istorija odnosa* [Serbs and Russians, 12–21 Century: A History] (Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 2012).
- Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine: Zbornik radova* [The 1948 Yugoslav-Soviet Conflict: Collection of Papers] (Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1999).
- ZLATA KNEZOVIĆ, "Idejno-politička uloga sovjetskih filmova u filmskom repertoaru u Hrvatskoj 1945–1952" [The Ideological and Political Role of Soviet Films in Croatian Movie Theaters from 1945 to 1952], *Časopis za savremenu povijest*, no. 1–2 (1988), 137–171.
- BOGDAN KRIZMAN, <https://www.pisi.co.rs/authors/bogdan-krizman/> (Accessed: 20.7.2025)
- BOGDAN KRIZMAN, *Vanjska politika jugoslavenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled* [The Yugoslav State's Foreign Policy from 1918 until 1941. Diplomatic and Historical Review] (Zagreb: Školska knjiga, 1975).
- MIRO LJUB KRŠLJANIN, "Kontrarevolucionarna akcija kraljevskih vlada u Beogradu protiv SSSR-a (1918–29)" [Counter-revolutionary Action of the Royal Governments in Belgrade against the USSR (1918–1929)], *Pregled*, no. 10 (1956), 647–656.
- PAVLE MILOŠEVIĆ, "Iščekivanje sovjetske pomoći na Durmitoru 1942. godine" [Anticipation of Soviet Aid at Durmitor, 1942], *Istorijski zapisi*, no. 3–4 (1970), 387–397.
- BRANKO PETRANOVIĆ, *Istorija Jugoslavije. 1918–1978*. [History of Yugoslavia, 1918–1978] (Beograd: Nolit, 1981).

NIKOLA B. POPOVIĆ, *Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945)* [Yugoslav-Soviet Relations during the World War II] (Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1988).

ALEKSEJ TIMOFEJEV, *Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji: Uticaj SSSR-a i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941–1945.* [Russians and the Second World War in Yugoslavia: The Impact of the USSR and Russian Emigrants on Events in Yugoslavia, 1941–1945] (Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2011).

ĐOKO TRIPKOVIĆ, *Jugoslavija–SSSR (1956–1971)* [Yugoslavia–USSR, 1956–1971] (Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2013).

VUK VINAVER, <https://www.pisi.co.rs/authors/vuk-vinaver/> (Accessed: 3.7.2025)

VUK VINAVER, “Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929” [Yugoslav-Soviet relations, 1919–1929], *Istorija 20. veka*, no. 7 (1965), 93–186.

VUK VINAVER, “Jugoslovensko-sovjetski pakt od aprila 1941. Godine” [Yugoslav-Soviet Pact from April 1941], *Istorijski glasnik*, no. 1 (1973), 7–87.

VUK VINAVER, “Neuspeh tajnih jugoslovensko-sovjetskih pregovora 1934–1938. godine (jedna značajna etapa u nemačkom osvajanju Podunavlja)” [The 1934–1938 Secret Yugoslav-Soviet Negotiations’ Failure (A Significant Stage in Germany’s Conquest of the Danube Region)], *Zbornik za istoriju*, no. 3 (1971), 28–83.

VUK VINAVER, “O jugoslovensko-sovjetskoj trgovini između dva rata” [Yugoslav-Soviet Trade during the Two Wars], *Pregled*, no. 1–2 (1967), 93–109.

VUK VINAVER, “Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919–1926)” [Pašić, Radicals, and the Establishment of Yugoslav-Soviet Diplomatic Relations (1919–1926)], *Pregled*, no. 9 (1967), 217–230.

VUK VINAVER, “Prilog istoriji jugoslovensko-sovjetskih odnosa 1929–1934. Godine” [A Contribution to the History of Yugoslav-Soviet Relations, 1929–1934], *Istorijski glasnik*, no. 1 (1965), 3–58.

VUK VINAVER, “Spoljnopolitička pozadina uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa 1940. Godine” [The Foreign Policy Context for the Establishment of Yugoslav-Soviet Diplomatic Relations in 1940], *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*, no. 45 (1966), 5–60.

MILANA ŽIVANOVIĆ, *I krst i petokraka. Ruski grobni kompleksi u Jugoslaviji u 20. veku* [Both Cross and Five-pointed Star. Russian Burial Sites in Yugoslavia in the 20th Century] (Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2020).

MILANA ŽIVANOVICH, “Jugoslavskaja nauchnaia literatura ob uchastii ruskikh emigrantov v dvizhenii Soprotivleniia” [Yugoslav Historiography on the Participation of Russian Emigrants in the Resistance Movement], *Ezhegodnik Doma ruskogo zarubezh’ia im. Aleksandra Solzhenitsyna*, no. 12 (2023), 21–27.

VICTORIA GRUZDINSKAYA

YUGOSLAV FRIENDS OF A SOVIET HISTORIAN: THE CASE OF MAREN MIKHAILOVICH FREIDENBERG¹

This article examines the international scholarly connections of the Soviet historian and Balkan specialist Maren Mikhailovich Freidenberg (1924–2007) through the prism of his long-standing correspondence with Yugoslav scholars. The source base consists of the epistolary legacy preserved in the historian's personal collection held at the State Archive of Tver Oblast, which makes it possible to reconstruct the dynamics of these contacts, the thematic scope of communication, and the everyday practices of scholarly exchange under conditions of limited mobility characteristic of a "provincial" humanities scholar. The focus is placed on two sustained epistolary dialogues: with Ivan Božić, Professor at the University of Belgrade (1962–1977), and with Dušan Sindik, a researcher at the Institute of History of the Serbian Academy of Sciences and Arts (1976–1990). It is demonstrated that these connections were initially established at a distance and only later reinforced through personal meetings. Freidenberg regarded both Yugoslav historians as friends and repeatedly expressed his feelings of personal affection towards them. Communication with each of them had its own distinctive features, shaped by differences in age, professional status, and the prevailing scholarly and everyday circumstances. The central axis of this interaction was the exchange of books and offprints, and later of microfilmed sources, alongside consultations on historiography and discussions of specific research problems, above all those concerning the history of the cities of medieval Dalmatia. An analysis of this correspondence reveals examples of relations based on trust, including requests for the purchase of medicines, consumer goods, and other forms of everyday assistance, which complemented the professional dimension of these contacts and underscored their personal character. The article concludes that a clear divide existed between official, institutional channels of scholarly communication and personal networks. It was the latter that proved more reliable and productive, securing Freidenberg recognition within the Yugoslav scholarly community and contributing to the formation of his status as an expert on Yugoslav historiography.

Keywords: Maren Mikhailovich Freidenberg; Dušan Sindik; Ivan Božić; Soviet-Yugoslav relations; history of the medieval cities of Dalmatia; scholarly communication; Yugoslav historiography; Balkan studies.

Victoria S. Gruzdinskaya – PhD in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science. E-mail: vik11910314@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9533-9861

1 Citation: VICTORIA GRUZDINSKAYA. "Yugoslav Friends of a Soviet Historian: The Case of Maren Mikhailovich Freidenberg", *RussianStudiesHu* 8, no. 1 (2026): 75–94. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.5

Scholarly contacts between Soviet and foreign researchers in the second half of the 20th century took shape and developed in different ways. In some cases, institutional cooperation evolved into close personal relationships that were not merely professional in nature but also assumed a distinctly friendly character. The history of Soviet scholarship offers examples in which individual scholars succeeded in building extensive networks of communication with colleagues abroad. The paths by which such contacts were established could vary considerably. The broad international connections of Soviet historians crowned with academic honours and working in major research centres are hardly surprising. As a rule, these were scholars based in Moscow, Leningrad, or Kyiv, who had opportunities to travel abroad on official assignments and to host foreign researchers in their own institutions.

Within the hierarchical structure of Soviet scholarship, however, humanities scholars working outside the capitals were far less involved in international scholarly communication than their metropolitan counterparts. Nevertheless, it is possible to identify cases in which non-metropolitan historians managed to create and sustain wide-ranging networks of contacts with foreign colleagues. In this respect, one may recall, for example, the Byzantinist Mikhail Iakovlevich Siuzumov from Sverdlovsk or the specialist in 19th-century Russian history Nikolai Alekseevich Troitskii from Saratov.

Among such non-metropolitan scholars who succeeded in establishing extensive and durable networks of international scholarly communication, a special place is occupied by the Balkan specialist Maren Mikhailovich Freidenberg (1924–2007). His personal papers preserved at the State Archive of Tver Oblast (collection no. 1981) contain an extensive body of correspondence with foreign colleagues, predominantly from socialist countries – Bulgaria, Hungary, the German Democratic Republic, Poland, Romania, Czechoslovakia, and Yugoslavia. It is hardly surprising that the most numerous of Freidenberg's correspondents, given his keen interest in the history of Dalmatian cities, were Yugoslav historians. His case is noteworthy not only for the scale of these contacts but also because long-term, close interaction with scholars from Yugoslavia was a relatively rare phenomenon within Soviet historical scholarship.

M. M. FREIDENBERG: BIOGRAPHICAL SKETCHES AGAINST THE BACKDROP OF AN ERA

Maren Mikhailovich Freidenberg was born on 9 July 1924 to a mathematics teacher and an economist.² His father, who had been involved in the revolutionary movement, chose for his son the rather uncommon name *Maren* (in Russian – *Марэн*), derived from the names of Marx and Engels.³ In his autobiography of 1953, the scholar wrote that until 1930 he had lived together with his parents in Moscow and then, until 1938, in Kuibyshev, where his father allegedly died in 1936 from “angina pectoris”.⁴ Meanwhile, for obvious reasons, the historian concealed certain details of his biography. The Freidenberg family did not leave Moscow of their own free will, nor did this occur in 1930. In 1927 they were exiled to Siberia, to the town of Kamen’. Three years later, they were permitted to move to Kuibyshev. There Mikhail Markovich Freidenberg was arrested and executed.⁵ From that point on, as the historian later recalled in his memoirs, a new life began – the life of a “son of an enemy of the people”, and “its first stage, its first step, was the necessity to conceal one’s true biography, to conceal it for several decades”.⁶ In 1938, Maren and his mother moved to Feodosia, seemingly in an attempt to disappear from the field of vision of the NKVD (the Soviet secret police). From 1938 to 1941 they lived in Crimea, which they left at the beginning of the war. Whether they were evacuated to the Urals, as stated in the autobiography of 1953, or hastily departed on their own initiative in order to move further away from the theatre of military operations, as stated in memoirs penned in the 1990s, remains unclear.⁷ The Freidenbergs eventually found themselves in Sverdlovsk, where in 1942 Maren Mikhailovich completed a Teachers’ Institute training programme by correspondence and took up work as a schoolteacher.

In 1943, Freidenberg was conscripted into the army. From February 1944 until the end of the war he served as a submachine gunner. About his

2 И. Г. ВОРОБЬЁВА, “Марэн Михайлович Фрейденберг (1924–2007)”, *Средние века* 69, no. 1 (2008): 165–167; И. Г. ВОРОБЬЁВА, О. А. АКИМОВА, “Памяти Марэна Михайловича Фрейденберга”, *Славяноведение*, no. 2 (2008): 125–126.

3 М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ, “Я – историк”, in: М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ, *Очерки истории балканско-го еврейства. Я – историк* (Тель-Авив: Библиотека Матвея Черного, 1998), 99.

4 *Государственный архив Тверской области* (ГАТО), ф. 1981, оп. 1, д. 2, л. 10.

5 The historian’s father was rehabilitated in 1965 (ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 2, л. 11–12).

6 ФРЕЙДЕНБЕРГ, Я – историк, 100.

7 *Ibid.*, 102.

wartime experience he left only a brief remark in his memoirs: “Together with my brigade I passed through Moldova, Romania, Vojvodina, and Hungary. On the march near Subotica I heard Serbian speech for the first time. In my flat there still hangs a 17th-century medieval engraving, a reminder of the heavy fighting near Székesfehérvár in January 1945.”⁸ Could the soldier Freidenberg, in those harsh days, have imagined that he would hear Serbian speech many more times – and, moreover, that he himself would one day read and write in that language?

After returning to civilian life, Freidenberg enrolled in the Faculty of History of the V.I. Lenin Moscow State Pedagogical Institute, from which he graduated in 1949. During his student years, Freidenberg defined the field of his scholarly interests, concentrating on the study of Byzantine history. This choice entailed considerable difficulties: Greek was not taught at the Institute, nor was there a course on Byzantine history. As the historian later recalled, “I had to begin everything from scratch and then proceed entirely on my own.”⁹

In 1949, Freidenberg entered postgraduate study at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR.¹⁰ His postgraduate years were far from easy, both in everyday and in scholarly terms. He left the following notes about that period: “Three years of intense work (my mother and I rented a room outside Moscow) bore fruit – I prepared the text necessary for the defence of a candidate [...] dissertation. The level of my knowledge was still not very high, foreign literature reached us through the ‘Iron Curtain’ irregularly, but I learned how to work.”¹¹

Freidenberg defended his Candidate of Sciences dissertation, entitled “*Agrarian Relations in Byzantium in the 11th–12th Centuries*”, at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in 1953. After the defence, it took him half a year to find employment. A suitable position was eventually found at the Pedagogical Institute in Velikiye Luki. At that time, there were several prominent Soviet scholars of Jewish origin working there, scholars for whom the path to Moscow was effectively closed. Among Freidenberg’s colleagues were Sergei Borisovich Kan, a specialist in Modern History, Aleksandr Petrovich Kazhdan, a specialist in Byzantine history, and Yakov Nikolaevich Liubarskii, at that time still a philologist (later a specialist in Byzantine history). Communication with

8 Ibid.

9 Ibid, 103.

10 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 2, л. 10 об.

11 ФРЕЙДЕНБЕРГ, “Я – историк”, 104.

these colleagues, on the one hand alleviated the monotony of provincial life and, on the other, motivated Freidenberg to make up for gaps in his education. The historian remained in Velikiye Luki for thirteen years. In 1966, he obtained a position at the Kalinin Pedagogical Institute, which had become vacant after the medievalist Aron Yakovlevich Gurevich moved to Moscow. Until 1990, Freidenberg's career was connected with this institution, which in 1972 was reorganised into Kalinin State University. In 1978, he became head of the Department of Ancient and Medieval History. The reorganisation of this department took several years. In a letter dated 28 November 1976, Freidenberg wrote to the Byzantinist Siuzyumov, Professor at Sverdlovsk State University: "And how would you look upon it if, during the present academic year, I were to drop by your department in order to gain some experience in administration?"¹²

Freidenberg's first foreign contacts date back to his period in Velikiye Luki. To a considerable extent, these were prompted by the fact that the subject of his studies was the history of Dalmatian city-states. "I felt an acute need to establish contacts with Yugoslav scholars," as Freidenberg himself described his feelings.¹³

It is noteworthy that among Freidenberg's earliest correspondents were two well-known Russian historians who had emigrated from Russia after the Revolution of 1917: the Byzantinists Georgii Aleksandrovich Ostrogorsky (1902–1976) and Vladimir Alekseevich Moshin (1894–1987). The beginning of his epistolary communication with them dates to 1957–1958.¹⁴ This correspondence shows that Freidenberg turned to Moshin, who was working in Zagreb, with a request for assistance in establishing contacts with local scholars. In a letter dated 24 November 1959, he wrote: "I would like, if you would allow me, to take advantage of your assistance and make the acquaintance of Croatian historians, first and foremost N. Klaić. But I myself fully understand that scholarly acquaintance can only be established after an initial exchange of works, and my own works are still lying on my writing desk. Thus, I shall have to wait for better times."¹⁵ These "better times", however, arrived fairly soon. In the early 1960s, Freidenberg's correspondence with Yugoslav scholars intensified sharply. This was facilitated by the warming of Soviet–Yugoslav relations

12 Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. Р-802, оп. 1, д. 248, л. 7.

13 ФРЕЙДЕНБЕРГ, "Я – историк", 108.

14 ГАСО, ф. 1981, оп. 1, д. 429, л. 1 об.; д. 431, л. 1–1 об.

15 ГАСО, ф. 1981, оп. 1, д. 429, л. 10–10 об.

in the late 1950s and early 1960s.¹⁶ Freidenberg's personal papers, which are preserved at the State Archive of Tver Oblast (collection no. 1981), contain extensive correspondence with colleagues from Yugoslavia. In total, there are approximately 90 correspondents.¹⁷ The intensity and closeness of communication, however, varied considerably, ranging from the exchange of a few isolated letters to friendships that lasted several decades. Acknowledging that it is impossible within the framework of a single article to conduct a full analysis of such a massive epistolary corpus, the present study focuses on Freidenberg's communication with two prominent Yugoslav historians – Ivan Božić and Dušan Sindik. In both cases, this was a long-term, multi-year, and intensive correspondence. It is noteworthy that Freidenberg's papers preserve not only letters addressed to him by his Yugoslav colleagues but also copies of his replies, often bearing notes indicating the date of dispatch. Finally, another reason for focusing specifically on these two historians lies in the special attitude Freidenberg held towards each of them. He referred to both Božić and Sindik as his "friends by correspondence".¹⁸ The present article seeks to trace how contacts between these historians were established and developed, and to identify the factors that influenced them.

FIFTEEN YEARS OF LIFE REFLECTED IN THE CORRESPONDENCE BETWEEN IVAN BOŽIĆ AND M. M. FREIDENBERG

A substantive epistolary dialogue connected Ivan Božić (1915–1977), Professor at the University of Belgrade, and the Soviet historian Freidenberg. This correspondence lasted from 1962 until the death of the Yugoslav scholar in 1977. The two historians were brought together by a shared scholarly interest in the medieval history of Dubrovnik. In 1951, Božić had defended his dissertation entitled "Dubrovnik and Turkey in the 14th and

16 А. Б. ЕДЕМСКИЙ, *От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах* (Москва: Наука, 2008); Б. С. НОВОСЕЛЬЦЕВ, "От нормализации к конфликту: советско-югославские отношения весной – летом 1956 г.", *Новое прошлое*, no. 1 (2017): 45–56.

17 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 393–455.

18 ФРЕЙДЕНБЕРГ, "Я – историк", 109.

15th Centuries”.¹⁹ Dubrovnik interested Freidenberg not only in its own right, but also within the broader context of the history of Dalmatia. This interest would later result in his fundamental monograph *Dubrovnik and the Ottoman Empire*.²⁰ Božić was an influential Yugoslav historian. In the first half of the 1930s, he received his education at the University of Belgrade, and his subsequent academic career was likewise closely connected with this institution. In 1953–1954, he taught courses on the language and culture of the South Slavs at the Sorbonne. In 1954–1955, the historian undertook a research fellowship in Venice, working in archives and libraries. In the second half of the 1950s, Božić became Dean of the Faculty of Philosophy at the University of Belgrade. His authority within the scholarly community was considerable, as evidenced not only by his election to the Montenegrin and Serbian Academies of Sciences and Arts, but also by his chairmanship of the Yugoslav National Committee of Historians.

The earliest surviving letter from the Yugoslav historian is dated 13 August 1962, although it is clear from its contents that the correspondence between the two historians had begun earlier.²¹ Božić thanked Freidenberg for the works he had sent on the “*Novigrad Codex*”²² and on the “polysemy of the concept of *servus*”.²³ In addition, the Yugoslav historian informed his colleague about works by the Slovenian scholar Bogo Grafenauer that might be of interest to him. At the end of the letter, he asked whether Freidenberg already possessed these publications and, for the purpose of further contact, provided Grafenauer’s address in Ljubljana.²⁴ In subsequent letters, the exchange of publications and information about new research frequently emerged as a central theme, alongside discussions of scholarly problems. Thus, in a letter dated 21 September 1965, Freidenberg thanked Božić for an article sent from *Jugoslavenski istorijski časopis* (1964, no. 1, pp. 3–12) and shared his reflections: “I read it with great interest for two reasons: first, because it addresses the problem of transformations within feudal

19 И. БОЖИЋ, *Дубровник и Турска у XIV и XV веку* (Београд: Научна књига, 1952).

20 М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ, *Дубровник и Османска империја* (Москва: Наука, 1984).

21 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 404, л. 1.

22 М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ, “‘Новиградски сборник’ как источник по социально-экономической истории Хорватии”, in: *Славянский архив: сборник статей и материалов* (Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1962), 28–58.

23 М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ, “О многозначности понятия «servus» в Далматинской Хорватии X–XI вв.”, *Ученые записки Великолуцкого педагогического института. Великие Луки*, no. 20 (1962), 93–101.

24 No letters addressed to this historian, nor any replies written by him, have been identified in Freidenberg’s personal papers.

society, and moreover precisely in ‘my’ period; second, because the article contains principled ideas concerning the origin and character of ‘tribes’ and ‘brotherhoods’ in the 14th–16th centuries.”²⁵ Of particular satisfaction to the Soviet historian was the fact that in this study he found confirmation of his “deep conviction that both ‘tribes’ and ‘brotherhoods’ go back to the period of the clan system, and that the bearers of the relations of this system – clan and tribal relations in the Balkans – were semi-nomadic Illyrian-Thracian groups.”²⁶ The article made such a strong impression on Freidenberg that he wrote a review note about it for *Voprosy istorii*.²⁷

In 1965, the possibility of a future trip by Freidenberg to Yugoslavia was discussed in the correspondence for the first time. Thus, on 11 December 1965, he wrote, “I am making efforts to obtain the opportunity to travel to Yugoslavia next year. If this succeeds, I shall, of course, be delighted to visit you. Many thanks for the invitation!”²⁸ However, he was able to take advantage of this invitation only in September 1968. Freidenberg later recalled that he was greatly surprised by this journey: “My request, which had been lying in the passport office for years, was urgently endorsed, and within a few days I found myself on the Moscow–Belgrade train. A month-long (!) journey around the country awaited me.”²⁹ His surprise was prompted by the fact that permission was granted after the invasion of Czechoslovakia by the troops of the Warsaw Pact states. The Yugoslav government did not support this intervention, and this once again led to a deterioration in Soviet–Yugoslav relations.³⁰

Despite the tense political climate, Freidenberg’s trip proved successful. He was so deeply impressed by what he saw that many years later he recalled it as a turning point in his relationship “with the country [Yugoslavia – V.G.], its appearance, language, customs, and everyday life”.³¹ On the one hand, he was struck by the cities of Skopje, Peć, Kotor, Split, Trogir, and Dubrovnik. It seemed as though the pages of his scholarly books and the medieval folios

25 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 404, л. 3.

26 Ibid.

27 М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ, “Социальные отношения в Сербии перед турецким завоеванием”, *Вопросы истории*, no. 2 (1965): 198–199.

28 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 404, л. 5.

29 ФРЕЙДЕНБЕРГ, “Я – историк”, 110.

30 Е. Ю. ГУСЬКОВА, “Научное сотрудничество в трудные годы: защита докторской диссертации В. Стругара в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1968 г.,” in: *Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сборник статей* (Москва: Институт славяноведения РАН, 2018), 403–412.

31 ФРЕЙДЕНБЕРГ, “Я – историк”, 110.

he studied had come to life. No photograph, even of the highest quality, can replace the magic of the moment when a researcher, long separated from the object of his studies, encounters it in person, hears its breath, and senses its soul. On the other hand, Freidenberg wrote that the “strangling of the Prague Spring” also signified the end of the era of the Soviet “Sixtiers” (shestidesiatniki).³² In practical terms, for him and for those scholars who had tied their fate to Yugoslavia, this meant a transition into the category of the “suspect”.³³ It is therefore unsurprising that Freidenberg’s subsequent visits to Yugoslavia took place only in the 1980s.³⁴

It was precisely in the autumn of 1968 that Freidenberg and Božić met in person, after almost six years of correspondence. From that moment, their relationship developed into a friendship. In October 1968, Maren Mikhailovich’s wife, Lidiia Arkad’evna Kotliarskaia, wrote to Ivan Božić’s wife, Olga, expressing her gratitude for an “unexpected and luxurious gift” and extending an invitation to visit.³⁵ After Lidiia Arkad’evna’s words, Maren Mikhailovich joined the “conversation” in a playful tone: “Dear Olga! The fact that Lida is writing on a typewriter is not a sign of formality. If she were writing to you by hand, you would have to decipher her letter with the help of palaeographers – her handwriting is rather peculiar! In a week I shall be in Moscow and will certainly carry out your second request!”³⁶ The second request concerned the purchase and dispatch to Belgrade of a medicine for Olga Božić’s mother. Over the course of several years, this matter periodically resurfaced in the correspondence, and the

32 Ibid, 110–111.

33 Ibid.

34 It is known that in 1978 Freidenberg attempted to obtain permission to travel abroad. Thus, in a petition dated 17 May 1978 addressed to I. M. Solov’ev, Head of the Directorate of Internal Affairs of the Kalinin Oblast Executive Committee, the scholar asked, by way of exception, that his request for permission to make a private trip to Yugoslavia be considered. The trip was to take place at the invitation of acquaintances and for the purpose of scholarly work. The historian emphasised: “The study of a country is impossible without communication with people and acquaintance with monuments of antiquity and culture. Meanwhile, the last (and only) time when I had the opportunity to visit the Socialist Federal Republic of Yugoslavia was ten years ago (in 1968)” (ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 2, л. 26 об.). In 1982, Freidenberg visited Yugoslavia to participate in a seminar on the Serbo-Croatian language; in 1983, he travelled there under the auspices of the Ministry of Higher and Secondary Specialised Education of the USSR to take part in a Soviet-Yugoslav symposium; in 1986, he visited Yugoslavia within the framework of a scholarly exchange; and in 1988, for tourist purposes (ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 2, л. 29, 31 об.)

35 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 404, л. 8.

36 Ibid.

Freidenbergs consistently responded with care and attentiveness to the requests of their Yugoslav friends.

Maren Mikhailovich also informed Božić about certain events in Moscow's scholarly life, while at the same time making no mention of affairs in Kalinin (in contrast to his letters to other colleagues in the 1980s, when departmental life there was more active). In June 1966, the historian wrote that he had just returned from Moscow, where a scholarly session devoted to problems of the genesis of feudalism in the countries of Western Europe had taken place from 30 May to 3 June.³⁷ This information may well have been of interest to Božić, since at that time he was working on problems relating to the history of the Serbian state in the 9th–11th centuries. Freidenberg shared his impressions of the session as follows: "For me it was very interesting, since I began my work on the history of Byzantine, and later Croatian, feudalism with the period of the 10th–11th centuries, that is, with early feudalism. And also because at this meeting in Moscow [...] there was a great deal of discussion about the role of the city, and the city is my 'hobby'."³⁸

In the second half of the 1970s and the 1980s, urban history became one of the major thematic directions in Soviet historiography and attracted the attention of scholars from various research and educational centres. Perhaps the most striking examples are provided by historians from Saratov and Kalinin universities, who published collective volumes and organised scholarly conferences devoted to this theme.³⁹

In the 1960s, Freidenberg was actively working on his doctoral dissertation entitled *The Dalmatian City and Its Rural Hinterland in the 13th–14th Centuries*, which he completed in 1969. In the same year, he approached Yugoslav historians, including Božić, with a request to write an evaluation of the dissertation abstract. At the beginning of January 1970, the Yugoslav scholar sent his review, accompanied by a personal letter. Božić congratulated his Soviet colleague on his outstanding work and wrote that he had greatly appreciated the dissertation. At the same time, he noted with a degree of regret, "If you had had the opportunity

37 З. Г. Самодурова, "Актуальные проблемы ранней истории феодальной формации", *Вопросы истории*, no. 9 (1966): 159–163.

38 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 404, л. 7.

39 В. С. Груздинская, М. В. Ковалев, "'Тема городской жизни стучалась в двери ученых кабинетов': Марэн Михайлович Фрейденберг и изучение истории средневекового города в 1950-е – 1980-е гг. (по материалам переписки)", *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 16, no. 9 (155) (2025): <https://doi.org/10.18254/S207987840036560-5>

to work in the archives for a prolonged period, I think you could have improved it.”⁴⁰

Freidenberg was deeply touched by this recognition on the part of such an authoritative specialist. In his reply dated 21 January 1970, he wrote, “I shall perhaps begin with the main point – with my gratitude for the words you wrote in your review. When, in our country, a dissertation on the history of another, not our own, country is defended, the essential thing is to learn what is thought of this work there, in that country. That is why it is so important for me to receive your review (and so quickly, so promptly!). And when I read your flattering assessment of the work itself, I am doubly grateful to you.”⁴¹

Unfortunately, no copy of this review has been preserved in Freidenberg’s personal papers. However, in the same letter he clarified a number of points that had raised questions for Božić. In particular, the two scholars differed in the way they related the concepts of “citizenship” and “citizens” (*cives*). Maren Mikhailovich emphasised that in his research these terms were not synonymous: the right of citizenship “had existed for a very long time (from at least the beginning of the 13th century) with all its privileges [...] – the right to sell goods on the city market, and so forth. Yet there was no specific designation for it; among the terms most frequently used was *terrigena*.” By contrast, the latter concept (the stratum of *cives*), emerged rather late in Split.⁴²

The defence of Freidenberg’s doctoral dissertation was far from easy: the text was discussed for a long time and with considerable difficulty. The defence ultimately took place in 1971 at the Institute of Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR. Freidenberg did not write to Božić about the difficulties he encountered in this process; nevertheless, on one occasion he hinted in a letter that his career had reached its peak and that election to the Academy of Sciences of the USSR would never be possible for him.⁴³

On the occasion of the Božić couple’s visit to Moscow, Freidenberg invited them to undertake a journey to the Russian North: “You have come up with a splendid idea – to travel together to the Russian North (Vologda, Belozersk, the old monasteries) or to Karelia (Kizhi). For this, it is necessary that I be able to invite both you and Olga to stay with us (‘as guests’). A

40 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 404, л. 24.

41 Ibid, л. 25.

42 Ibid, л. 25 об.

43 Ibid, л. 48.

few years ago, it was possible to invite both relatives and acquaintances freely; now, only relatives are permitted. As soon as the opportunity arises to invite you, I shall write to you – I hope you will agree, and we shall begin to arrange the documents.”⁴⁴ Božić did receive this invitation, but he was unable to take advantage of it. This was prevented by the scholar’s illness, which, incidentally, also affected the frequency of his correspondence with Freidenberg. Communication became significantly less frequent.

Maren Mikhailovich nevertheless continued to share news of his life, including matters of everyday routine. Thus, he wrote about his travels to Lake Baikal, to the Black Sea coast, and to Torzhok, and also mentioned his son. In 1976, Freidenberg visited Bulgaria, and he described this trip in a letter dated 31 October 1976: “We were in Sofia, in Tŭrnovo, and at the seaside as well (and even went swimming, like desperate Germans). What a small world it is: Dimitar Doichinov (the husband of the Ottomanist Bistra Tsvetkova) turned out to be a specialist in the history of the Bay of Kotor (Boka Kotorska).”⁴⁵

The last letter from Ivan Božić arrived in January 1977, in which he wrote about the deterioration of his health.⁴⁶ On 20 August 1977, the scholar passed away. Freidenberg sent a letter of condolence to the University of Belgrade, in which he noted, “I had the opportunity to meet this remarkable man comparatively rarely, but I followed his academic writings closely ~~his works~~ and for fifteen years had been engaged in a friendly correspondence with him. This is a loss not only for Serbian but for European historical scholarship as a whole, including Soviet historiography.”⁴⁷

For several years following Božić’s death, Maren Mikhailovich continued to correspond with his widow, Olga. As a rule, these letters were timed to coincide with the anniversary of her husband’s death. In September 1979, Freidenberg wrote, “I remember 20 August all the time, dear Olga, but it is not customary for us to remind one another of sad anniversaries (unlike in your country, where this is observed), and I did not dare to write to you. It is a pity that you do not decide to come to visit me in response to my invitation: a tourist trip leaves so little time for private meetings!”⁴⁸ Maren Mikhailovich preserved a warm memory of his colleague for the

44 Ibid, п. 49.

45 Ibid, п. 64.

46 Ibid, п. 24.

47 Ibid, п. 68.

48 Ibid, п. 74.

rest of his life. In his memoirs, he left a sketch of Božić as “a connoisseur of Montenegrin and Boka Kotorska themes, gentle, tactful, and a true aristocrat of the spirit.”⁴⁹

DUŠAN SINDIK AND M. M. FREIDENBERG: A BUSINESSLIKE CONVERSATION “FROM THE HEART”

Another of Freidenberg’s “friends by correspondence” was Dušan Sindik (1933–2017). The Yugoslav scholar worked in the field of medieval archaeography and also studied the history of Jews in the Balkans during the Middle Ages. From 1962 until the end of his life, he was employed at the Institute of History of the Serbian Academy of Sciences and Arts, which had been headed in 1954–1958 by his father, Ilija Sindik (1888–1958).

The circumstances under which Maren Mikhailovich and Dušan Il’ich – this being the form of address frequently used by the Soviet historian in his letters – first became acquainted remain unknown. The earliest surviving letter is dated 9 March 1976. From its contents it is clear that contact between the two scholars had been established earlier, although the exact date is not specified. Thus, on 9 March 1976 Sindik wrote, “Well, I think you remember that you are dealing with a person who is lazy when it comes to picking up a pen.”⁵⁰

Freidenberg replied on 31 March 1976, “I am answering your letter so quickly, on the very same day [evidently the day of receipt – V.G.], not at all out of a desire thereby to hurry you (or, as we say, ‘to needle’ you), but simply because it is pleasant to be assured that neither time nor circumstances have interrupted our relations, that you have responded in such a friendly manner.”⁵¹

This epistolary dialogue was conducted alternately in Russian and in Serbian. As in the case of Ivan Božić, the central theme of this exchange was the circulation of scholarly publications. It is noteworthy that from the beginning of the 1980s the scholars sent each other not only original books and offprints of articles but also microfilms of sources. In particular, Sindik made such a request on 23 March 1981. At that moment, Freidenberg

49 ФРЕЙДЕНБЕРГ, “Я – историк”, 109.

50 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 438, л. 1.

51 Ibid, л. 2.

was uncertain how to proceed, since the matter concerned the copying of materials for a foreign scholar, albeit one from socialist Yugoslavia. He therefore sought advice from colleagues. In April 1981, Freidenberg received a letter from Lyudmila Ilyinichna Kiseleva, a palaeographer of the Library of the Academy of Sciences of the USSR. She advised him to contact the Library's administration directly, adding specific guidance on what and how to write in such a request.

Following her recommendations, on 20 April Freidenberg wrote to the Library as follows: "I would like to address you with a request to microfilm the manuscript 'Evangelium seu lectioarium ad usum accliesiae Cattarenensis' (11th–12th centuries, Dalmatia, Kotor), described in Lyudmila Ilyinichna Kiseleva's book *Latin Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences* (Leningrad, 1978). The manuscript contains documents relating to the history of the Church of St Tryphon in Kotor in the years 1124–1255. These texts are very important for me as a specialist in the history of Dalmatia."⁵² The historian provided his address for the dispatch of the microfilms and guaranteed payment. Significantly, he did not go into detail as to for whom the microfilms were in fact intended. Most likely, Maren Mikhailovich acted in this way in order to avoid both unnecessary explanations and unwarranted suspicions.

In July of the same year, Sindik received the desired sources.⁵³ After working through the materials, the Yugoslav historian asked Freidenberg for permission to publish them. Maren Mikhailovich raised no principled objections; however, in a letter dated 29 January 1982 he noted, "Since the microfilm was made for me, it would be useful if I were also to report in print on the use of this text. Therefore, I have one request for you: please identify in the text yourself two or three passages that could be used for references to the internal history of the city of Kotor [...] and send them to me – preferably in the form of brief quotations and, of course, with page references."⁵⁴ In March of the same year, Sindik replied that he would send suitable materials once he had completed his work with the source.⁵⁵

It is noteworthy that Freidenberg did not discuss his own visits to Yugoslavia with his colleague. On several occasions, however, Sindik's trips to the USSR were mentioned in the correspondence. On one occasion, this discussion even acquired something of a vaudeville tone. On 22 September

52 *Ibid.*, n. 26.

53 *Ibid.*, n. 28.

54 *Ibid.*, n. 32.

55 *Ibid.*, n. 36.

1979, Sindik asked Freidenberg not to mention in future letters that certain Soviet women had been charmed by him. The Yugoslav historian added: “My Nadežda’s first reaction was the same: ‘So that means you must not go to the Union.’ Thus, until the next opportunity arises, I have no domestic permission to travel to the Union!”⁵⁶

The “charmed” Soviet woman in question was most likely Yulia Vladimirovna Ivanova (1922–2006), a researcher at the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR and a specialist on the Balkans in general and Albania in particular. In September 1979 she was on an official assignment in Belgrade and met with Sindik there. He asked her to deliver a parcel to Freidenberg. Evidently, she not only fulfilled this request but also shared her impressions of her interaction with the Yugoslav historian, which Maren Mikhailovich noted in his letter. An equally intriguing story unfolded around this parcel.

In January 1979, Freidenberg wrote that for several years he had had an “honorarium” pending in Yugoslavia, which was difficult to transfer to the USSR. He therefore wished to make use of these funds and asked one of his Yugoslav friends to purchase a gift for his wife on his behalf, inquiring whether it might be possible to bring the gift to Moscow on an appropriate occasion.⁵⁷ This topic was not pursued further in the correspondence. In the summer of 1979, the Yugoslav historian visited the Soviet Union, and it is possible that during a personal meeting the two scholars agreed that Sindik would make the necessary purchases and pass them on via Ivanova. This is, in fact, what happened. On 8 September, Sindik reported on the “work” he had carried out: “This morning I went to the bank to collect your money. It turned out that the Yugoslav Academy had paid not only 4,500 dinars into my account, as you mentioned in your letter, but 5,500 dinars. So now I must give you a full account: suit 2,100 [dinars] + boots 1,504 [dinars] = 3,604 [dinars]. With me: 5,500 [dinars] – 3,604 [dinars] = 1,896 [dinars].”⁵⁸ Thus, Ivanova brought a suit and a pair of boots for Freidenberg and his wife. At that time, Yugoslav goods were of high quality and enjoyed considerable demand among Soviet consumers.

There were also requests of a rather exotic nature. In particular, at the end of 1981 Sindik asked Freidenberg to help him establish contact with the healer Dzhuna Davitashvili. The Yugoslav scholar’s health had

56 *Ibid.*, n. 17.

57 *Ibid.*, n. 11.

58 *Ibid.*, n. 16.

deteriorated during those years, and for this reason he decided to resort to methods of non-conventional medicine. At that time, the fame of Soviet healers had spread far beyond the borders of the USSR. Maren Mikhailovich took this request seriously. Thus, in a letter dated 29 January he wrote, “Dear Dušan Il’ich, I must report to you with regret that nothing has come of the matter with Dzhuna. And not because I failed to reach her – on the contrary, circumstances developed in the most favourable way possible. I happened to have a very close acquaintance in Tbilisi who is connected with Moscow physicians. One of these Moscow doctors, a reflexologist (incidentally, the daughter-in-law of our famous pilot Valerii Chkalov, well known before the war), works at the Botkin Hospital in Moscow. I went to the hospital, met her, made arrangements on your behalf, and we began to approach Dzhuna repeatedly with requests. But alas – Dzhuna said that she would not risk undertaking the treatment... Perhaps after some time I will be able to meet Dzhuna myself (she works at the Kremlin Polyclinic, and it is not easy to gain access to her); perhaps we shall persuade her yet, but this will take time. For the moment, however, the outcome is less than satisfactory.”⁵⁹ Freidenberg made a second attempt to contact Dzhuna in the spring, about which he immediately wrote to Belgrade: “As for Dzhuna, the news is bad: Dzhuna has fallen seriously ill – she pursued her healing activities too relentlessly and has overexerted herself... Therefore, for the near future one cannot count on her, regrettable as this may be.”⁶⁰

How this story with the healer ultimately ended – whether it proved possible to secure an appointment with her, or whether further attempts were made – remains unknown, as the correspondence makes no further mention of the matter. In letters from 1982, the theme of health arose on several occasions, above all in connection with the purchase and dispatch to Sindik of various medicines and even a hearing aid.⁶¹ Evidently, the Yugoslav historian was experiencing serious health problems. In one of his letters, he reported that he was facing hospitalisation in a clinic in order to undergo a biopsy.⁶² From September 1982 to January 1983, Sindik ceased responding to Freidenberg’s letters. When contact was restored, the Soviet scholar wrote that he had been “thoroughly worried”, adding parenthetically: “We are all in God’s hands.”⁶³

59 Ibid, n. 32.

60 Ibid, n. 37.

61 Ibid, n. 42, 44.

62 Ibid, n. 36.

63 Ibid, n. 46.

In his letters, Freidenberg frequently asked Sindik about how matters stood with their Yugoslav colleagues, especially when he had not received a reply from someone for a long time. The number of scholars mentioned in this context is striking and once again attests to the high degree of Freidenberg's integration into the Yugoslav community of historians. The names of Soviet colleagues appeared in the epistolary exchange extremely rarely. Apart from Ivanova, the correspondence mentions Evgenii Naumov, a medievalist at the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR, in connection with his sudden death in January 1990. Sindik wrote, "Your letter of 23 January is very sad, distressing, and I simply do not know how else to put it. I was utterly shocked. As recently as 13 January Evgenii Pavlovich had written to me about illnesses in his family, and I received that letter on the 18th, or thereabouts – a day earlier or later – when he had already left us. How terrible!"⁶⁴

Sociopolitical topics were likewise not raised in the correspondence, and for this reason Freidenberg's decision to emigrate to Israel together with his family came as a surprise to Sindik. In the latest of the surviving letters, dated 21 October 1990, the Yugoslav scholar could not conceal his astonishment: "The decision is a very important one and, if I may put it this way, heroic, given your age. Yet it is circumstances and conditions that make heroes. From our side, the very best wishes and warm congratulations go out to you and to Lidiia Arkad'evna. All the best to you in your new – rather, your ancient – homeland. If it is Eretz Israel, then I am already inviting myself to visit you."⁶⁵ Unfortunately, the sources currently at our disposal do not allow us to answer the question of whether correspondence and communication between the two scholars continued thereafter.

In all likelihood, the decision to relocate was not a spontaneous one. In the spring of 1990, Maren Mikhailovich and Lidiia Aleksandrovna travelled to Israel to visit relatives. The historian wrote about this journey to his Czechoslovak friends Zdenka and Rudolf Veselý: "We returned completely overwhelmed. We could not even speak – everything impressed us so profoundly. Thus, we have enough impressions to last us for several weeks."⁶⁶ In his memoirs, however, the account he gives of émigré life is devoid of such enthusiastic sentiments.⁶⁷ The first difficulty they encountered abroad was connected with mastering Hebrew. According to

64 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 438, л. 58.

65 Ibid, л. 60.

66 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 389, л. 29.

67 ФРЕЙДЕНБЕРГ, "Я – историк", 116–119.

Freidenberg, this task ultimately proved insurmountable. In his research work, he was aided by his knowledge of other foreign languages – Serbo-Croatian, Bulgarian, Italian, German, Slovene and English. The historian was fortunate in finding a position in Israel that matched his professional expertise: he received a fellowship at the Institute of the Diaspora and began to study the history of Jews in the Balkans in the 16th–18th centuries. The tragic events in Yugoslavia and the painful disintegration of the federation were recalled by the scholar with bitterness. At the same time, in Israel he was regarded as an expert on Balkan affairs, and the media frequently turned to him for commentary on current developments.

Taken together, the correspondence between Freidenberg and Ivan Božić, on the one hand, and Dušan Sindik on the other, reflects almost thirty years of the Soviet scholar's life. He regarded both Yugoslav historians as friends and repeatedly expressed his feelings of personal attachment to them. Communication with each of them had its own distinctive features, shaped by differences in age, the respective positions of the correspondents, and the prevailing scholarly and everyday circumstances. In both cases, contact was established at a distance and preceded the scholars' personal acquaintance. The emphasis placed in this article on delicate issues of health is not accidental: it points to relationships of trust and genuine friendship. Another common feature of these epistolary dialogues was the mutual assistance provided by colleagues in locating and exchanging scholarly publications. In this respect, personal contacts proved more effective than official, institutional interaction, which, it should be noted, was far from always successful. In particular, Freidenberg made several attempts to establish contacts with the president of the Yugoslav Academy of Sciences and Arts in Zagreb, Grga Novak, who was also a historian and specialist on the history of Split. In six of the seven surviving letters, Freidenberg proposed establishing an exchange of publications, each time informing his addressee of his own new works. Since the collection contains only letters addressed to the president, it is possible that none of them ever received a reply.⁶⁸ Needless to say, not all issues could be discussed in correspondence. Thus, sociopolitical topics in Freidenberg's exchange with Sindik could emerge only during the years of perestroika.

68 ГАТО, ф. 1981, оп. 1, д. 430, л. 1–7.

The case of communication examined here allows for a preliminary and cautious conclusion regarding a “gulf” between official, institutional ties and personal networks. In the mid-1960s to the 1980s, the latter proved to be more stable and reliable, as they were grounded in mutual interest, respect and trust and were free from unnecessary formality. A well-established network of communication, together with a benevolent yet businesslike style of interaction, ensured that Freidenberg – a historian working outside the metropolitan centres – gained recognition within the Yugoslav scholarly community, while the highly unconventional organisation of exchanges of books and articles enabled him to become an expert on contemporary Yugoslav historiography.

References

- IVAN BOŽIĆ, *Dubrovnik i Turska u XIV i XV veku* [Dubrovnik and Turkey in the 14th and 15th Centuries] (Belgrade: Naučna knjiga, 1952).
- ALEKSANDR B. EDEMSKII, *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 godakh* [From Conflict to Normalisation: Soviet–Yugoslav Relations, 1953–1956] (Moscow: Nauka, 2008).
- MAREN M. FREIDENBERG, “‘Novigradskii sbornik’ kak istochnik po sotsial’no-ekonomicheskoi istorii Khorvatii” [The “Novigrad Codex” as a Source for the Socioeconomic History of Croatia], in: *Slavianskii arkhiv. Sbornik statei i materialov* (Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1962), 28–58.
- MAREN M. FREIDENBERG, “Ia – istorik” [I Am a Historian], in: MAREN M. FREIDENBERG, *Ocherki istorii balkanskogo evreistva. Ia – istorik* (Tel Aviv: Biblioteka Matveia Chernogo, 1998).
- MAREN M. FREIDENBERG, “O mnogoznachnosti poniatia ‘servus’ v Dalmatskoi Khorvatii X–XI vv.” [On the Polysemy of the Term “Servus” in Dalmatian Croatia, 10th–11th Centuries], *Uchenye zapiski Velikolukskogo pedagogicheskogo instituta*, no. 20 (1962): 93–101.
- MAREN M. FREIDENBERG, “Sotsial’nye otnosheniia v Serbii pered turetskim zavoevaniiem” [Social Relations in Serbia before the Ottoman Conquest], *Voprosy istorii*, no. 2 (1965): 198–199.
- MAREN M. FREIDENBERG, *Dubrovnik i Osmanskaia imperiia* [Dubrovnik and the Ottoman Empire] (Moscow: Nauka, 1984).
- Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of Sverdlovsk Oblast], f. R-802, op. 1, d. 255.
- Gosudarstvennyi arkhiv Tverskoi oblasti* [State Archive of Tver Oblast], f. 1981, op. 1, d. 2, 248, 393–455.
- VIKTORIJA S. GRUZDINSKAIA, MIKHAIL V. KOVALEV, “‘Tema gorodskoi zhizni stuchalas’ v dveri uchenykh kabinetov’: Maren Mikhailovich Freidenberg i izuchenie istorii srednevekovogo goroda v 1950-e – 1980-e gg. (po materialam perepiski)” [“The Theme of Urban Life Knocked on the Doors of Scholars’ Offices”: Maren Mikhailovich Freidenberg and the Study of Medieval City History in the 1950s – 1980s (Based on Correspondence)]. *Istoriia* 16, no. 9 (155) (2025). <https://doi.org/10.18254/S207987840036560-5>
- ELENA IU. GUS’KOVA, “Nauchnoe sotrudnichestvo v trudnye gody: zashchita doktorskoi disertatsii V. Strugara v Institute slavianovedeniia i balkanistikii AN SSSR v 1968 g.” [Scholarly Cooperation in Difficult Years: The Defence of V. Strugar’s Doctoral Dissertation at the In-

stitute of Slavic and Balkan Studies of the USSR Academy of Sciences in 1968], in: *Slaviane i Rossiia: slaviane v Moskve. K 870-letiiu osnovaniia goroda Moskvy* (Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2018), 403–412.

BORIS S. NOVOSEL'TSEV, "Ot normalizatsii k konfliktu: sovetsko-iugoslavskie otnosheniia vesnoi–letom 1956 g." [From Normalisation to Conflict: Soviet–Yugoslav Relations in Spring–Summer 1956], *Novoe proshloe*, no. 1 (2017): 45–56.

ZINAIDA G. SAMODUROVA, "Aktual'nye problemy rannei istorii feodal'noi formatsii" [Current Problems of the Early History of the Feudal Formation], *Voprosy istorii*, no. 9 (1966): 159–163.

IRINA G. VOROB'EVA, "Maren Mikhailovich Freidenberg (1924–2007)" [Maren Mikhailovich Freidenberg (1924–2007)], *Srednie veka* 69, no. 1 (2008): 165–167.

IRINA G. VOROB'EVA, OL'GA A. AKIMOVA, "Pamiati Marena Mikhailovicha Freidenberga" [In Memory of Maren Mikhailovich Freidenberg], *Slavianovedenie*, no. 2 (2008): 125–126.

MIKHAIL KOVALEV

ACADEMICIAN BORIS DMITRIEVICH GREKOV AND HUNGARY¹

This article analyses the image of the Soviet academician Boris Grekov and the reception of his scholarly legacy in Hungarian historiography. The study focuses on the period from the second half of the 1940s to the first half of the 1950s, a time closely associated with the processes of Sovietization. Special attention is paid to Grekov's visit to Budapest and Debrecen between 5 and 17 November 1948, his public lectures, and his meetings with Hungarian scholars as well as political and public figures. For the first time, a body of documents from Hungarian and Russian archives has been introduced into scholarly circulation, making it possible to reconstruct the hidden infrastructure of the visit, including its institutional, political, and organisational dimensions. A separate group of sources consists of materials from the Hungarian press, which allow the author to trace the rhetorical strategies used to construct Grekov's public image as a "world-renowned historian" and an "exemplary Marxist-Leninist", as well as the ways in which his scholarly theses were politicised (anti-Normanism, "Russian feudalism", the "second edition of serfdom"). At the same time, the study reveals the limited long-term impact of this symbolic campaign. A comparison of press enthusiasm, official assessments, and subsequent historiographical practice shows that the image of Grekov, artificially constructed in the late 1940s and early 1950s, failed to take root in Hungarian historical scholarship. In the 1960s–1980s, direct references to his ideas and concepts were rarely found in Hungarian historiography. In this way, the article contributes to the study of the mechanisms and evolution of Soviet intellectual expansion in Eastern Europe, to a better understanding of the relationship between propaganda objectives and academic practices and to an assessment of the limits of the transfer of scholarly models within the socialist bloc.

Keywords: Boris Dmitrievich Grekov; Soviet historiography; Hungary; Soviet-Hungarian relations; international scholarly contacts; Sovietization

Mikhail V. Kovalev – DSc in History, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. E-mail: kovalevm@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-4722-818X

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 25-78-10110, "Soviet Scientific Diplomacy: Forms, Directions, and Instruments (1950s–1980s)."

1 Citation: Mikhail Kovalev, "Academician Boris Dmitrievich Grekov and Hungary", *Russian-StudiesHu* 8, no. 1 (2026): 95–112. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.6

The name of Academician Boris Dmitrievich Grekov (1882–1953) requires no special introduction, as it is firmly embedded in the context of the development of Soviet historiography. Numerous studies have already been published on his life and scholarly work; nevertheless, significant lacunae remain in his academic biography. Among these is Grekov's international activity in the twilight of his life, during the second half of the 1940s and the early 1950s. By that time, he had attained the status of a leading Soviet historian, a position officially confirmed by several high-ranking administrative appointments. In addition to serving as Director of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, he headed the Institute of the History of Material Culture from 1944 to 1946 and, from 1946 to 1951, also directed the Institute of Slavic Studies. Furthermore, in 1946 Grekov was entrusted with the duties of Academic Secretary of the Division of History and Philosophy of the Academy of Sciences.² His works on the history of Kievan Rus', the history of the peasantry, and the history of Slavic law were proclaimed exemplary, while his conception of Russian feudalism became an integral component of the Soviet Marxist narrative.

Grekov's international activity, which developed despite his deteriorating health, was not linked solely to his administrative positions. When it came to exporting Soviet historiography, he was the perfect candidate, being a scholar of the "Old School" who had embraced Marxism while remaining non-party as well as a being proficient in foreign languages and endowed with considerable personal charm. At the same time, one cannot overlook another circumstance. Having remained in Soviet Russia in 1920, Grekov chose adaptation to the new sociopolitical realities as his life strategy. It is appropriate here to cite the words of the historian Leonard Adamovich Derbov, who was Grekov's student in the 1920s: "I fear being unjust, but it seems to me that his advancement was due not so much to his talents as to the conformity characteristic of him."³ It would seem that this behaviour on Grekov's part had its own grounds and preconditions: his service under Wrangel in Crimea, which was duly recorded in his personal file; his brief arrest in 1930; and his observation of the tragic fates of his colleagues.

Grekov became actively involved in foreign missions, from which he had been excluded during the preceding years.⁴ Such involvement was

2 Н. А. ГОРСКАЯ, *Борис Дмитриевич Греков* (Москва: ИРИ РАН, 1999), 154.

3 Л. А. ДЕРБОВ, *Страницы воспоминаний* (Саратов: Издательство СГУ, 2009), 123.

4 Materials from Grekov's personal file preserved in the Archive of the Russian Academy of Sciences indicate that the historian did not travel abroad during the 1920s and 1930s.

sanctioned at the highest party and state level. His trips were endowed not so much with scholarly as with propagandistic significance. The geography of his travels is also revealing: it was associated with visits to the countries of Central, Eastern, and South-Eastern Europe that, after the end of the Second World War, had fallen within the orbit of Soviet influence. Between 1945 and 1953, Grekov visited Bulgaria, Hungary, Poland, Romania, Czechoslovakia, and Yugoslavia. These trips – and especially their outcomes – have so far been studied somewhat unevenly.⁵ In this regard, particular interest attaches to an examination of Grekov's visit to Hungary in 1948 and, in connection with this, to his contacts with Hungarian scholars and the reception of his work in Hungarian historiography.

“A GREAT SPECIALIST” AND “AN EXCELLENT MARXIST–LENINIST”

The initiative to invite Grekov to deliver a public lecture originated at Budapest University as early as 1947.⁶ Who, then, stood behind this initiative, considering that Grekov was almost unknown in Hungary and that his works had attracted only occasional references before 1945?⁷ It may be assumed that the idea of inviting the Soviet academician to Budapest originated with Professor Gyula Szekfű, who on 15 October 1945 was appointed head of the Hungarian diplomatic mission to the USSR and remained in this post until 10 September 1948. There is no direct evidence that he was personally acquainted with Grekov. It is, however, reliably known that during his stay in Budapest in 1948, Grekov, in the course of one of his public appearances, spoke of Szekfű in respectful terms.⁸ There are also strong grounds to believe that Grekov became acquainted in Moscow with the young historian József Perényi, who served at the Hungarian embassy in 1946–1947.

5 См.: H. GRALA, „Nasz dorogoj Aleksandr Sanycz”. Aleksander Gieysztor i „przyjaciele Moskale”, in: *Aleksander Gieysztor. Człowiek i dzieło*, red. M. KOCZERSKA, P. WĘCOWSKI (Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016), 41–42; В. С. ГРУЗДИНСКАЯ, «“Споры способствуют коллективной работе”: встреча Б. Д. Грекова с болгарскими историками осенью 1950 года”, *Славяноведение*, no. 3 (2025), 125–141.

6 Eötvös Loránd Tudományegyetem, *Egyetemi Levéltár* (ELTE – EL). 8. Bölcsészettudományi Kar, 1773–1995. A/51 Budapesti Pázmány Péter Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának ülései, 1948–1950. 73. old.

7 See, for example: MORAVCSIK GY., *Byzantinoturcica: Sprachreste der Türkischen Völker in den Byzantinischen Quellen* (Budapest: Királyi Magyar Pázmány Péter Tudományegyetem, 1943), 321.

8 ПACH Zs. P., “Szekfű Gyula emléktáblájánál”, *Élet és Irodalom* 27, no. 21 (1983): 5.

Besides that shown by Szekfű and Perényi, interest in Grekov's work in the first postwar years also came from another Hungarian historian, whose scholarly and political career was at that time undergoing a rapid ascent – Erik Molnár. In 1945, his book *A History of Hungarian Society from Prehistoric Times to the Árpád Period* was published.⁹ A substantial part of it was devoted to reflections on the specific character of Hungarian feudalism. Grekov's name was not mentioned in Molnár's book. However, in 1946, responding to readers' questions in the pages of the journal *Társadalmi Szemle*, the Hungarian scholar explicitly referred to the research of his Soviet colleague. Molnár noted that it was precisely Grekov who, on the basis of a meticulous study of the sources, had arrived at the conclusion that the Eastern Slavs had moved directly to feudalism, bypassing the slave-owning formation.¹⁰ This was, in all likelihood, one of the earliest attempts to transpose the Soviet version of the theory of socioeconomic formations into the Hungarian historiography.

The new Marxist vector in the development of Hungarian historiography, combined with the unreserved orientation of communists towards Moscow, automatically turned Grekov into a prominent figure. His activities began to be covered not only in scholarly publications but also in the press.¹¹ In July 1947, the newspaper *Népszava* reproachfully lamented that the "Hungarian counter-revolution" had deprived the country of the opportunity to engage with the achievements of Soviet scholarly thought, including Grekov's works on social history.¹²

One further reference to Grekov in the Hungarian press should not be overlooked. In 1947, János Harmatta, a young scholar who would later become a renowned classical philologist and orientalist, published a review of a book entitled *Ancient Russia* (1944) by the Russian émigré historian George Vernadsky. Harmatta praised the author for his detailed examination of the connections between the Eastern Slavs and the Eurasian nomads and for situating their history within the broader context of the history of Eastern Europe as a whole. Harmatta emphasised that such breadth of vision was characteristic of only two historians known to

9 MOLNÁR E., *A magyar társadalom története az őskortól az Árpádkorig* (Budapest: Szikra, 1945).

10 "Molnár Erik válasza", *Társadalmi Szemle* 1, no. 7 (1946): 534.

11 "Szovjet expedíció a Balkánon", *Magyar Szó* (1946. január 6.) 5; "A szovjet tudomány új állomása", *Uj Szó* (1946. november 21.) 4.

12 "Lépésről lépésre... A marxizmus térhódítása a világ tudományában", *Népszava* (1947. július 6.) 7.

him – Boris Grekov and Mikhail Rostovtsev.¹³ Most likely, at that time the Hungarian scholar could scarcely have imagined that, within the official Soviet narrative, these three names could not stand side by side: that Rostovtsev and Vernadsky were émigrés who were consistently exposed to condemnation in Soviet historiography. He was probably also unaware of the fact that Grekov and Vernadsky had once been close friends and that both had served under Wrangel in Crimea. In November 1920, scholars were confronted with a stark choice – to leave Russia or to remain. On the eve of the evacuation from Crimea to Constantinople, Vernadsky ran to Grekov and his wife late at night to bid them farewell. At the last moment, at the very threshold of their house, the Grekovs hesitated and decided to stay.¹⁴

“WE CONSIDER PROFESSOR GREKOV’S VISIT TO HIS FRIENDS TO BE OF GREAT IMPORTANCE”

The invitation received from Budapest was favourably received in Moscow. On 22 October 1948, the Politburo of the Central Committee of the Communist Party authorised the Presidium of the USSR Academy of Sciences to dispatch Grekov (together with his wife) to Budapest for a two-week period to deliver lectures.¹⁵

On 5 November 1948, the Soviet academician and his wife arrived by train in Budapest. In an interview given immediately after his arrival, Grekov expressed the hope that he would be able to make the personal acquaintance of Hungarian historians and that his visit would contribute to the strengthening of bilateral scholarly ties.¹⁶

On 6 November, a ceremonial reception in Grekov’s honour was held at the restaurant of one of Budapest’s finest hotels – the Nagyszálló – located on Margaret Island. The importance attached to the event is underscored by the fact that it was organised by the Minister of Religion and Public Education, Gyula Ortutay.¹⁷ Invited to the reception were Hungarian

13 HАРМАТТА J., “Vernadsky, George: Ancient Russia. New Haven 1941, Yale University Press, XIV, 425 1. 8°. – (A *History of Russia* by George Vernadsky and Michael Karpovich. Volume I)”, *Századok* 81, no. 1–10 (1947): 267.

14 ГОРСКАЯ, Борис Дмитриевич Греков, 57.

15 В. Ю. АФИАНИ (ред.), *Летопись Российской академии наук, Т. VII. 1946–1953* (Москва: Архив РАН, 2022).220.

16 *Magyar Nemzeti Levéltár – Országos Levéltár* (MNL – OL). Magyar Távirati Iroda hírei, 1920–1956. Külföldi–Belföldi Hírek. 1948. November 11. Hír sz. 96.

17 “Ortutay Gyula minister ebéde Grekov szovjet professzor tiszteletére”, *Magyar Nemzet* (1948. november 6.) 3.

political, scholarly, and cultural figures, representatives of the Soviet embassy, and numerous journalists. Ortutay delivered a speech in honour of the guest.¹⁸ In his response, Grekov stated that, with the commencement of the construction of a people's democracy, Hungarian scholarship had begun to serve not class interests but the interests of the people.

The newspaper *Népszava* portrayed Grekov not merely as an outstanding Soviet scholar, but as a historian of international renown. Its readers were offered an explanation of the significance of his works. Thus, the importance of his book *Kievan Rus'* for Hungarian historiography was explained by the very fact that the ancestors of the Hungarians had migrated westwards through the territories of the Eastern Slavs and had been in direct contact with them.¹⁹ Grekov thus appeared not only as a "great specialist" and an "excellent Marxist-Leninist", but also as an outstanding academic administrator. The academician's visit to Budapest was presented as the most important event in Hungarian scholarly life in 1948. Moreover, important guidance was expected from the Soviet academician – guidance that Hungarian historiography would be able to put to use.

**"THIS OUTSTANDING SCHOLARLY REPRESENTATIVE
OF THE SOVIET UNION SHOULD BE AWARDED THE HIGHEST DEGREE
OF HONORARY DOCTOR BY OUR UNIVERSITY"**

On the eve of the Grekovs' arrival, on 3 November 1948, an extraordinary meeting of the Faculty Council of the Humanities at Budapest University was hastily convened. Among those present were Gyula Németh, Gyula Moravcsik, István Kniezsa, György Lukács, Zoltán Trócsányi, Imre Lukinich, Imre Szentpétery and other eminent scholars. The minutes of the meeting indicate that, prior to Grekov's visit, Hungarian scholars had resolved that "this outstanding scholarly representative of the Soviet Union should be awarded the highest degree of honorary doctor by our university".²⁰

A special committee was immediately established, comprising Imre Lukinich, Gyula Moravcsik, István Hajnal, Zoltán Trócsányi, Péter Váczy and Sándor Szalai. The members of the committee emphasised that in his works Grekov had devoted considerable attention to the history of the Hungarians

18 MNL – OL. Magyar Távirati Iroda hírei, 1920–1956. Külföldi–Belföldi Hírek. 1948. November 5. Hír sz. 96.

19 "Grekov", *Népszava* (1948. november 13.) 6.

20 *ELTE – EL. 8. Bölcsészettudományi Kar, 1773–1995. A/51 Budapesti Pázmány Péter Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának ülései, 1948–1950. 73. old.*

and had repeatedly called for the development of Soviet–Hungarian historical research. In a memorandum on Grekov’s scholarly merits, prepared by Moravcsik and Trócsányi, it was stated – very much in the spirit of the time – that the historian had become acquainted with Karl Marx’s *Capital* during his university studies, and that this encounter had determined the direction of his research.²¹ Having discussed the proposal, the Faculty Council decided not to conduct a secret ballot on Grekov’s candidacy. Instead, it unanimously approved the committee’s recommendation and resolved to submit it as a matter of urgency for consideration by the University Council.²²

The University Council, chaired by the rector, Professor Gyula Németh, who, it should be noted, was simultaneously a member of the Faculty Council, convened for an extraordinary session on 9 November 1948.²³ The Dean of the Faculty of Humanities, Professor Miklós Zsirai, reported that the special committee had approved Grekov’s candidacy. Following an exchange of views, Grekov’s candidacy was unanimously approved by the University Council. The ceremony honouring the Soviet scholar was scheduled for Saturday, 13 November, at 5:00 p.m.²⁴ The ceremony would take place in a solemn atmosphere and would be recorded on film for the state newsreel *Magyar Filmhíradó*.²⁵ The conferral of the honorary doctorate upon the Soviet academician was thereby transformed into a symbolic act of alliance.

“THE RUSSIAN STATE EXISTED EVEN BEFORE RURIK”

Grekov’s first lecture at the university took place on 6 November. The opening address, delivered in both Russian and Hungarian, was given by the dean, Professor Zsirai. He acclaimed the USSR as a great country and welcomed Grekov as a renowned European scholar who had always sought historical truth with unwavering determination.²⁶ The lecture was devoted to the formation of the Old Rus’ state. In accordance with the official Marxist

21 Ibid. 75. old.

22 Ibid. 78. old.

23 *ELTE – EL*. 1. Rektori Hivatal iratai, 1635–2018. A/4. Budapesti Pázmány Péter Tudományegyetem Egyetemi Tanácsának ülései, 1948–1949. 11. old.

24 *ELTE – EL*. 8. Bölcsészettudományi Kar, 1773–1995. A/51 Budapesti Pázmány Péter Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának ülései, 1948–1950. 79. old.

25 “Grekov professzor díszdoktorrá avatása a Pázmány Péter Tudományegyetemen (Magyar Filmhíradó, 37. szám, 1948. November)”, *Filmhíradók Online*. <https://filmhíradok-online.hu/watch.php?id=6955> (Accessed November 20, 2025).

26 “Grekov professzor, a Szovjet Tudományos Akadémia alelnöke az orosz állam kialakulásáról előadást tartott a budapesti egyetemen”, *Népszava* (1948. november 10.) 6.

canon, Grekov sought to convince his audience that the state emerges only as a result of class struggle. In fact, Grekov aimed to show that the process of state formation among the Eastern Slavs had begun long before the 9th century.²⁷ Grekov vehemently criticised the Normanist theory. He appealed to the legendary character of the account of Rurik's invitation and cited the opinion of Mikhail Vasilyevich Lomonosov as his principal authority. It is indicative that one of the newspaper headlines reporting on the lecture stated explicitly, "The Russian State Existed Even before Rurik."²⁸ How did all this relate to Hungarian history? Grekov maintained that, in studying their own past, Hungarians did not need to search for founding heroes; instead, they should closely analyse social relations – above all through the prism of class struggle and oppression in history.

In his second lecture, devoted to the origins of Russian culture, Grekov delved deep into the past, seeking to demonstrate that by the 9th century the Eastern Slavs had already developed an advanced material culture. Above all, however, Kievan Rus' was presented as having been peace-loving. Under Vladimir I, it was said to have lived in harmony and amity with the Poles, Hungarians and Czechs.²⁹ Conceptions of the peaceful disposition of Rus' towards its East European neighbours were being projected onto the contemporary policies of the USSR. It is also worth noting that Grekov spoke of the profound influence exerted by Old Rus' culture upon Eastern Europe as a whole.³⁰ His remarks clearly implied that, in the present day, the USSR was destined to exercise an equally fruitful influence.

The third lecture was entitled "Patterns in the History of the Peasantry of Feudal Europe." In it, Grekov sought to acquaint his audience with the doctrine of socioeconomic formations and with its application to the solution of concrete problems in agrarian history.

Grekov's personal file records that he had a good command of German, Polish, and English, and some knowledge of French, Latin, Ancient Greek and all the Slavic languages.³¹ Nevertheless, the lectures were delivered in Russian; the audience had been provided in advance with printed

27 "Grekov professzor előadása az egyetemen", *Szabadság* (1948. november 11.) 3.

28 "Az orosz állam már Rurik előtt is fennállott: Grekov világhírű szovjet történész előadása", *Szabad Nép* (1948. november 10.) 6.

29 *MNL – OL. Magyar Távirati Iroda hírei, 1920–1956. Külföldi–Belföldi Hírek*. 1948. November 11. Hír sz. 96.

30 "A Tudományegyetem új díszdoktora", *Friss Ujság* (1948. november 13.) 5.

31 *Аpxue PAH*, ф. 411, он. 3, д. 175, л. 4, 8.

brochures containing the texts, which had been translated beforehand by József Perényi.³²

The newspapers widely circulated statements attributed to the Soviet academician to the effect that he had come to Hungary with great pleasure, since in the course of his scholarly research he had devoted much attention to Hungarian history.³³ Grekov, in his study of Kievan Rus', could of course hardly avoid addressing the early Hungarians, who were among its neighbours. It is, however, difficult to credit the academician's words that in the course of his research on the Russian peasantry he had "deeply immersed himself in the history of the Hungarian peasantry" as well.³⁴ Although Grekov was proficient in foreign languages, he did not know Hungarian and had no direct familiarity with Hungarian historiography. Neither his *Kievan Rus'* nor his *Russian Peasantry from the Earliest Times to the 17th Century* cites a single Hungarian author or a single Hungarian source.

Yet in his conversations with journalists the academician assured them, "I have studied the history of Hungary thoroughly," while they enthusiastically declared that "the word 'thoroughly' in Grekov's vocabulary means a great deal."³⁵ The public euphoria surrounding the visit of the Soviet academician was so intense that scarcely anyone paid attention to the actual depth of his understanding of the rhythms of Hungarian history. The press categorically described him as one of the foremost Soviet authorities on the Árpád period.³⁶

"THE PEOPLE WITH WHOM I HAD OCCASION TO MEET SHOWED A GREAT DEAL OF ATTENTION TO THE SOVIET SCHOLAR"

The Hungarian milieu received Grekov warmly. In his subsequent report on the trip, he noted, "The people with whom I had occasion to meet showed a great deal of attention to the Soviet scholar."³⁷ Since the guest did not know Hungarian, he was accompanied everywhere by an interpreter – the young literary scholar Miklós Szabolcsy, who would later become a major academic figure.

32 B. D. GREKOV, *Az orosz állam kialakulása* (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948); IDEM, *Az orosz művelődés forrásai és a kievi Ruszj művelődése* (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948); IDEM, *Törvényszerűségek a feudális Európa parasztságának történetében* (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948).

33 "Az orosz parasztság történetírója Budapesten", *Szabad Szó* (1948. november 7.) 14.

34 Ibid.

35 "Grekov", 6.

36 "A helyzet pénteken", *Magyar Nemzet* (1948. november 6.) 3.

37 Архив РАН, ф. 579, оп. 2, д. 76, л. 8.

Paradoxical though it may seem, Grekov's lack of knowledge of the Hungarian language also served him well, allowing him to avoid any awkward questions. A man accustomed to caution, it was evidently not by chance that Grekov wrote in his official report on the trip, "I did not manage to grasp the country's political life, and it was difficult for me to do so owing to my lack of knowledge of the language. The interpreter assigned to me helped me a great deal in understanding contemporary Hungarian life, but, of course, not sufficiently for me to form a clear picture of the internal relations within the country."³⁸ Although the report contained ritual phrases about a "bourgeois interpretation of history", it did not name a single specific "falsifier of history" or "revisionist", and was entirely devoid of any denunciatory rhetoric. Grekov was restrained and cautious in his assessments.

Describing his conversation with the archaeologist László Gerevich, he reproached his colleague for the fact that Hungarian archaeology was not integrated with history and did not participate in the resolution of historical problems, as was the case in the USSR. Gerevich, for his part, proposed a toast to the imminent unification of archaeology and history, and this response fully satisfied Grekov.³⁹

Grekov's writings on Hungary and the Hungarians were marked by a consistently respectful tone. He noted that many of his colleagues displayed a sincere interest in the work of their Soviet counterparts yet encountered difficulties in obtaining scholarly literature. Accordingly, he petitioned the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries to send Professor Trócsányi new publications on the history of Russian literature, to the rector, Professor Németh, books on the history of Bashkiria and a Chuvash-language dictionary, and to Perényi, works on Russian palaeography.⁴⁰

Grekov admired the beauty of Hungarian cities as well as Lake Balaton, to which he was taken on a specially arranged excursion on 14 November. "The country lives an intense life. Attitudes towards the Soviet Union are serious and friendly," the academician concluded.⁴¹ Before his departure from Budapest, on 14 November, Grekov wrote a letter to Gyula Ortutay, in which, on his own behalf and that of his wife, he expressed gratitude for their warm and cordial reception.⁴²

38 *Ibid.*, n. 9.

39 *Ibid.*, n. 6.

40 *Ibid.*, n. 8.

41 *Ibid.*

42 *MNL – OL. XIX-I-1-v. Ortutay Gyula miniszter, 1947–1950. 22. doboz. 5399/1948.*

“DEBRECEN IS A PROVINCIAL CITY, BUT A VERY CULTURED ONE”

On the morning of 15 November, Grekov arrived by train in Debrecen. In his travel report, the academician wrote, “Debrecen is a provincial city, but a very cultured one”. The visit was not accidental. On the previous day, Sunday 14 November, Debrecen had witnessed the ceremonial opening of the local office of the Hungarian–Soviet Cultural Society (*Magyar–Szovjet Művelődési Társaság*), at which speeches were delivered by the president of the country, Árpád Szakasits, and by a member of the National Assembly, István Szabó.⁴³ The arrival of a high-ranking Soviet guest was intended to serve as an important symbolic gesture. The event had been announced in advance by the city’s newspaper, which described Grekov as a “world-famous historian.”⁴⁴

Grekov noted in his report that in Debrecen the audience at his lectures consisted primarily of students. At the same time, the newspaper reported that many workers had attended the lecture and that the Soviet guest, observing this, enthusiastically remarked “that in the Soviet Union, too, he regarded the delivery of historical lectures to workers in factories and plants as one of the tasks closest to his heart.”⁴⁵ In addition, those present at the lecture included the Soviet consul in Debrecen, Mikhail Yakovlevich Khosev, a secretary of the Soviet embassy, Kulakov, and an adviser to the Ministry of Culture, György Szántó.

The rector of the university, Professor Béla Pukánszky, noted that in the person of Grekov the university was welcoming “one of the greatest living Soviet scholars.” He further observed that Grekov was by no means an unfamiliar figure in Debrecen, since in recent years students had been translating his works in the course of their studies on the history of serfdom.⁴⁶ Grekov delivered a lecture entitled “Patterns in the History of the Peasantry of Feudal Europe.” He sought to analyse and compare the situation of serf peasantry in different European countries. Particular attention was devoted to the so-called “second edition of serfdom,” which began in a number of countries of Central and Eastern Europe in the 17th century. Grekov aimed to demonstrate that, in different countries,

43 “Szakasits Árpád köztársasági elnök avatja fel a MSZMT új székházát”, *Debrecen* (1948. november 13.) 3.

44 “Hétfőn tart előadást Grekov moszkvai professzor a Debreceni Egyetemen”, *Debrecen* (1948. november 14.) 5.

45 “Grekov professzor látogatásai Debrecenben”, *Debrecen* (1948. november 17.) 4.

46 “Grekov professzor előadása a Debreceni Egyetemen”, *Debrecen* (1948. november 16.) 6.

the development of agriculture and the fate of the peasantry associated with it were subject to the same forces and evolved according to similar patterns.

On 16 November, Grekov visited two university seminars. With the head of the historical seminar, Professor István Szabó, he exchanged views on specialised scholarly issues, after which he attended the practical classes of the participants in the Slavic Seminar. One of the female students recited a poem by Mikhail Lermontov with impeccable pronunciation and artistic sensitivity, which deeply moved the Soviet guest.⁴⁷ Grekov also visited the Reformed College, including its large library.

On the same day, the university rector hosted a ceremonial dinner in Grekov's honour, to which members of the professoriate were invited. On the day of his departure, 17 November, the head of the city, the communist János Ménes, invited the Soviet academician to his home for a cup of tea, which clearly testified to the special, warm, and friendly attitude shown towards him. That evening, Grekov departed by train from Debrecen for Chop. Thus ended his Hungarian journey.

“THE ARMY OF PEACE IS GROWING, JUSTICE WILL PREVAIL”

Even after Academician Grekov's brief, though memorable, visit, Hungarian newspapers continued to follow his activities. Few Soviet scholars were accorded such extensive space in the press in the late 1940s and early 1950s. His scholarly and public activities were covered regularly and in considerable detail. Hungarian readers were informed of how Grekov criticised “warmongers” and stood “on guard for peace,”⁴⁸ how he spoke out in favour of the peaceful use of atomic energy,⁴⁹ and how he vehemently denounced “American militarism.”⁵⁰ Grekov appeared at an academic session commemorating Maxim Gorky on 11 June 1951,⁵¹ and welcomed the Chinese scholar Guo Moruo at a ceremony marking the award of the Stalin

47 “Grekov professzor látogatásai Debrecenben”, 4.

48 “A Szovjetunió a népek békéjének óra”, *Népszava* (1949. augusztus 25.) 1.

49 “Végetért a Szovjetunió Legfelső Tanácsának ülészakája”, *Délvidéki Hírlap* (1950. június 21.) 1.

50 “Tiltakozó nagygyűlés Moszkvában az imperialisták baktériumháborúja ellen”, *Győr-Sopron Megyei Hírlap* (1952. március 15.) 4.

51 “A Szovjetunió Tudományos Akadémiája kiadja Gorkij összes műveit”, *Magyar Nemzet* (1951. június 19.) 3.

Peace Prize in 1952.⁵² In this way, the Soviet academician came to function as a kind of public institution in his own right.

Hungarian-language newspapers published in Romania also wrote regularly about Grekov, reporting, for example, on his receipt in 1951 of the Stalin Prize for his book on the fall of the Golden Horde.⁵³ They likewise covered his protest against bacteriological weapons⁵⁴ and his visit to Timișoara in 1952 as part of a Soviet delegation.⁵⁵ On that occasion, speaking at an evening event organised by the Society for Romanian–Soviet Friendship at the Opera House, the academician castigated “falsifiers of history” and “warmongers,” after which he delivered a lecture entitled “The History of the USSR in the Light of the Teaching of Comrade Stalin.”

At the same time, the works of the Soviet academician continued to be translated into Hungarian. Thus, in 1949, at a session of the Academy of Sciences of the USSR held in honour of the 70th birthday of Joseph Stalin, Grekov delivered a paper entitled “Stalin and Historical Scholarship,” which was published in the Academy’s *Izvestiia*. It was immediately translated into Hungarian.⁵⁶

It may be assumed that Grekov’s popularity was also fostered by his high level of involvement in the international anti-war movement. It was no coincidence that in February 1950 the newspaper *Szabad Nép*, reporting on the nomination of candidates from the Academy of Sciences to the Supreme Soviet of the USSR, devoted special attention to Grekov. He was described as an “academician of peace,” a “well-known fighter for the people and democracy, who had repeatedly raised his voice in defence of peace at international congresses on behalf of the Soviet intelligentsia.”⁵⁷

From today’s perspective, it is easy to criticise such naivety – especially in the knowledge that the Soviet leadership skilfully exploited the noble anti-war movement for its own political ends. Nevertheless, it should not be forgotten that only a few years before the events described here, the bloody Second World War had come to an end. It was followed by a new

52 “Kíuo Mo-Zsonak ünnepélyesen átadták a nemzetközi Sztálin-békedíjat”, *Vasmegeye* (1952. április 11.) 2.

53 “Kiosztották az 1951. évi Sztálin-díjakat”, *Világosság* (1952. március 12.) 2.

54 “Az amerikai imperialisták olyan gonosztetteket követnek el, amelyeket eddig nem ismert a történelem”, *Viharsarok* (1952. március 15) 2.

55 “Szovjet küldöttség érkezett Temesvárra”, *Szabad Szó* (1952. október 24.) 3.

56 B. D. GREKOV, “Sztálin és a történettudomány”, *Századok* 83, no. 1 (1949): 3–23.

57 “Neves tudósok a Legfelső Tanács képviselőjelöltjei között”, *Szabad Nép* (1950. február 14.) 5.

global confrontation – the Cold War – further exacerbated by the advent of nuclear weapons. The lingering horror of recent tragic events and the fear of a new threat compelled many to listen attentively to calls for the struggle for peace. The voice of Academician Grekov did indeed sound loudly. “The army of peace is growing, justice will prevail,”⁵⁸ the historian proclaimed from the rostrum in Sofia in September 1950.

INSTEAD OF A CONCLUSION

Among those present at the reception held in Grekov’s honour on 6 November 1948 was the young historian Zsigmond Pál Pach, who would later become one of the key figures in Kádár era Hungarian historiography and a prominent European specialist in economic history. In his articles and public lectures, he repeatedly recalled this November encounter. Grekov remained in his memory as a grey-haired, blue-eyed old man, imbued with dignity and self-confidence.⁵⁹ Pach also reported that the lectures Grekov delivered, translated into Hungarian, had exerted a significant influence on Hungarian historical scholarship. But was this in fact the case?

Even a cursory survey of Hungarian historiography of the 1960s–1980s suggests that references to Grekov’s lectures are virtually impossible to find in articles and monographs of that period. By the mid-1950s, the long-drawn-out process of translating into Hungarian the two-volume *Russian Peasantry from the Earliest Times to the 17th Century*⁶⁰ had been completed, a project carried out with the participation of Perényi.⁶¹ Yet already at the moment of its publication, this work was not destined to become a scholarly bestseller, as political, academic, and cultural contexts were changing rapidly. In the years that followed, Hungarian

58 “Megnyílt a Bolgár Országos Békekongresszus”, *Kis Ujság* (1950. szeptember 22.) 1.

59 PACH Zs. P., “Közös dolgaink a történelem-kutatásban”, *Élet és Irodalom* 18, no. 38 (1974): 3; IDEM, “A szovjet és a magyar történettudomány kapcsolatainak jelentősége, eredményei, továbbépítése”, *A Magyar Tudományos Akadémia Filozófiai és Történettudományok Osztályának Közleményei* XXIV, no. 1 (1975): 5.

60 B. D. GREKOV, *Az orosz parasztság története a legrégebb időktől a XVII. századig* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1956. 1. köt.; 1957. 2. köt.).

61 The relationship between Grekov and Perényi has already been discussed: СВАК Д., «Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии (штрихи к портрету Руслана Скрынникова и Йожефа Перени)», in: СВАК Д., *На службе у Клио и власть предрежащих: этюды по руссиеведению* (Будапешт: Russica Pannonica, 2014), 57–67; В. С. ГРУЗДИНСКАЯ, М. В. КОВАЛЕВ, «Венгерский историк в интерьере советской историографии», *RussianStudiesHU* 7, no. 2 (2025): 115–138.

researchers referred to it only very rarely.⁶² It did not serve as a source of methodological inspiration for them.

As for the aforementioned Pach, while in the late 1940s and the first half of the 1950s he sought primarily to orient himself towards Soviet historiography, by the 1960s and 1970s he would do much to promote the integration of Hungarian scholarship into the international academic community. Owing to his efforts, Fernand Braudel, Jacques Le Goff, Eric Hobsbawm, Franco Venturi, and others visited Budapest.⁶³ For both Pach and Perényi, their encounter with Grekov remained more a matter of personal recollection than a source of creative inspiration.

Although Hungary formed part of the socialist bloc, Hungarian scholars in the 1960s–1980s experienced a fundamentally different mode of engagement with world historiography than did their Soviet counterparts. It is therefore unsurprising that, against the backdrop of the rapid development of historical scholarship in the second half of the twentieth century, Grekov's concept of feudalism and his studies of the peasantry could no longer satisfy Hungarian specialists.⁶⁴ At best, they acquired the status of historiographical facts, to which occasional and cursory reference was made in individual works. The image of Grekov as a "world-famous historian," artificially constructed at the turn of the 1940s and 1950s and essentially imposed from above, did not withstand the test of time in Hungarian historiography. Similar processes, however, unfolded in the historiographies of other European socialist countries as well – though that is already the subject of a separate, specialised study.

62 See, for example: BARTA J., "A XVIII. századi európai gabonaforgalomhoz", *Acta Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. Series Historica*, no. 1 (1966): 3; PACH Zs. P., "Az 1514. évi parasztfelkelés és a "második jobbgység"", *A Magyar Tudományos Akadémia Filozófiai és Történettudományi Osztályának Közleményei* 21, no. 3 (1972): 254; GEBEI S., "Az ukrán kozákság a XVI. Században", *Agrártörténeti Szemle* 21, no. 3–4 (1979): 320; KISS L., "Földrajzinév-magyarázatok", *Magyar Nyelv* 84, no. 4 (1988): 456.

63 CZOCH G., "Az Annales történetírásának magyarországi recepciója az 1960-as években", *Atelier*, no. 25 (2015): 112–144; FRANK T., "A magyar történettudomány és nyugati kapcsolatai az 1970-es években", *Múltunk: politikatörténeti folyóirat* 61, no. 4 (2016): 72–84; KÁLI R., "Kvantifikáció és történetírás Magyarországon az 1960-as, 1970-es években", *Valóság* 60, no. 5 (2017): 62–85

64 It should be noted here that a revision of Grekov's conceptual framework was also under way within Soviet historiography itself, associated with the work of Igor Froianov, Vera Goremykina, Lev Cherepnin, and Valentin Yanin (Свак Д., «Дурно» ли говорить о «русском феодализме»? (К историографии вопроса), *Труды Института российской истории РАН*, no. 2 (2000): 24).

References

- “A helyzet pénteken” [The Situation on Friday], *Magyar Nemzet* (1948. november 6.) 3.
- VITALII IU. AFIANI (ed.), *Letopis' Rossiiskoi akademii nauk*, t. 7: 1946–1953 [Chronicle of the Russian Academy of Sciences, vol. 7: 1946–1953] (Moscow: Arkhiv RAN, 2022).
- Arkhiv RAN [Archives of the Russian Academy of Sciences], f. 411, op. 3, d. 175; f. 579, op. 2, d. 76.
- “A szovjet tudomány új állomása” [A New Milestone of Soviet Science], *Új Szó* (1946. november 21.) 4.
- “A Szovjetunió a népek békéjének őre” [The Soviet Union as the Guardian of Peace among Nations], *Népszava* (1949. augusztus 25.) 1.
- “A Szovjetunió Tudományos Akadémiája kiadja Gorkij összes műveit” [The Academy of Sciences of the USSR Publishes the Complete Works of Gorky], *Magyar Nemzet* (1951. június 19.) 3.
- “A Tudományegyetem új díszdoktora” [The University's New Honorary Doctor], *Friss Ujság* (1948. november 13.) 5.
- “Az amerikai imperialisták olyan gonosztetteket követnek el, amelyeket eddig nem ismert a történelem” [American Imperialists Commit Atrocities Previously Unknown to History], *Viharsarok* (1952. március 15) 2.
- “Az orosz állam már Rurik előtt is fennállott: Grekov világhírű szovjet történész előadása” [The Russian State Existed Even before Rurik: A Lecture by the World-Renowned Soviet Historian Grekov], *Szabad Nép* (1948. november 10.) 6.
- “Az orosz parasztság történetírója Budapesten” [The Historian of the Russian Peasantry in Budapest], *Szabad Szó* (1948. november 7.) 14.
- BARTA JÁNOS, “A XVIII. századi európai gabonaforgalomhoz” [On the Eighteenth-Century European Grain Trade], *Acta Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. Series Historica*, no. 1 (1966): 3–25.
- CZOCH GÁBOR, “Az Annales történetírásának magyarországi recepciója az 1960-as években” [The Reception of Annales Historiography in Hungary in the 1960s], *Atelier*, no. 25 (2015): 112–144.
- LEONARD ADAMOVICH DERBOV, *Stranitsy vospominanii* [Pages of Memoirs] (Saratov: Izdatel'stvo SGU, 2009).
- Eötvös Loránd Tudományegyetem, Egyetemi Levéltár* (ELTE – EL) [Eötvös Loránd University, University Archives]. 1. Rektori Hivatal iratai, 1635–2018. A/4. Budapesti Pázmány Péter Tudományegyetem Egyetemi Tanácsának ülései, 1948–1949.
- ELTE – EL. 8. Bölcsészettudományi Kar, 1773–1995. A/51 Budapesti Pázmány Péter Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának ülései, 1948–1950.
- FRANK TIBOR, “A magyar történettudomány és nyugati kapcsolatai az 1970-es években” [Hungarian Historical Scholarship and Its Western Connections in the 1970s], *Múltunk: politikátörténeti folyóirat* 61, no. 4 (2016): 72–84.
- GEBEI SÁNDOR, “Az ukrán kozákság a XVI. Században” [The Ukrainian Cossacks in the Sixteenth Century], *Agrártörténeti Szemle* 21, no. 3–4 (1979): 319–355.
- NATAL'IA A. GORSKAIA, *Boris Dmitrievich Grekov* [Boris Dmitrievich Grekov] (Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1999).
- HIERONIM GRALA, „Nasz dorogoj Aleksandr Sanycz”. Aleksander Gieysztor i „przyjaciele Moskale” [“Our Dear Aleksandr Sanych”. Aleksander Gieysztor and His “Muscovite Friends”], in: *Aleksander Gieysztor. Człowiek i dzieło*, red. MARIA KOCZERSKA, PIOTR WĘCOWSKI (Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016), 31–50. <https://doi.org/10.31338/uw.9788323524977.pp.31-50>.
- “Grekov professzor előadása a Debreceni Egyetemen” [Professor Grekov's Lecture at the University of Debrecen], *Debreczen* (1948. november 16.) 6.

“Grekov professzor előadása az egyetemen” [Professor Grekov’s Lecture at the University], *Szabadság* (1948. november 11.) 3.

“Grekov professzor látogatásai Debrecenben” [Professor Grekov’s Visits in Debrecen], *Debreczen* (1948. november 17.) 4.

“Grekov professzor, a Szovjet Tudományos Akadémia alelnöke az orosz állam kialakulásáról előadást tartott a budapesti egyetemen” [Professor Grekov, Vice President of the Soviet Academy of Sciences, Delivered a Lecture at the Budapest University on the Formation of the Russian State], *Népszava* (1948. november 10.) 6.

“Grekov” [Grekov], *Népszava* (1948. november 13.) 6.

BORIS D. GREKOV, *Az orosz állam kialakulása* [The Formation of the Russian State] (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948).

BORIS D. GREKOV BORIS D., *Az orosz művelődés forrásai és a keleti Ruszj művelődése*. [The Sources of Russian Culture and the Culture of Kievan Rus’] (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948).

BORIS D. GREKOV, *Törvényszerűségek a feudális Európa parasztságának történetében*. [Patterns in the History of the Peasantry of Feudal Europe] (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948).

BORIS D. GREKOV, *Az orosz parasztság története a legrégebb időkől a XVII. századig* [The History of the Russian Peasantry from the Earliest Times to the 17th Century] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1956. 1. köt.; 1957. 2. köt.).

“Grekov professzor díszdoktorrá avatása a Pázmány Péter Tudományegyetemen (Magyar Filmhíradó, 37. szám, 1948. November)” [The Conferment of an Honorary Doctorate on Professor Grekov at Pázmány Péter University (Hungarian Newsreel, no. 37, November 1948)], *Filmhíradók Online*. <https://filmhiradokonline.hu/watch.php?id=6955> (Accessed November 20, 2025).

BORIS D. GREKOV, “Sztálin és a történettudomány” [Stalin and the Study of History], *Századok* 83, no. 1 (1949): 3–23.

VIKTORIA S. GRUZDINSKAIA, “Spory sposobstvuiut kollektivnoi rabote: vstrecha B. D. Grekova s bolgarskimi istorikami osen’iu 1950 goda” [“Disputes Contribute to Collective Work”: B.D. Grekov’s Meeting with Bulgarian Historians in the Autumn of 1950], *Slavianovedenie*, no. 3 (2025): 125–141. <https://doi.org/10.31857/S0869544X25030091>

VIKTORIA S. GRUZDINSKAIA, MIKHAIL V. KOVALEV, “Vengerskii istorik v inter’ere sovetskoj istoriografii: sluchai professora Iozhefa Pereni” [A Hungarian Historian in the Context of Soviet Historiography: The Case of Professor József Perényi], *RussianStudiesHU* 7, no. 2 (2025): 115–138. <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2025.7.16>

HARMATTA JÁNOS, “Vernadsky, George: Ancient Russia. New Haven 1941, Yale University Press, XIV, 425 1. 8°. – (A History of Russia by George Vernadsky and Michael Karpovich. Volume I)”, *Századok* 81, no. 1–10 (1947): 267–271.

“Hétfőn tart előadást Grekov moszkvai professzor a debreceni egyetemen” [On Monday, Moscow Professor Grekov Will Deliver a Lecture at the University of Debrecen], *Debreczen* (1948. november 14.) 5.

KÁLI RÓBERT, “Kvantifikáció és történetírás Magyarországon az 1960-as, 1970-es években” [Quantification and Historiography in Hungary in the 1960s and 1970s], *Valóság* 60, no. 5 (2017): 62–85

“Kiosztották az 1951. évi Sztálin-díjakat” [The 1951 Stalin Prizes Have Been Awarded], *Világosság* (1952. március 12.) 2.

KISS LAJOS, “Földrajzinév-magyarázatok” [Explanations of Geographical Names], *Magyar Nyelv* 84, no. 4 (1988): 453–460.

“Kíuo Mo-Zsonak ünnepélyesen átadták a nemzetközi Sztálin-békedíjat” [The International Stalin Peace Prize Was Solemnly Presented to Kuo Mo-jo], *Vas megye* (1952. április 11.) 2.

“Lépésről lépésre... A marxizmus térhódítása a világ tudományában” [Step by Step... The Expansion of Marxism in World Scholarship], *Népszava* (1947. július 6.) 7.

Magyar Nemzeti Levéltár – Országos Levéltár (MNL – OL) [Hungarian National Archives – National Archives]. Magyar Távirati Iroda hírei, 1920–1956. Külföldi–Belföldi Hírek. 1948. November 5–11. Hír sz. 96.

MNL – OL [Hungarian National Archives – National Archives]. XIX-I-1-v. Ortutay Gyula miniszter, 1947–1950. 22. doboz. 5399/1948.

“Megnyílt a Bolgár Országos Békekongresszus” [The Bulgarian National Peace Congress Has Opened], *Kis Ujság* (1950. szeptember 22.) 1.

MOLNÁR ERIK, *A magyar társadalom története az őskortól az Árpádkorig* [The History of Hungarian Society from Prehistory to the Árpadian Period] (Budapest: Szikra, 1945).

“Molnár Erik válasza” [Erik Molnár’s Reply], *Társadalmi Szemle* 1, no. 7 (1946): 530–534.

MORAVCSIK GYULA, *Byzantinoturcica: Sprachreste der Türkischen Völker in den Byzantinischen Quellen* [Byzantinoturcica: Linguistic Remains of the Turkic Peoples in Byzantine Sources] (Budapest: Királyi Magyar Pázmány Péter Tudományegyetem, 1943).

“Neves tudósok a Legfelső Tanács képviselőjelöltjei között” [Prominent Scholars among the Candidates for the Supreme Soviet], *Szabad Nép* (1950. február 14.) 5.

“Ortutay Gyula miniszter ebéde Grekov szovjet professzor tiszteletére” [Minister Gyula Ortutay’s Luncheon in Honour of Soviet Professor Grekov], *Magyar Nemzet* (1948. november 6.) 3.

PACH ZSIGMOND PÁL, “Közös dolgaink a történelem-kutatásban” [Our Common Tasks in Historical Research], *Élet és Irodalom* 18, no. 38 (1974): 3–4.

PACH ZSIGMOND PÁL, “Az 1514. évi parasztfelkelés és a ‘második jobbágyság’” [The Peasant Uprising of 1514 and the “Second Serfdom”], *A Magyar Tudományos Akadémia Filozófiai és Történettudományi Osztályának Közleményei* 21, no. 3 (1972): 231–257.

PACH ZSIGMOND PÁL, “A szovjet és a magyar történettudomány kapcsolatának jelentősége, eredményei, továbbépítése” [The Significance, Results, and Further Development of Relations between Soviet and Hungarian Historical Scholarship], *A Magyar Tudományos Akadémia Filozófiai és Történettudományok Osztályának Közleményei* XXIV, no. 1 (1975): 5–16.

PACH ZSIGMOND PÁL, “Szekfű Gyula emléktáblájánál” [At the Memorial Plaque of Gyula Szekfű], *Élet és Irodalom* 27, no. 21 (1983): 5.

“Szakasits Árpád köztársasági elnök avatja fel a MSZMT új székházát” [President of the Republic Árpád Szakasits Inaugurates the New Headquarters of the MSZMT], *Debrecen* (1948. november 13.) 3.

“Szovjet expedíció a Balkánon” [A Soviet Expedition in the Balkans], *Magyar Szó* (1946. január 6.) 5.

“Szovjet küldöttség érkezett Temesvárra” [A Soviet Delegation Arrived in Timișoara]. *Szabad Szó* (1952. október 24.) 3.

SZVÁK GYULA, “‘Durno’ li govorit’ o ‘russkom feodalizme’? (K istoriografii voprosa)” [Is It “Improper” to Speak of “Russian Feudalism”? (On the Historiography of the Question)], *Trudy Instituta rossijskoi istorii RAN*, no. 2 (2000): 5–55.

SZVÁK GYULA, “Parallel’nye biografii – sud’ba istorika v Sovetskom Soiuze i Vengrii (shtrikhi k portretu Ruslana Skrynnikova i József Perényi)” [Parallel Biographies: The Fate of a Historian in the Soviet Union and Hungary (Sketches toward Portraits of Ruslan Skrynnikov and József Perényi)], in: SZVÁK GYULA, *Na sluzhbu u Klio i vlast’ prederzhashchikh: etudy po rossiavedeniuu* (Budapest: Russica Pannonicana, 2014), 57–67.

“Tiltakozó nagygyűlés Moszkvában az imperialisták baktériumháborúja ellen” [Mass Protest Rally in Moscow against the Imperialists’ Bacteriological Warfare], *Győr–Sopron Megyei Hírlap* (1952. március 15.) 4.

“Végetért a Szovjetunió Legfelső Tanácsának ülészsaka” [The Session of the Supreme Soviet of the Soviet Union Has Concluded], *Délvidéki Hírlap* (1950. június 21.) 1.

ВАСИЛЕ БУГА

РУМЫНО-СОВЕТСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СПОРЫ В 1960–1980-Е ГОДЫ¹

ROMANIAN-SOVIET HISTORIOGRAPHICAL DISPUTES IN THE 1960S–1980S

The article examines the evolution of Romanian-Soviet disputes over the interpretation of their shared history in the 1960s–1980s. It demonstrates how historiographical debates surrounding Bessarabia, the “Moldovan nation”, and the role of Russia and the USSR in the Balkans became a significant factor in bilateral relations. Drawing on recently studied archival material from Chişinău (memoranda of the Central Committee of the Communist Party of Moldavia and the Central Committee of the Communist Party of Ukraine, KGB records, party reports and ideological summaries) as well as from Moscow, it reconstructs the mechanisms of coordinated action by the Union republics – above all the Moldavian SSR – in shaping an alarmist perception of Bucharest’s policies in Moscow. The article shows how disputes over the interpretation of the Russo-Turkish wars, the incorporation of Bessarabia in 1812, the events of 1918 and 1940–1944, and the very existence of an independent Moldovan nation were transferred into school textbooks, encyclopaedias and works of literature, and became the object of ongoing ideological supervision, censorship and diplomatic *démarches* (ranging from the withdrawal of Nicolae Iorga’s works to campaigns around the novels of Marin Preda and Dumitru Popescu). Particular attention is paid to the comprehensive plan for an ideological response to Romanian propaganda developed in Chişinău, which envisaged the publication of specialised studies, the revision of curricula and the restriction of Romanian publications. The author argues that it was the persistent initiatives of the leadership of the Moldavian SSR, invoking the threat of the “Bessarabian question”, that largely determined the rigidity of the Soviet line towards Romania. At the same time, with the onset of Perestroika, these contentious historiographical issues were gradually marginalised within the agenda of high-level bilateral contacts.

Keywords: Romanian-Soviet relations, historiographical disputes, Russo-Turkish Wars, Balkans, Bessarabian question, Second World War, Moldavian SSR

Vasile Buga – PhD in History, Distinguished Researcher, National Institute for the Study of Totalitarianism (Romanian Academy); Scientific Coordinator of the Florin Constantiniu Center for Russian and Soviet Studies. E-mail: vasilebuga@mail.com. ORCID: 0009-0006-8403-8170

1 *Citation: VASILE BUGA, „Rumyno-sovetskie istoricheskie spory v 1960-1980-e gody” [Romanian-Soviet Historiographical Disputes In The 1960s–1980s], RussianStudiesHu 8, no. 1 (2026): 113–130. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.7*

Если до 1960-х годов чувствительные проблемы в отношениях между Румынией и СССР держались под строгим идеологическим контролем, ибо считались табу в румынской историографии, то постепенно они стали выходить на поверхность, что было связано с процессами дистанцирования от Москвы. Речь шла о важных моментах в истории румыно-русских отношений и румыно-советских отношений: включение Бессарабии в царскую империю, румыно-русское сотрудничество во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов; объединение в 1918 годов Бессарабии и Северной Буковины с Румынским Королевством; румыно-советские отношения в межвоенный период; ультиматум, предъявленный Румынии советским правительством в июне 1940 года, после которого Бессарабия, Северная Буковина и уезд Герца были присоединены к СССР; участие Румынии наряду с гитлеровской Германией в войне против Советского Союза (июнь 1941 – 23 августа 1944 гг), а также о формировании «молдавского народа», «молдаванского языка», «молдавской государственности» и т.д.

Новые документы, введенные в научный оборот исследователями из Республики Молдова Георге Кожокару, Еленой и Георге Негру, отражают скоординированное действие Кишинева и Москвы против Бухареста. Примером в этом отношении является письмо ЦК КП Молдавии, адресованное 1 июля 1966 года ЦК КПСС, в котором обращалось внимание на то, что в партийных и общественных кругах Румынии наблюдалась тенденция к «ревизии и фальсификации самых важных тезисов, относящихся к историческому прошлому и к настоящему молдавского народа»². «На протяжении последнего века – уточнялось в письме, – все правительства Румынии независимо от их политической ориентации признавали освободительную миссию России на Балканах, ее решающую роль в освобождении Дунайских Княжеств от турецкого ига и их объединение в едином румынском государстве ... Вопреки историческим фактам и сложившимся традициям, в опубликованных материалах в последнее время, особенно по случаю 107-летия формирования румынского государства, это событие трактуется в новой манере – в противоречии с общепринятой исторической действительностью. Явно проигнорирована освободительная миссия России»³. В этой же связи в документе были приведены выдержки из статей, опублико-

2 E. NEGRU, GH. NEGRU, *“Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studiu și documente. Vol. 1 (1965–1975)* (Chișinău: Institutul Cultural Român, 2013), 138.

3 Ibid.

ванных в мае 1966 года в газете «Scînteia» – главном печатном органе ЦК РКП.

С точки зрения ЦК КП Молдавии, подобное отражение исторического прошлого Румынии не ограничилось лишь «умолчанием исторической роли России в судьбах балканских народов», но и стремлением показать, что, подобно другим монархиям, Россия «преследовала такие же цели оккупации чужих территорий и порабощения других народов». Обращалось также внимание на то, что подобные тенденции могли ослабить «чувство признательности и дружественные связи по отношению к русскому народу со стороны других балканских народов»⁴. Для сохранения «симпатий балканских народов к России» считалось полезным издание совместными усилиями ученых СССР, Румынии, Болгарии, возможно Югославии и Венгрии, научного труда об освобождении Балкан от османского ига.

В письме уточнялось, что в стремлении «оправдать оккупацию Бессарабии в начале 1918 годов», буржуазные идеологи Румынии ошибочно интерпретировали вопрос о румынской нации, «стали игнорировать факт существования независимой молдавской нации» и «отождествлять молдован с румынами». В этой связи партийное руководство Кишинева обращало внимание на то, что официальные документы, литературные произведения, средства массовой информации стали распространять материалы, в которых ошибочно характеризовались «многие буржуазные личности прошлого». Они представлялись в качестве «крупных революционеров, в то время, когда некоторые из них (Николае Йорга, Октавиан Гога, Константин Стере, Титу Майореску) были яркими реакционерами, буржуазными националистами и предателями молдавского народа». Указалось, что в румынской периодической печати появлялись оттиски из произведений деятелей культуры прошлого, которые содержали «категорические утверждения о том, что все молдоване являются румынами». По мнению коммунистических деятелей Молдавской ССР, в результате присоединения Бессарабии к России и развития капиталистических отношений «в крае стала формироваться молдавская нация, процесс начавшийся раньше по сравнению с Румынией, где он начался лишь через 47 лет»⁵.

В силу этих обстоятельств – отмечалось далее, – «молдавская нация и румынская нация» формировались «самостоятельно, на разных

4 Ibid, 139.

5 Ibid, 141.

территориях, в различных условиях». Молдавская нация – под влиянием России, а румынская – под влиянием западных стран, в первую очередь Франции. В результате этих разных направлений развития двух наций «установились глубокие различия в традициях, культуре, языке, чаяниях этих народов»⁶.

Глухая война по этим вопросам на историографическом фронте продолжалась с согласия советских центральных властей. В Румынии констатировали появление в Советском Союзе различных трудов и публикаций, представляющих в «извращенном виде» историю Румынии и румыно-русских/советских отношений. Это наблюдалось, в основном, в школьных учебниках, в которых Румыния изображалась в виде экспансионистского государства, Присоединившего после Первой мировой войны новые территории, оккупировавшего Бессарабию и Буковину, атаковавшего Советскую Венгрию. Сходные идеи, как считалось в Бухаресте, были распространены в научных исследованиях. В этом контексте советский историк Николай Иванович Лебедев характеризовал как «клеветническое» утверждение буржуазной историографии, согласно которому Румыния была вынуждена попросить помощи со стороны стран сил Оси против большевистского давления. В действительности, критикуя этот тезис, автор имел в виду румынских историков, которые продвигали его в своих работах. Более того, Лебедев утверждал, что правящие румынские круги «давно готовились к войне против СССР, питая планы аннексии советских заднеэстремских территорий»⁷. В частности автор писал о том, что «румынские фашисты так же варварски, как и немецкие оккупанты, разрушали и грабили на оккупированных советских территориях культурные ценности, имущество государственных предприятий, колхозов, общественных учреждений и т.д. Ограбление оккупированной территории румынскими войсками проводилось планомерно под руководством специального административного органа»⁸.

Автор также критикует идеи, высказанные в трудах западных историков, которые минимизировали победу советских войск в ходе Ясско-Кишиневской операции, а также роль СССР и его вооруженных сил «в освобождении Румынии от ига немецкого фашизма»⁹. Вместе

6 Ibid.

7 Н. И. ЛЕБЕДЕВ, «Некоторые вопросы внешнеполитической истории Румынии в освещении буржуазной историографии», *Новая и новейшая история*, по. 3 (1967), 150.

8 Ibid.

9 Ibid, 153.

с тем автор признает, что вооруженное восстание в августе 1944 года в Румынии нарушило фашистские планы организации обороны на линии «Фокшанские ворота» и облегчило «значительным образом наступление Советско Армии в Юго-Восточной Европе». Лебедев пишет, что в период 24–31 августа «патриотические отряды, руководимые Коммунистической партией, и румынские войска внутри страны разружили и взяли в плен 53 тыс. гитлеровских солдат и офицеров», и что, переходя на сторону антигитлеровской коалиции, «Румыния активно участвовал на завершающем этапе войны против фашистской Германии, внесла достойный вклад в одержание совместной победы»¹⁰.

Показательным для поведения советских властей, на этот раз в Украинской ССР, является письмо, подписанное Федором Даниловичем Овчаренко, секретарем ЦК КП Украины по идеологии, который 12 июня 1968 года информировал Отдел Пропаганды ЦК КПСС о том, что в 1966 году в Румынии была издана тиражом в 40 000 экземпляров книга «буржуазного историка» Николая Йорги «История Штефана Великого» (*Istoria lui Ștefan cel Mare*). В письме указалось, что «в настоящее время труды Н. Йорги получают распространение, и им официальные круги СРР дают высокую оценку вопреки тому, что в его книгах проводится антимарксистская, шовинистическая концепция истории румынского народа и государства». Автор письма отмечает, что в данной книге Йорга «старается обосновать право Румынии и над частью нынешней Ивано-Франковской области. Книга проникнута враждебностью к русскому народу ... Идеи, касающиеся принадлежности Буковины и других нерумынских территорий к Румынии, обоснованы Н. Йоргой и в других трудах»¹¹. После этого письма, рассмотренного на уровне ЦК КПСС, книга Йорги была изъята из книжных магазинов¹².

Следует отметить, что аспекты, отражающие озабоченность советской стороны в отношении трактовки исторических фактов, можно найти и в отчетах делегаций, посетивших Румынию. Примером может служить отчет делегации партийных активистов КПСС во главе с Сергеем Георгиевичем Щербаковым, заместителем заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, посетившей Румынию (25 ноября – 4 декабря 1968 года) для обмена опытом работы в области образования и науки. Помимо констатаций, отражающих позитивные

10 Ibid.

11 Российский государственный архив новейшей истории, ф. 5, оп. 60, д. 31, л. 156–158.

12 Ibid, л. 174.

изменения в этих сферах деятельности, в отчете подчеркивался и ряд спорных аспектов. «Специфические черты политической эволюции в последние годы – отмечают члены делегации, – наложили отпечаток на систему образования в стране. Молодое поколение воспитано в национально-патриотическом духе близком к элементам национализма ... Под предлогом возрождения национальной традиции был возрожден в определенной степени ряд националистических, распространенных еще в буржуазно-помещичей Румынии, концепций. Между прочим, подход с классовых позиций в оценке событий, роли и места ряда исторических личностей и их идеологического наследства в ряде случаев заменен объективистскими интерпретациями». В отчете отмечалось также, что делегация смогла убедиться в том, что «идет речь о ревизии предыдущих оценок о роли и значении России и Советского Союза в развитии Румынии», и что из учебников литературы «исчез тезис о социалистическом реализме в качестве главного метода социалистического искусства и был заменен концепцией «гуманного социализма» и «румынского реализма».

Касаясь содержания учебников истории для средней школы, авторы отчета подчеркивают тот факт, что «уменьшается историческая прогрессивная роль нашей страны в освобождении Румынии от турецкого ига и гитлеровской оккупации, ослабляется антисоветская сущность политики ряда буржуазных правительств в период между двумя мировыми войнами»¹³, «ничего не говорится о бескорыстной помощи, оказанной СССР в восстановлении и развитии народного хозяйства в послевоенный период»¹⁴. Члены делегации обращают также внимание на положение преподавания русского языка в Румынии. «Русский язык – пишут они, – который входит в обязательную программу всех средних школ, изучается в настоящее время лишь 20%–25% школьников».

Самыми яркими критиками политики румынского руководства продолжали быть коммунистические деятели Кишинева. В отношении содержания «Маленького энциклопедического словаря», изданного в Бухаресте в 1972 году, руководство местной Коммунистической партии сформулировало ряд замечаний, касающихся статей, относящихся к истории Молдавии. Так Петр Кириллович Лучинский, секретарь Коммунистической партии Молдавии по идеологии, негодуя по поводу «извращения исторической правды», в письме, адресованном в ЦК

¹³ *Российский государственный архив новейшей истории*, ф. 5, оп. 61, д. 61, л. 7.

¹⁴ *Ibid*, л. 8.

КПСС, указывал на недопустимость идентификации Молдавского княжества с Румынией¹⁵. Обращалось также внимание на то, что в статье о русско-турецких войнах подчеркивались «лишь жадные субъективные цели русского царизма», не говорилось ничего об «объективно-прогрессивной важности освобождения народов Балканского полуострова от турецкого ига»¹⁶.

Одновременно советские историки продолжали в прежней традиции писать об участии Румынии во Второй мировой войне. В брошюре «Освободительная миссия Советской армии», написанной генералом Сергеем Матвеевичем Штеменко, изданной Обществом «Знание», был брошен упрек в отношении того, что вопреки предложениям, сделанным Советским Союзом, ни польское, ни румынское правительства не проявили желания договориться с СССР в отношении совместных действий с целью предотвращения агрессии фашистской Германии¹⁷. Также в брошюре отмечалось, что с точки зрения вклада Румыния явилась «одним из самых важных союзников Германии», и что «монархо-фашистские круги поставили на службу Гитлера все материальные и людские ресурсы страны». О существенном вкладе, Румынии в антифашистскую войну была лишь одна короткая фраза: «На заключительном этапе войны в разгром фашизма внесли свой вклад болгарские, румынские и венгерские войска»¹⁸.

На разногласия, появившиеся в румыно-советских отношениях в трактовке ряда исторических вопросов, обратили внимание иностранные наблюдатели. В анализе, сделанном Отделом пропаганды и агитации ЦК Румынской коммунистической партии в 1975 году, отмечалось что в некоторых западных публикациях появились свидетельства, указывающие на различную интерпретацию Бухарестом и Москвой роли внутреннего и внешнего факторов в осуществлении румынского вооруженного восстания 23 августа 1944 года. В большинстве статей и комментариев – указалось в анализе, – утверждалось, что существует «противоречие» между либерализмом внешней политики и «ортодоксальной», «жесткой» внутренней политикой. Подобной политикой, как считалось, Румыния пыталась «предотвратить

15 E. NEGRU, GH. NEGRU, “Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei, 580.

16 Ibid, 582.

17 С. М. ШТЕМЕНКО, *Освободительная миссия Советской Армии* (Москва: Знание, 1975).

18 Arhivele Naționale Istorice Centrale. Fond C.C. al P.C.R. Secția Propagandă și Agitație, dosar nr. 17/1975, 28–29.

советское давление» и избежать судьбы, похожей на судьбу Чехословакии в 1968 году¹⁹.

Особенную критическую позицию руководства Кишинева отражала записка «О фактах фальсификации в СРР исторических событий и о мерах по предотвращению негативных эффектов в Молдавии», которая была направлена 27 июня 1975 года в ЦК КПСС. В частности отмечалось, что некоторые труды, опубликованные в Румынии в начале 1970-х годов, отражали ясно и безоговорочно «концепции историков буржуазно-помещичей Румынии об этнографическом происхождении дунайских народов и континуитете развития румынской нации с древнейших времен до наших дней». На основе этой «псевдонаучной теории отрицался факт формирования в эпоху феодализма ряда восточно-романских народов, в том числе молдавского». Речь шла о таких работах, как «История Румынии» (*Istoria României [1970]*), «История румынского народа» (*Istoria poporului român [1970]*), «Великий конфликт XX века: Вторая мировая война» (*Marea conflagrație a sec. XX: Al doilea Război mondial [1971]*), «Исторический атлас» (*Atlas istoric [1971]*), «Формирование румынской нации и единого румынского государства» (*Formarea națiunii române și a statului român unitar [1974]*) и др. Далее в записке отмечалось, что несмотря на факты, доказывающие «прогрессивную роль России на Балканах, которая не отрицалась даже фашистским правительством Антонеску, признавалась в прошлом, в условиях антисоветской тенденции румынских деятелей она представлена во враждебном духе по отношению к Советскому Союзу». В этом контексте указывалось на то, что в последние два-три года румынские публикации представляли участие России в балканских войнах как исключительно захватническое²⁰.

Применительно к истории Второй мировой войны, в документе говорилось, что для объяснения событий, связанных с первоначальным периодом войны, румынские ученые «прибегли к реакционной буржуазной теории о „двух агрессорах“, не признавая роли Советской армии в освобождении Румынии». Авторы записки специально подчеркнули, что в речи, произнесенной 28 марта 1975 года на торжественном собрании в честь юбилея Партийной академии имени Штефана Георгиу, Генеральный секретарь РКП Николае Чаушеску дал новый толчок «постоянной фальсификации исторической науки в СРР и нагнетанию

¹⁹ Ibid, 21.

²⁰ E. NEGRU, Gh. NEGRU, “Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei, 593.

политической ситуации вокруг так называемого независимого курса в политике румынских руководителей²¹. «После этого выступления – продолжили авторы записки, – на страницах румынской печати, в передачах радио и телевидения началась новая «кампания извращения» истории возникновения румынской нации, румынского государства и соседних государств, фальсификация настоящих событий Второй мировой войны и особенно событий, связанных с включением Бессарабии в состав СССР. Помимо этого, во всех публикациях вырисовывалась единственная цель – «доказать незаконность существования молдавской нации и государственности». «Подобное враждебное по отношению к нашей стране поведение – подчеркивалось далее в записке, – которое отражено в научных трудах и политических выступлениях, создает румынскому народу ошибочное мнение о политике КПСС и советского государства, нездоровое отношение к Молдавской ССР»²².

Весьма серьезным выглядит вывод авторов записки, согласно которому «антироссийские и антисоветские тенденции в деятельности историков, философов и других румынских ученых, а также работников печати, общественных организаций» были скоординированы в центре и проводились «с целью навязать идею нарушения границ, расчленения народов и создавать искусственно бессарабский вопрос»²³. Более того, в записке отмечалось, что в последние годы усилилась отправка в Молдавскую ССР ряда румынских публикаций, в которых выражались «территориальные претензии к Советскому Союзу»²⁴.

Подобные примеры приводят нас к выводу, что ключ для понимания все более участвовавших опасений советского руководства и его претензий к Румынии в 1975–1976 годы лежит в алармистских информациях, передаваемых в Москву из Кишинева. Подобные ситуации способствовали формулированию все более жесткой позиции СССР к румынскому руководству.

Дипломатический инцидент произошел в 1975 году при издании романа «Бред» (*Delirul*) румынского писателя Марина Преда. Бывший секретарь ЦК РКП Корнел Буртикэ вспоминал, что советское посольство в Бухаресте «на базе указаний, полученных из Москвы, выразило протест в связи с выходом романа, мотивируя его тем, что в романе был реабилитирован бывший руководитель Румынии, маршал Ион Антоне-

21 Ibid, 595.

22 Ibid, 596.

23 Ibid.

24 Ibid, 597.

ску (1940–1944 годы), и что не были показаны аспекты борьбы румынского рабочего движения тех лет»²⁵. Бывший румынский партийный деятель отмечал, что проинформировал об этом генерального секретаря РКП Николае Чаушеску, и тот рекомендовал ему поговорить с автором о советском протесте. Через несколько дней Марин Преда сообщил румынскому деятелю, что нашел решение – «корректурa» второго издания романа. Корнел Буртикэ категорически отрицает, что писателю подсказали, как изменить роман, ибо тот «не был человеком готовым допустить, чтобы кто-нибудь диктовал ему, что писать и как писать»²⁶.

Вопреки достигнутым на высоком уровне договоренностям прекратить споры по историческим проблемам, румыно-советские отношения продолжали оставаться напряженными. В этом смысле показательны 107 документов, открытых историками Еленой Негру и Георге Негру в Архиве Общественно-политических организаций, в Архиве МВД и в Архиве службы информации и безопасности Республики Молдова²⁷. На основе Постановления ЦК КПСС от 15 октября 1975 года под названием «О дополнительных мерах в идеологической области в связи с усилением румынской националистической пропаганды, ущемляющей интересы СССР», кишиневские власти приняли широкий план на 1976–1980 годы, предлагая меры по линии Отделов пропаганды, науки, учебных заведений, информации и международных отношений ЦК КП Молдавии, а также Академии наук, Министерства культуры и средств массовой информации, призванных привести к выполнению задач, поставленных из Москвы. В частности, средствами массовой информации предписывалось распространить материалы, имеющие целью разоблачение попыток западных и румынских органов информации «искажать прошлое и настоящее молдавского народа, суть русско-румынских и советско-румынских связей...»²⁸. Академия наук и другие центральные учреждения должны были опубликовать монографии, сборники, статьи и документы об истории Румынии, русско-румынских и советско-румынских отношениях, пересмотреть содержание учебной программы, переиздать учебники истории и географии, литературы, в которых «следовало

25 R. CHELARU, *Culpe care nu se uită. Convorbiri cu Cornel Burtică* (București: Curtea Veche, 2001), 82.

26 Ibid.

27 E. NEGRU, GH. NEGRU, “PCM și naționalismul: Documente adunate în cadrul programelor de cercetare efectuate de către Comisia pentru studierea și aprecierea regimului totalitar comunist din Republica Moldova”, *Destin românesc: Serie nouă*, no. 5–6 (2010), 69–70.

28 Ibid, 71.

отражать ясно и убедительно вопросы, связанные с формированием молдавской нации, молдавской государственности, роли русского и советского народов в судьбах молдавского народа, критиковать буржуазно-националистические концепции по этим проблемам»²⁹.

На занятиях по общественным наукам в учебных заведениях преподаватели должны были критиковать «искажения, фальсификации румынскими политиками и историками проблем, касавшихся румыно-русских и румыно-советских отношений, решения Коминтерна». Другим центральным учреждениям были даны указания, чтобы в произведениях искусств была показана борьба молдавского народа «за освобождение от ига румынской оккупации», «нейтрализацию» попыток румынской стороны использовать туристические связи в целях «националистической пропаганды», ограничения распространения в Молдавской ССР румынской литературы и румынских публикаций содержащих националистические «ревизионистские идеи»³⁰.

Руководство Кишинева имело также в виду принятие мер, обеспечивающих координацию работы центральных органов и органов Молдавской ССР в целях «нейтрализации националистической пропаганды румын», обеспечение приема в хороших условиях программ центрального телевидения на территории Молдавской ССР, улучшение «патриотического и интернационалистического воспитания» населения.

В письме ЦК КП Молдавии, адресованном 26 мая 1976 года в ЦК КПСС, сообщалось о новых фактах «грубого извращения» в Румынии исторических событий, связанных с «проблемами формирования и развития молдавского народа, его государственности, русско-румынских и советско-румынских отношений»³¹. Обращалось также внимание на рост количества публикаций, имеющих «шовинистический и националистический характер», особенно в перспективе празднования годовщины столетия провозглашения государственной независимости Румынии³².

«Современная румынская, историческая, общественно-политическая и художественная литература – отмечалось далее, – затрагивая события, связанные со Второй мировой войной, не только умалчивает зверства румынской армии на оккупированных территориях, но доказывает, что она совершила историческое дело в целях возвращения потерянных территорий и сохранения национального единства.

29 Ibid, 71–72.

30 Ibid, 72–73.

31 Ibid, 91.

32 Ibid, 93.

Она видит ошибку правящих кругов не в участии в войне против СССР, а в том факте, что румынская армия шла дальше Днестра»³³.

После упоминания ряда исторических румынских публикаций, в письме отмечалось, что вопреки известным заявлениям Генерального секретаря РКП Николае Чаушеску 2 июня 1976 года об отсутствии у Румынии территориальных претензий к СССР и другим соседним странам, в Румынии проводится «активно и настойчиво систематическая, сконцентрированная работа по пропаганде исторических, антинаучных, антимарксистских концепций, воспитанию среди румынского народа националистических, антисоветских, антимолдавских концепций, по их распространению на Западе и их проникновению в МССР»³⁴.

На этом фоне не удивляют меры, принятые советскими властями в деле запрещения показа в апреле 1977 года документального фильма «Независимость – вековое стремление румынского народа» (*Independența – năzuința de veacuri a poporului român*) в рамках мероприятий, посвященных столетию провозглашения независимости. Румынскую сторону попросили снять с выставки, посвященной этому событию, картину, изображающую момент, когда комендант турецких войск Осман-Паша сдается в плен представителям румынской армии.

Нередки были случаи, когда как румынская, так и советская сторона не разрешали включение в бюллетени посольств обеих стран [«Румынские горизонты» (*Orizonturi românești*) и «Аврора»] материалов пропагандистского характера. К примеру, советская сторона возражала против опубликования статьи, посвященной выступлению Николае Чаушеску на собрании центрального партийного и государственного актива 3 августа 1978 года, мотивируя это тем, что статья была «полностью неудачной». Реакция советского собеседника на предложение румынского дипломата распространить выступление Чаушеску в виде приложения к бюллетеню посольства была отрицательной³⁵.

Румынские власти также запрещали распространение посольством СССР в Бухаресте пропагандистских материалов, которые своим содержанием противоречили установленным нормам. Так поступили в случае запрещения книги «Советская Молдавия», написанной первым секретарем ЦК КП Молдавии Иваном Ивановичем Бодюлом, выпущенной в 1978 году, в которой был включен ряд тезисов советской историографии об истории Бессарабии. Также в июне 1978 года румынские

33 Ibid, 92–93.

34 Ibid, 104.

35 *Arhivele Naționale Istorice Centrale, Secția Relații Externe, dosar nr. 189/1978, 128.*

власти запретили распространение в Румынии выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, в котором были сформулированы критические высказывания в адрес внешней политики Китая.

20 июля 1978 года ЦК КП Молдавии информировал ЦК КПСС о том, что в Румынии «существенно активизировалась и расширилась кампания фальсификации основных исторических событий и объективных концепций о Молдавии, о русско-румынских и советско-румынских отношениях, вырисовывалась все яснее ее антимолдавское антирусское и антисоветское направление»³⁶. Через несколько месяцев, в письме, адресованном 1 ноября 1978 года в ЦК КПСС, кишиневские власти обращали внимание на те же самые явления, в том числе касающиеся контактов по линии местных партийных органов приграничной зоны³⁷. Выявлялся тот факт, что при встречах с делегациями из Молдавской ССР румыны пытались «навязать в неофициальной атмосфере провокационные беседы, касающиеся территориальных вопросов, истории Молдавии, совместной общности молдавского и румынского языков, национальных традиций» и т.д.³⁸

Озабоченность кишиневского руководства была выражена и в письме, подписанном первым секретарем ЦК КП Молдавии Бодюлом, адресованном председателю КГБ Ю. В. Андропову, в котором он просил увеличение численности КГБ Молдавской ССР для того, чтобы справиться с «враждебными усилиями» специальных служб и идеологических центров империалистических государств против СССР и Молдавской ССР. «Противник – указывалось в письме, – уделяет особое внимание проведению идеологических диверсий, в том числе в плане использования так называемого „бессарабского вопроса“». Уточнялось также, что эти провокационные действия разделялись руководством Румынии, официальные органы которой «вступили на путь отрицания существования молдавской нации и молдавской государственности, подчеркивания исторической несправедливости воссоединения Бессарабии с СССР»³⁹.

Не только в Молдавской ССР, но и в Украинской ССР продолжали появляться публикации, противоречащие достигнутым на высоком уровне договоренностям. Как отмечалось в одной записке Отдела пропаганды ЦК РКП, подготовленной перед Крымской встречей на высоком уровне 31 июля 1981 года, в 1980 году и в первой половине 1981 года

36 E. NEGRU, Gh. NEGRU, PCM și naționalismul, 69–70.

37 Ibid, 117–118.

38 Ibid, 118.

39 Ibid, 119.

в СССР продолжали появляться, «хотя и в меньшей мере, чем в предыдущие годы», материалы, в которых аспекты истории румынского народа, румыно-русских и румыно-советских отношений трактовались «ненаучным образом, вопреки договоренностям, достигнутым между партийными и государственными руководствами Румынии и Советского Союза»⁴⁰.

Обращалось также внимание на то что основные ориентиры, которые вытекали из данных материалов, касались «настойчивой попытки доказать, что аннексирование царской Россией Бессарабии в 1812 году было – якобы – справедливым прогрессивным актом освобождения, логическим последствием вековой войны, которую молдаване вели рядом с русскими и украинцами против османов»⁴¹. В этом смысле цитировалась работа «Исторические корни дружественных связей между украинским и молдавским народами», изданная в Киеве в 1980 году,⁴² а также еженедельники «Молдова Социалистэ» и «Советская Молдавия». Отмечалось также, что в журнале «Коммунист Молдавии» (1981. № 5) в ответ на тезис об аннексии Бессарабии Россией в 1812 году ее присоединение к Королевству Румыния в 1918 году было представлено как акция захвата и колонизации⁴³. Упоминались также «культурная политика румынизации молдавского народа», «подавление национальной молдавской культуры» в межвоенный период. В трактовке периода 1941–1944 годов еженедельник «Советская Молдавия» 21 июня 1981 года говорил об «иге немецко-румынских захватчиков», «германо-румынской фашистской оккупации», «зверствах и беспределе немецких и румынских захватчиков» на молдавской территории. Отмечалось также что после XV Международного конгресса исторических наук, проведенного в Бухаресте в августе 1980 года, члены советской делегации критиковали в различных публикациях доклады и выступления румынских историков⁴⁴.

Вопреки определенному сближению позиций на высоком уровне в румыно-советских отношениях, руководство Молдавской ССР должно было сохранять антирумынское настроение. Из опубликованных

40 *Arhivele Naționale Istorice Centrale, Fond C.C. al P.C.R., Secția Relații Externe, dosar nr. 176/1981, 105.*

41 *Ibid.*

42 И. А. Анцупов, Ю. Ю. Кондуфор (ред.), *Исторические корни дружественных связей и дружбы украинского и молдавского народов* (Киев: Наукова думка, 1980)

43 *Ibid.*, 106.

44 *Ibid.*

документов можно узнать, что руководство КП Молдавии было озабочено масштабом выступлений среди населения этой республики, охарактеризованных как «имеющие националистический характер». Кишиневский историк отмечал, что пиковый момент кампании, связанной против националистических настроений в Молдавской ССР, был достигнут 5 мая 1982 года, когда Гавриил Моисеевич Волков, председатель КГБ этой республики, посылал ЦК КП Молдавии письмо «О тенденциях усиления проявления молдавского национализма в республике». В нем Румынию обвиняли в том, что она посылала «различными каналами все большую националистическую литературу»⁴⁵. Волков сигнализировал одновременно, что в целях националистического воспитания ряда советских граждан «румыны прибегают больше, чем в предыдущие годы, к каналам туризма и частных визитов»⁴⁶.

Об озабоченности руководства Молдавской ССР ростом национализма говорит выступление Григория Исидоровича Еремея, члена Бюро ЦК КП Молдавии, на заседании этого органа 3 августа 1982 года. Молдавский деятель подчеркивал, что «в приграничных районах все антенны были обращены в сторону Румынии». Он говорил о необходимости вести «ожесточенную борьбу в этом отношении»⁴⁷.

После определенного периода нормализации в румыно-советских отношениях стали появляться моменты напряжения, вызванные различными оценками некоторых вопросов совместной истории. Так случилось после появления в Бухаресте романа «Кулак и ладонь» (*Pumnul și palma*), написанного писателем Думитру Попеску, занимавшим должность члена Политисполкома ЦК РКП и ректора Партийной академии имени Штефана Георгиу. «Литературная газета» опубликовала 4 мая 1983 года статью «С кулаками на историю»⁴⁸, в которой автор, Пимен Буянов (надо предполагать, что это псевдоним – В. Б.), обращал внимание на то, что в румынской литературе ощущалась «беспокоящая тенденция ревизии того, что давно было достигнуто и установлено»⁴⁹. «Некоторые писатели и публицисты – писал Буянов, – начинают трактовать историю как будто с личной точки зрения, не считаясь ни с ре-

45 Gh. NEGRU, "Intensificarea 'manifestărilor naționaliste' în R.S.S.M. la începutul anilor '80", *Destin românesc: Serie nouă*, no. 3 (73) (2011), 100.

46 Ibid, 111–112.

47 Ibid, 140.

48 П. Буянов, «С кулаками на историю. Заметки на полях романа румынского писателя Думитру Попеску», *Литературная газета*, 4 мая (1983).

49 D. POPESCU, *Angoasa putrefacției, Cronos autodevorându-se... Memorii IV* (București: Curtea Veche, 2006), 332.

альными событиями, ни даже с оценками, сделанными в официальных румынских документах. Они создают как будто собственную историю, которую интерпретируют в личной манере, вступая часто в явное противоречие с фактами»⁵⁰. Румынского автора упрекали в том, что при описании Москвы и Ленинграда, встреч с советскими людьми он «не отстает от буржуазных писателей и журналистов, привыкших уже к пропаганде антисоветизма». «Порой – продолжал Буянов, – есть ощущение, что автор вступил как будто в состязание с ними и старается изо всех сил перегнуть»⁵¹. Румынского писателя обвиняли также в том что он «извращает моральный профиль солдата-освободителя Советской Армии, характер прошедшей войны»⁵².

В ответ на эту статью, с одобрения партийного руководства, газета «Литературная Румыния» (*România Literară*) опубликовала 12 мая 1983 года ответ под заглавием «Ножницами против правды», написанный литературным критиком Помпилиу Марча⁵³. В частности он отмечал, что роман не был переведен на русский язык, а, значит, не был широко знаком советскому читателю. Его идейное содержание было полностью проигнорировано, в результате чего сложился «произвольно фальшивый, извращенный образ книги». На основе конкретных примеров румынский критик демонстрировал аргументы советского автора, сожалея о том что «подобные атаки, лишённые элементарной ответственности и честности, могут отрицательно сказаться на столь сердечных, принципиальных и товарищеских отношениях, существующих между писателями двух стран»⁵⁴. Другая статья «Классовый подход или эклектическая теория факторов» появилась в советском журнале «Новое время». Она была написана журналистом Эдуардом Баграмовым и также содержала критику в адрес романа румынского писателя⁵⁵.

По мнению историков Елены Негру и Георге Негру в начале 1980-х годов «агрессивные выступления официальных учреждений МССР, касающихся “румынской и западной пропаганды”, снизился по степени интенсивности и лавина “информаций” такого рода, направляемых

50 Ibid.

51 Ibid, 334.

52 Ibid, 335–336.

53 P. MARCEA, “Cu foarfecile împotriva adevărului”, *România Literară*, no. 19, 12 mai (1983), 9. К слову, этой статье предшествовал перевод на румынский язык упомянутой статьи Пимена Буянова.

54 D. POPESCU, *Angoasa putrefacției*, 348.

55 Э. БАГРАМОВ, «Классовый подход или эклектическая теория факторов?», *Новое время*, no. 16 (1983), 18–19.

ЦК КП Молдавии в ЦК КПСС уменьшилась». Авторы подчеркивают, что увеличилось, однако, число документов о внутренней ситуации в Румынии, в том числе об исторической деятельности, а также о внешней политике Румынии. Большинство из них были разработаны в посольстве СССР в Бухаресте, в МИД МССР, а также в учреждениях Академии наук МССР и Академии наук СССР⁵⁶

На этом фоне столетие со дня рождения румынского дипломата Николае Титулеску было отмечено в Советском Союзе на собрании, организованном Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР, в рамках которого историк Маргарита Дмитриевна Ерещенко говорила о выдающемся румынском дипломате, об его активной роли в восстановлении дипломатических отношений между Румынией и СССР. Совсем иную точку зрения высказал историк Алексей Алексеевич Шевяков в журнале «Вопросы истории»⁵⁷. Автор сформулировал ряд критических замечаний в адрес внешней политики Румынии в межвоенный период, политики, проводимой Титулеску, которого упрекал в том, что тот поддержал политику Англии и Франции, направленной в сторону дестабилизации ситуации на границе СССР. По мнению советского историка, Титулеску, принадлежав к правой элите страны, как и все остальные руководители Румынии, нес политическую ответственность за оккупацию Бессарабии и за отсутствие желания на протяжении долгого времени решить мирным путем спорные проблемы с Советским Союзом⁵⁸.

С приходом к власти М.С. Горбачёва, спорные вопросы в совместной румыно-русской/советской истории отошли на второй план. Они продолжали существовать, но больше на них не обращали внимания в двусторонних контактах на высоком уровне.

References

I. A. ANTȘUPOV, Iu. Iu. KONDUFOR (EDS.), *Istoriale korni sviazei i druzhby ukrainского i moldavskogo narodov* [The Historical Roots of the Ties and Friendship between the Ukrainian and Moldavian Peoples] (Kiev: Naukova dumka, 1980)

56 E. NEGRU, GH. NEGRU, PCM și naționalismul, 11.

57 А. А. ШЕВЯКОВ, «Советско-румынские отношения и Николае Титулеску», *Вопросы истории*, no. 5 (1982): 46–59.

58 G. ПОТРА, *Titulescu. După 50 de ani din nou acasă* (Sebeș: Fundația Europeană Titulescu, 2013), 323.

Arhivele Naționale Istorice Centrale [Central National Historical Archives]. Fond C.C. al P.C.R. Secția Propagandă și Agitație, dosar nr. 17/1975.

Arhivele Naționale Istorice Centrale [Central National Historical Archives]. Secția Relații Externe, dosar nr. 189/1978.

Arhivele Naționale Istorice Centrale [Central National Historical Archives]. Fond C.C. al P.C.R., Secția Relații Externe, dosar nr. 176/1981.

E. A. BAGRAMOV, "Klassovyi podkhod ili eklekticheskaia teoriia faktorov?" [Class Approach or the Eclectic Theory of Factors?], *Novoe vremia*, no. 16 (1983), 18–19.

P. BUIANOV, "S kulakami na istoriiu. Zametki na poliakh romana rumynskogo pisatelii Dumitru Popesku" [With Fists Raised Against History: Notes in the Margins of the Novel by the Romanian Writer Dumitru Popescu], *Literaturnaia gazeta*, 4 May (1983).

RODICA CHELARU, *Culpe care nu se uită. Convorbiri cu Cornel Burtică* [Guilt That Is Not Forgotten: Conversations with Cornel Burtică] (București: Curtea Veche, 2001).

N. I. LEBEDEV, "Nekotorye voprosy istorii vneshnei politiki Rumynii v osveshchenii burzhuaznoi istoriografii" [Some Issues of the History of Romania's Foreign Policy as Interpreted in Bourgeois Historiography], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3 (1967): 146–153.

POMPILIU MARCEA, "Cu foarfecile împotriva adevărului" [With Scissors against the Truth], *România Literară*, no. 19, 12 mai (1983): 9.

ELENA NEGRU, GHEORGHE NEGRU, "PCM și naționalismul: Documente adunate în cadrul programelor de cercetare efectuate de către Comisia pentru studierea și aprecierea regimului totalitar comunist din Republica Moldova" [The PCM and Nationalism: Documents Collected within Research Programmes Conducted by the Commission for the Study and Evaluation of the Communist Totalitarian Regime in the Republic of Moldova], *Destin românesc: Serie nouă*, no. 5–6 (2010): 1–334.

ELENA NEGRU, GHEORGHE NEGRU, "*Cursul deosebit*" al României și supărarea Moscovei. *Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studiu și documente. Vol. 1 (1965–1975)* [Romania's "Special Course" and Moscow's Discontent: The Soviet–Romanian Dispute and Anti-Romanian Propaganda Campaigns in the Moldavian SSR (1965–1989). Study and Documents. Vol. 1 (1965–1975)] (Chișinău: Institutul Cultural Român, 2013).

GHEORGHE NEGRU, "Intensificarea 'manifestărilor naționaliste' în R.S.S.M. la începutul anilor '80" [The Intensification of 'Nationalist Manifestations' in the Moldavian SSR in the Early 1980s], *Destin românesc: Serie nouă*, no. 3 (73) (2011): 99–151.

A. A. SHEVIAKOV, 1982. "Sovetsko-rumynskie otnosheniia i Nikolae Titulesku" [Soviet–Romanian Relations and Nicolae Titulescu], *Voprosy istorii*, no. 5 (1982): 46–59.

S. M. SHTEMENKO, *Osvoboditel'naia missiia Sovetskoi Armii* [The Liberating Mission of the Soviet Army] (Moskva: Znanie, 1975).

DUMITRU POPESCU, *Angoasa putrefacției, Cronos autodevorându-se... Memorii IV* [The Anguish of Putrefaction, Cronos Devouring Himself... Memoirs IV] (București: Curtea Veche, 2006).

GEORGE POTRA, *Titulescu. După 50 de ani din nou acasă* [Titulescu: After 50 Years, Home Again] (Sebeș: Fundația Europeană Titulescu, 2013).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [Russian State Archive of Contemporary History], f. 5, op. 60, d. 31.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [Russian State Archive of Contemporary History], f. 5, op. 61, d. 61.

A. С. СТЫКАЛИН

**XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
(БУХАРЕСТ, АВГУСТ 1980) НА ФОНЕ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ
ЧАУШЕСКУ И ТРЕНИЙ В СОВЕТСКО-РУМЫНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ¹**

**THE XV INTERNATIONAL CONGRESS OF HISTORICAL SCIENCES
(BUCHAREST, AUGUST 1980) AGAINST THE BACKDROP
OF THE PERSONALITY CULT OF CEAUȘESCU AND FRICTION
IN SOVIET-ROMANIAN RELATIONS**

Regularly held international congresses of historical sciences regularly become venues for discussions among historians not only of different national schools but also of diverse ideological and political persuasions. The peculiarity of the 15th congress, held in Romania in the summer of 1980, lay in the fact that the well-prepared delegation of the congress hosts, tasked by the Ceaușescu regime with presenting to the global professional community the official Romanian view of the history of Romanians' relations with their closest neighbors, faced resistance from equally well-prepared opponents from other countries. The discussions took place against the backdrop of Romania's very complex relations with the USSR and some other Eastern Bloc partners, and the ever-increasing personality cult of Ceaușescu, the maintenance and strengthening of which required the active use of historical arguments. Archival sources introduced into scholarly circulation make it possible to trace the shift in the Soviet side's tactics in disputes with the Romanians on historical topics, which inevitably acquired political overtones: from the dominant approach until the late 1970s of not demonstrating publicly disagreements with representatives of an allied country to a readiness to rebuff those concepts that were based on the desire to justify Romania's historical rights to territories that were part of the USSR.

Keywords: international congresses of historical sciences, Ceausescu regime in Romania, Soviet-Romanian historical disputes, Bessarabian question

Alexander Stykalin – PhD in History, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: zhurslav@gmail.com. ORCID: 0000-0003-0834-9090

1 Citation: A. S. Stykalin, „XV Mezhdunarodnyi kongress istoricheskikh nauk (Bukharest, avgust 1980) na fone kul'ta lichnosti Chaushesku i trenii v sovetско-rumynskikh otnosheniakh” [The XV International Congress Of Historical Sciences (Bucharest, August 1980) Against The Backdrop Of The Personality Cult Of Ceaușescu And Friction In Soviet-Romanian Relations.] *RussianStudiesHu* 8, no. 1 (2026): 131–149. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.8

До середины 1950-х годов Румыния выступала вполне лояльным членом советского блока. Однако после 1956 г. ситуация начала меняться. Сильно напуганная венгерской революцией, румынская коммунистическая элита начала постепенно выстраивать механизмы противодействия любым «либеральным» влияниям, исходящим из других социалистических стран (включая СССР) и способным создать угрозу ее неограниченной власти. Сюда добавились и разногласия по вопросам экономической интеграции стран-членов СЭВ, вызванные опасениями руководства Румынии, что она превратится в аграрно-сырьевой придаток более развитых стран. В 1963 г. они приводят к острому конфликту между Г. Георгиу-Дежем и Н.С. Хрущевым. Особая внешнеполитическая позиция Бухареста, нашедшая свое теоретическое обоснование в апрельской Декларации 1964 г., проявилась и в равноудаленности от обеих конфликтующих сторон в условиях углублявшегося советско-китайского спора.

Попытка осуществить перезагрузку двусторонних отношений была предпринята с советской стороны после отставки в октябре 1964 г. Н. С. Хрущева и кончины в марте следующего года Г. Георгиу-Дежа. Она оказалась неудачной. Новый лидер Румынии, довольно молодой и амбициозный Николае Чаушеску с самого начала в целях повышения своей популярности внутри страны (как и веса Румынии на международной арене) с еще большей последовательностью, чем его предшественник, проводил в отношениях с СССР независимую линию, ссылаясь на национальные интересы, как он их понимал. Не поддержав ни позицию Москвы по целому ряду ключевых проблем международных отношений (в том числе в связи с шестидневной арабо-израильской войной 1967 г.), ни августовскую интервенцию 1968 г. в Чехословакии, Румыния превратилась в «инакомыслящего члена» восточного, советского блока.

С усилением внешнеполитических разногласий выходят на поверхность расхождения в трактовках историками ключевых проблем двусторонних отношений. В условиях, когда наука была призвана обслуживать курс на всё большее дистанцирование от Москвы, румынские историки, отстаивая свое видение, готовы были апеллировать к авторитету Карла Маркса. В конце 1964 г. под эгидой Румынской академии и под редакцией академика Андрея Оцетя была опубликована редким для страны 20-тысячным тиражом антология, содержавшая выдержки из текстов Маркса с резкой критикой экспансионистской политики царской России на Балканах, что напрямую (в нарушение ранее су-

ществовавших табу!) подводило читателя к мысли о несправедливости присоединения Бессарабии (междуречья Днестра и Прута, края с выходом также к Дунаю и Чёрному морю) к Российской империи в соответствии с Бухарестским миром 1812 г. по итогам очередной русско-турецкой войны. Это автоматически вело к пересмотру отношения и к событиям 1918 г., когда Румыния аннексировала Бессарабию, обосновав эту акцию своим историческим правом на все земли Молдавского княжества, объединившегося в 1859 г. с Валахией в единое румынское государство. С выходом в свет вышеупомянутой антологии социалистическая Румыния впервые неформально заявила свои исторические права (причем с апелляцией к наследию самого Карла Маркса!) на некоторые земли, входившие в состав СССР.

В 1966 г. на партийном активе по случаю 45-летия образования румынской компартии Чаушеску раскритиковал линию Коминтерна в отношении Румынии. Он говорил о том, что межвоенную Великую Румынию никак нельзя считать страной, овладевшей чужими территориями, она занимала румынские исторические земли (к которым он отнес полученные по итогам Перовой мировой войны Трансильванию, Банат, Буковину, Бессарабию), а вот компартия, получая указания из Москвы, от Исполкома Коминтерна, зачастую действовала вразрез национальным чаяниям. Как заявлял Чаушеску, нет оснований говорить о политике национального угнетения в межвоенной Румынии, и более того, как в 1920–1930-е годы, так и теперь Румыния была и остается национальным государством. В развитие положений, прозвучавших в речи Чаушеску, антинациональная линия Коминтерна стала причисляться историками к числу факторов, подталкивавших страну в поисках союзников к сближению с нацистской Германией, на что не могли не отреагировать в СССР². Более того, поначалу осторожно, но вполне определенно получает развитие тезис о широком присутствии в компартии чуждой национальным интересам агентуры (венгерской, еврейской, болгарской), нацеленной на развал Великой Румынии.

Всё отчетливее проявлялись разногласия между историками СССР и Румынии в трактовке событий Второй мировой войны. С советской стороны замечали, что румынские коллеги даже с трибуны международных научных форумов все чаще проводят идею о том, что их стра-

2 См. подготовленную в 1972 г. по заказу аппарата ЦК КПСС записку историка А. А. Языковой «О тенденциозном освещении вопросов истории второй мировой войны и истории Коминтерна в работах румынских историков»: *Российский государственный архив новейшей истории* (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 64. Д. 110.

на сближалась с Германией силой не зависящих от нее обстоятельств (включая советско-германский пакт 1939 г.) и само ее подключение к нападению на СССР в июне 1941 г. все более трактовалось как нечто вынужденное. Советская акция по присоединению Бессарабии летом 1940 г. объяснялась обоснованным стремлением воспрепятствовать дальнейшему продвижению Третьего рейха; но, с другой стороны, ни одно румынское правительство не могло равнодушно воспринять утрату своей исторической земли³. В печати такого рода построения подавались предельно осторожно, но достаточно ясно, чтобы виделись расхождения в трактовках.

Попытки (пусть даже завуалированные) отнести Бессарабию к числу румынских исторических земель, на которые Румыния всегда может заявить свои права, вызывали в Москве тем большее раздражение, что означали не только ревизию утвердившегося в советской историографии отношения к Бухарестскому миру 1812 г., закрепившему этот край за Россией, но и пересмотр роли СССР на некоторых этапах Второй мировой войны (и в частности, справедливости вхождения Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР летом 1940 г.)⁴, а это воспринималось куда серьезнее, став фактором, реально ведущим к ухудшению межгосударственных отношений

Несмотря на усиление напряженности в отношениях с Румынией, советская сторона избегала открытой полемики с союзнической страной. Так, в резолюции на вышеупомянутую записку 1972 г. было сочтено целесообразным подготовить ряд публикаций о роли Коминтерна в сплочении мирового коммунистического движения с тем, «чтобы, **не вступая в открытую полемику** [выделено мною – А. С.], раскрыть существо тех вопросов, которые встречают неверное толкование у румынских историков»⁵. Косвенная критика позиции румынских историков содержалась в статьях с критикой ряда положений западной историографии. Кроме того, уделялось внимание освещению именно «светлых страниц» в истории двусторонних связей, например, попыткам сближения в 1930-е годы и контактам министров иностранных

3 См. подробный отчет историка А. А. Шевякова о длительной командировке в Румынию в конце 1968 – начале 1969 г.: Архив РАН. Ф. 681. Оп.3. Д. 619. Л. 215–247.

4 В свою очередь, с румынской стороны все чаще выражалось неудовольствие принижением в советских публикациях заслуг Румынии в победе над нацизмом после ее разрыва с Германией в августе 1944 г. и перехода на сторону антигитлеровской коалиции.

5 РГАНИ. Ф.5. Оп. 64. Д. 110. Л. 152.

дел двух государств, М.М. Литвинова и Н. Титулеску в целях создания системы коллективной безопасности в Европе. Причем и здесь советскими историками давались более критические оценки политики межвоенной Румынии, расходившиеся с версиями, бытовавшими в румынской историографии.

Стремление уклониться от открытой полемики доминировало все 1970-е годы, но подлежало пересмотру, когда пришла информация об усиленной подготовке режима Чаушеску к очередному, XV Международному конгрессу исторических наук, который должен был пройти в Бухаресте в августе 1980 г. Ведь вполне ожидаемым было использование румынской стороной трибуны форума для донесения неприемлемых для советской науки концепций и представлений до более широкого круга западных ученых. Эта новая, наступательная тактика нашла отражение в рекомендациях советским историкам, командированным к участию в конгрессе. Как отмечалось в соответствующей записке, **«советским участникам конгресса историков должна быть рекомендована активная линия поведения, позволяющая использовать наш потенциал для разоблачения несостоятельности румынского подхода»** [выделено мною – А. С.]⁶.

Ставя это событие в более широкий исторический контекст, надо иметь в виду, что 1980 год не относился к числу наиболее беспокойных в развитии очень непростых советско-румынских отношений. Переживаемые Румынией экономические трудности и стремление не допустить (во имя сохранения общественного спокойствия) слишком резкого, взрывоопасного падения жизненного уровня населения заставили правительство летом 1980 г. обратиться к поискам новых больших займов. Это вызвало вопросы со стороны Международного валютного фонда, усомнившегося в кредитоспособности страны. На нежелание предоставлять новые кредиты повлиял и большой скандал (бегство на Запад в 1978 г. генерала Секуритате И. М. Пачепы, обнародовавшего конкретные факты замышлявшихся спецслужбами Чаушеску провокаций против эмигрировавших на Запад румынских диссидентов) – он особенно сильно ударил по имиджу румынского национал-коммуниз-

6 Записка посольства СССР в Румынии (январь 1980 г.) «О некоторых новых тенденциях в румынской исторической науке в связи с подготовкой в СРР к 2050-летию первого дакского централизованного государства и подготовкой в Румынии всемирного конгресса историков» – экземпляр, направленный для ознакомления ЦК компартии Молдавской ССР: *Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova* (AOSPRM). F. 51. In. 54. D. 7. F. 13-19.

ма в глазах западных элит, оказывавших до этого покровительство режиму Чаушеску как дистанцирующемуся от Москвы.

Зависимость румынской экономики от конъюнктуры цен на нефть всё усиливалась. К концу 1980 г. внешний долг превысил сумму 10 млрд. долларов, причем всё большая часть бюджета должна была идти на погашение долгов. В таких условиях совсем не было смысла педалировать разногласия с Москвой, в том числе и в вопросе о вторжении СССР в Афганистан. Более того, со стороны Чаушеску проявилось некоторое повышение интереса к внешнеторговому сотрудничеству в рамках СЭВ. Однако зная чувствительность общественного мнения в стране к вопросу о границах румынского «национального пространства» (“spațiul românesc”), в Бухаресте сохраняли последовательность, ни в коем случае не желая публично признать за СССР большее историческое право на Бессарабию, чем имеет на нее Румыния. Любые уступки здесь противоречили базовым идейным установкам румынского национал-коммунизма, склонного в интересах сохранения общественной поддержки все чаще разыгрывать национальную карту. Особенно неприемлемыми считались попытки формирования (а по сути искусственного конструирования) в Молдавской ССР особой «молдавской советской нации», которая, принципиально позиционируя себя как нерумынская, вместе с тем претендовала бы на преемственность государственным и культурным традициям Молдавского княжества, составлявшим неотъемлемую часть румынского национального наследия.

В условиях весьма непростых отношений между СССР и Румынией советские историки как на молдавском республиканском, так и на всесоюзном уровне получали политический заказ уделять всё большее внимание обоснованию справедливости присоединения Бессарабии к России и его положительного влияния на судьбы этого края. Критическое изучение румынской исторической литературы входило в обязанности посольства СССР в Бухаресте. В марте 1980 г. посол В. И. Дрозденко принял члена политисполкома ЦК румынской компартии В. Казаку и их беседа не только обозначила имевшиеся принципиальные расхождения, но и отразила тактику обеих сторон. Посол указал на пагубность для двусторонних отношений публикаций, в которых завуалированы территориальные претензии к СССР⁷. Румынские

7 Запись беседы опубликована: А. С. Стыкалин, “Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений”, *Славяноведение*, no. 1 (2017), 12–30.

функционеры отвергали подобные упреки, ссылаясь на подписание их страной заключительного акта Хельсинкского Совещания 1975 г. Кроме того, в июне 1976 г. Чаушеску, к удовлетворению Москвы, публично заявил об отсутствии у официального Бухареста территориальных претензий к кому бы то ни было. Речь шла, как это постоянно подчеркивалось румынской стороной, лишь о восстановлении в научных трудах исторической правды, отстаивать которую румынские историки были, однако, настроены достаточно рьяно. Не только широким общественным мнением, но во всё большей мере и партийной элитой Бессарабия воспринималась как неотъемлемая составная часть «*spațiul românesc*», утраченная в результате военных неудач и неблагоприятных для Румынии геополитических изменений. Говорить о формировании в СССР у людей, проживающих по левую сторону реки Прут и пользующихся тем же языком, какой-либо другой, не румынской идентичности, представлялось совершенно неприемлемым. Категорически отвергались и упреки в национальной дискриминации в межвоенной Румынии бессарабских молдаван, в реальности составлявших часть румынского этноса.

Таким образом, к 1980 г. складывается ситуация, когда серьезные советско-румынские разногласия как в принципиальном вопросе о молдавском советском «национальном проекте», так и в оценках ряда ключевых событий истории, могли в любой момент выплеснуться на поверхность в виде ожесточенной перепалки, как это произошло в отношениях между КПСС и КПК в начале 1960-х годов. Это было крайне нежелательно для Москвы, заботившейся о единстве Организации Варшавского договора (ОВД). Выстраивание отношений с Румынией в рамках социалистического содружества не только относилось к числу весьма непростых задач советской внешней политики, но требовало активного обращения к историческим аргументам.

На переднем крае в подспудных советско-румынских столкновениях исторической памяти, когда при отсутствии в печати прямой полемики с обеих сторон излагались резко отличающиеся друг от друга, плохо совместимые, а подчас и абсолютно противоположные версии тех или иных исторических событий и явлений, все чаще оказывались историки и – шире – работники идеологического фронта Молдавской ССР. При этом, чувствуя уязвимость своих установок перед лицом не только не истребленного, но все сильнее пробуждавшегося интереса образованных советских молдаван к истории и культуре своих, говорящих на том же языке запрутских соплеменников, они нередко за-

нимали более наступательную в сравнении с центром, т.е. с Москвой, (а в некоторых случаях и откровенно алармистскую) позицию⁸. Так, в подготовленном в феврале 1980 г. в АН Молдавии отзыве на монографию сотрудника Института мировой литературы АН СССР Ю. А. Кожевникова «Эпоха романтизма в румынской литературе» (М., 1979) содержался призыв не забывать тот факт, что многие классики румынской литературы были молдавскими писателями. Как отмечалось далее, нельзя из общности языка выводить общность национального самосознания румын и молдаван: «имеющаяся несогласованность оказывает плохую услугу культурному строительству в республике и может быть превратно истолкована недругами молдавского народа», а потому во всех научных центрах страны должен быть установлен «единый подход к этому исключительно важному вопросу не только в культурном, но и в политическом аспекте»⁹. К призывам преодолеть подобного рода несогласованность и занять более твердую позицию прислушивались в Москве при подготовке советских историков к международному конгрессу.

Разногласия в трактовках истории Бессарабии, как и в определении этнической сущности бессарабских молдаван оставались камнем преткновения при попытках наладить советско-румынский диалог на разных уровнях. Так, в отчетах о посещении Румынии делегациями из Советской Молдавии приводились примеры того, как различия в историческом воспитании, сформированных школой и СМИ представлениях об истории Румынии, ее роли во Второй мировой войне, о сути бессарабского вопроса, о культурно-языковых различиях румын и молдаван, о праве самостоятельной молдавской нации на существование порождали взаимонепонимание. В музеях гг. Яссы и Ботошани им бросались в глаза, вызывая соответствующую реакцию, карты межвоенной «Великой Румынии», включавшие междуречье Днестра и Прута. Вызывали возмущение трактовки перехода Бессарабии под румынскую юрисдикцию в 1918 г. как совершённого на основе плебисцита «великого национального воссоединения»¹⁰, равно как и замалчивание освободительной миссии Красной Армии в 1944 г. В музее Михая

8 E. NEGRU, GH. NEGRU, *“Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studii și documente* (Chișinău: Academia de Științe a Moldovei, 2013).

9 AOSPRM. F.51. In. 52. D.73. F. 12-13.

10 Возмущение тем большее, что они зачастую сопровождалась ссылками на цитаты из работ В. И. Ленина о праве народов на самоопределение.

Эминеску в Ботошани советские гости выражали недоумение, почему ничего не говорилось о принадлежности великого поэта к молдавскому народу (ведь этому их учили в школе). Случались и острые конфликты, когда экскурсоводы в присутствии советских ветеранов войны (а таковые были и среди бессарабских молдаван) оправдывали, если даже с оговорками и не в полный голос, нападение Румынии на СССР в июне 1941 г. необходимостью вернуть утраченные в 1940 г. исконные румынские земли.

Получив право на проведение международного конгресса историков, режим Чаушеску воспринял его подготовку как важную государственную задачу¹¹. Румынские историки, выступая «единым фронтом» и пользуясь преимуществами хозяев, должны были в своих докладах, в ходе дискуссий и в распространяемой печатной продукции донести до коллег со всего мира определенные взгляды на историю Восточной и Юго-Восточной Европы, ее отдельных регионов, на сложные взаимоотношения румын с ближайшими соседями. Все их тексты, представленные конгрессу, были заранее изучены в партийных инстанциях, а залы заседаний наводнены секуристами в штатском. Член советской делегации, крупный историк-балканист В. Н. Виноградов в своем обзоре особо отметил большую активность многочисленной румынской делегации. Перед взором участников конгресса, писал он, прошла вся история Румынии от глубокой древности до современности. Вполне понятным было стремление румын показать международному профессиональному сообществу свои достижения. Однако далеко не все представленные положения казались убедительными¹².

Дело отнюдь не ограничилось изложением румынской официальной позиции по дискуссионным вопросам, связанным с переделом в разные эпохи межгосударственных границ, с историей таких полиэтничных исторических провинций как Бессарабия, Буковина, Трансильвания, Добруджа (и соответственно обоснованием исторических прав Румынии на некоторые земли соседних государств). В спорах с

11 См. выступление Чаушеску 27 мая на совещании в связи с подготовкой конгресса: СР. ROMAN, "Directive politice privind tratarea istoriei României în vederea celui de al XV-lea Congres internațional de istorie, august 1980", *Arhivele totalitarismului*, no. 1–2 (2011), 203–214. См. также: IONUȚ-MARIAN FILIPESCU, "Între propagandă și interes academic: Al XV-lea Congres internațional de științe istorice", *Arhivele totalitarismului*, no. 1–2 (2016), 182–191.

12 См.: В. Н. Виноградов, "К обсуждению вопросов истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на XV международном конгрессе исторических наук", *Новая и новейшая история*, no. 1 (1981), 46–60.

венгерскими историками румынам предстояло отстаивать так называемую «теорию континуитета», т.е. представления о непрерывности проживания восточнороманского населения в Карпатско-Дунайском регионе со времен Римской империи. Большое внимание было уделено выявлению не только римских, но и гето-дакских корней румынской государственности и культуры¹³. 1980 год был объявлен в Румынии годом 2050-летия основания дакского централизованного государства, и на проведенную по этому поводу в самый канун конгресса, 8-9 августа большую конференцию, организованную Румынской академией, был приглашен ряд авторитетных западных ученых-антиковедов. На пленарном заседании самого конгресса в день его открытия 10 августа с докладом о румынском этногенезе выступил председатель национального комитета историков Румынии академик Штефан Пашку.

В советских дипломатических донесениях тех месяцев приводились свидетельства культа личности Чаушеску, приобретшего огромные масштабы. Это наглядно проявлялось и в уличных плакатах, и в музейных экспозициях, и в публикациях к 15-летию его прихода на высший партийный пост, в которых эта дата рассматривалась как одна из ключевых в национальной истории, начало нового «золотого века», когда благодаря «гению» Чаушеску страна смогла обрести «второе дыхание», выйдя на «самые передовые мировые рубежи». При этом в юбилейных публикациях отмечалась преемственность от национальных вождей и героев эпохи даков – Бурбисты и Дечебала к лидеру сегодняшней Румынии, «гению Карпат». Воспевание заслуг Чаушеску объявлялось органической потребностью нации, со времен Бурбисты и Дечебала, господарей Штефана Великого и Михая Храброго чествовавшей своих героев и вождей – не в силу страха перед тиранами и невежества масс, как это было присуще восточным народам, а совершенно осознанно¹⁴.

Согласно официальной мифологии, нашедшей отражение и в музейных экспозициях, Древняя Дакия, в немалой мере располагавшаяся на территории современной Румынии, позиционировалась как третий наряду с Древними Грецией и Римом центр античной цивилизации и культуры, имевший международное значение. Возведение истоков румынского этногенеза и национальной государственности на более

13 Согласно принятой в Румынии версии, румынский этнос возник в результате синтеза автохтонного гето-дакского населения с пришельцами-римлянами.

14 См. подготовленный в посольстве СССР в Бухаресте обзор румынской прессы за 1980 г. (AOSPRM. F. 51. In. 56. D.1. F. 28–39).

чем 2000-летнюю глубину создавало базу для утверждений о превосходстве «культурной модели» и государственной традиции румын над традициями и культурными моделями славян и венгров. Более того, в научной периодике и широкой прессе появлялись утверждения о том, что именно государственные образования румын становились в разные эпохи преградой, сдерживавшей экспансию мадьяр и славян, способную создать угрозы для западной цивилизации. Как отмечалось, хотя «дако-римский корпус» румынской нации и не удалось уберечь от «славянского прорыва» VI – VIII вв., а позже от венгерских и тюркских вливаний, обеспечив тем самым «чистоту расы», все-таки сохранение унаследованного от Римской империи языка, на котором были выражены «самые высокие достижения человеческого гения своего времени», позволило румынам занять совершенно особое место в Восточной Европе¹⁵. Член советской делегации член-корреспондент АН Казахской ССР Г. Ф. Дахшлейгер отметил в отчете: «вопросам румынского этногенеза, истории государственности, формирования территории было уделено большее внимание, чем они занимали в мировом историческом процессе. Причем эти вопросы освещались в докладах и выступлениях несколько упрощенно, прямолинейно, со стремлением к удревнению. Эта же тенденция ясно прослеживается в исторической литературе, в экспозициях музеев, в том числе исторических картах»¹⁶.

Вопросы подготовки конгресса не раз обсуждались на Отделении истории АН СССР¹⁷. Были приняты во внимание рекомендации посольства СССР в Бухаресте для членов советской делегации¹⁸. В посольстве считали важным, чтобы все советские участники независимо от тематики их докладов получили должную информацию о современной Румынии, ее внутренней и внешней политике, особом курсе, о состоянии советско-румынских отношений. Это позволило бы им лучше подго-

15 Ibid. Полемизировавшие с этой точкой зрения советские историки задавались вопросом, как «более передовые дако-римляне» могли заимствовать у «более отсталых славян» значительную часть терминологии, касающейся земледелия. См.: Виноградов, «/К обсуждению вопросов истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы...»

16 Архив Национальной академии наук Республики Казахстан. Ф. 11. Оп. 1. Д. 461. Л. 13. Автор выражает благодарность коллеге М. В. Ковалеву за предоставление источника.

17 Архив РАН. Ф. 457. Оп.1. Д. 722–724.

18 В нее входило более 100 историков почти из всех союзных республик, что было призвано подчеркнуть интернациональный характер советской исторической науки. Возглавить советскую делегацию должен был академик Е. М. Жуков, но он скончался в марте 1980 г. Делегацию возглавлял С. Л. Тихвинский.

товиться к полемике. В записке содержалось предложение, чтобы советские историки в споре с румынами координировали свои позиции с историками Венгрии и Болгарии, «учитывая известную антивенгерскую и антиболгарскую направленность некоторых концепций в современной исторической науке СРР»¹⁹. В то же время было признано нецелесообразным все то, что способствовало бы сближению румынских историков с западными.

В конгрессе приняло участие примерно 2700 историков из 67 стран. Хотя в разных секциях было заслушано и обсуждено более 120 докладов и сообщений, многие гости не получили возможности не только представить результаты своих исследований, но даже высказаться в прениях. В рамках конгресса по традиции прошли заседания отдельных ассоциаций и международных комиссий, объединяющих историков разных стран²⁰. На ряде секций обсуждались проблемы методологии исторических исследований. Так, в секции «Язык историка» речь шла о роли языка в описании и истолковании исторических событий, заимствовании историками терминологии других и не только гуманитарных наук, о выработке терминологии, приемлемой для историков разных стран и направлений. Стремление к использованию новых методов познания проявилось в повышении интереса к *oral history*, что также нашло отражение в программе. Новые социально-политические веяния в развитых странах предопределили повышение интереса к темам, доселе не привлекавшим слишком большого внимания на такого рода конгрессах. Так, в секции «Женщина в истории», объединившей специалистов по политической, экономической истории, исторической демографии и т.д., приняли участие и историки из СССР и восточноевропейских стран, увидев новые возможности в выявлении преимуществ социалистического строя. Отдельная секция была посвящена влиянию экологии, климатических изменений на развитие мировых цивилизаций, демографические проблемы, повышение смертности.

19 AOSPRM. F. 51. In. 54. D. 7. F. 13–19. О согласовании позиций с историками ряда социалистических стран см. также: Архив РАН. Ф. 457. Оп.1. Д. 724. Л. 85–87.

20 Ассоциация по изучению Юго-Восточной Европы, Европейская ассоциация современной истории, комиссии по истории социальных движений, церковной истории, истории городов, истории Французской революции, истории университетов, истории государственных представительных учреждений, по дипломатике, нумизматике, морской истории, истории прессы и другие. См. обзор деятельности конгресса: С. Л. Тихвинский, В. А. Тишков, «XV Международный конгресс исторических наук (Бухарест, 10–17 августа 1980 г.)», *Вопросы истории*, no. 12 (1980), 3–23.

Большое внимание было уделено проблемам истории Балкан, Центральной и Восточной Европы²¹. Одной из ключевых в работе конгресса была секция «Восточная Европа – место встречи цивилизаций». Румынские историки, следуя традициям Николае Йорги и его книги «Византия после Византии», отметили живучесть византийского наследия после падения Империи. Применительно к русским землям это проявилось в провозглашении Великого княжества Московского «Третьим Римом». Советские историки представили широкую картину культурной жизни Киевской Руси, испытывавшей как византийские, так и некоторые западные влияния при доминировании автохтонных начал²². В соответствии с доминировавшей в тогдашней советской науке позицией влияние Золотой Орды на развитие русских земель и всей Восточной Европы оценивалось однозначно негативно. Один из ключевых членов делегации СССР В. Т. Пашуто говорил о том, что благодаря издревле сложившемуся древнерусскому ядру Московская Русь сформировалась в XV–XVI вв. как прочное и по сути моноэтническое централизованное государство. Представитель Ватикана М. Скадуто выступил с докладом «Представления о Московии на Западе в XIV – XVII вв.», опираясь на воспоминания западноевропейских послов в Москве, нуждающиеся в источниковедческой критике, что дало советскому историку С. М. Каштанову основания для уточнений.

Докладчики обращались к сопоставительному анализу городов Балкан и Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. При рассмотрении роли Османской державы акцент делался на мерах (военных, социально-экономических, административных, идеологических), которые пускала в ход Порта с целью удержания под своей властью этнического, языкового, религиозного и культурного многообразия, составлявшего империю. Интеграция греческой православной церкви в систему османского господства, несколько смягчая его и примиряя христиан с этой властью, вместе с тем со временем, как это было не раз показано, стала тормозом на пути развития других национальных культур православных народов. Советские историки в споре с запад-

21 Все три доклада, зачитанных на пленарных заседаниях, были посвящены истории Юго-Восточной Европы. Проф. В. Кындя (Румыния) говорил о месте румынского народа в мировой истории, также ведя отсчет румынской государственности с гетто-дакских времен. Византинист Д. Ангелов (академик Болгарской академии наук) выступил с докладом «Болгарское государство и Европа в Средние века» на заседании, приуроченном к 1300-летию болгарской государственности.

22 З. В. Удальцова, Я. Н. Щапов, Е. В. Гутнова, А. П. Новосельцев, «Древняя Русь – место встречи цивилизаций», *Вопросы истории*, no. 7 (1980).

ными коллегами, связывавшими упадок городов (Новгорода, Пскова) с давлением централизованной власти, приводили факты, показывавшие сохранявшуюся экономическую активность русских городов даже в условиях централизованного государства. Венгерский специалист по экономической истории Ж. П. Пах выступил с докладом «Пути левантской торговли и Восточная Европа в средние века», вызвавшим оживленную дискуссию. При обсуждении проблем колонизации Северной Америки, экономических последствий открытия Америки для Европы советский латиноамериканист И. Р. Григулевич привел данные нумизматики, свидетельствующие об опосредованных торговых связях Московской Руси с испанскими колониями в Америке, что расширяло представления о масштабах мирового товарообмена в раннее Новое время.

При обращении к событиям новой истории на первый план выходили проблемы национализма. Венгерский ученый Э. Нидерхаузер призывал к более тесной увязке подъема национальных духовных культур с социально-экономическими процессами. Год проведения конгресса совпал со 150-летием революций во Франции, Бельгии и Польше, что дало повод для комплексного рассмотрения этих событий как проявлений несовершенства системы, установленной по итогам наполеоновских войн, и в то же время прелюдии революций 1848–1849 гг., и не в последнюю очередь венгерской революции. Т. М. Исламов (СССР), прибегая к сопоставительному анализу, указал на асинхронность в развитии разных народов и регионов Центральной Европы в этот период. На конгрессе были продолжены дискуссии предшествующих лет в связи со 100-летием Восточного кризиса 1875–1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г. Как отмечалось, на превращение Балкан в «пороховой погреб Европы» влияли не только соперничество крупных держав, но и гегемонистские устремления местных, национальных элит, стремившихся к округлению своих владений за счет соседей (об этом говорил советский академик А. Л. Нарочницкий, полемизировавший с сербским коллегой М. Экмечичем). Принципиальные разногласия между историками Болгарии и Югославии по македонскому вопросу в контексте сложных проблем этногенеза на Балканах вылились в очередную бурную полемику.

При обсуждении проблем экономической истории Иван Т. Беренд (Венгрия) указывал на то, что промышленный переворот, затронув в последней трети XIX в. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы, не привел к коренной ломке традиционных структур, что сказалось и на специфике межвоенных политических режимов в регионе. Румынские историки представили сопоставительный анализ аграрных

и – шире – структурных реформ, предпринятых элитами разных стран после Первой мировой войны в попытках сбить революционную волну. Иллюзии, связанные с мелкотоварным производством, не оправдались в условиях мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. В секциях по социальной истории были заслушаны представленные на широком материале сообщения по истории управления производством и трудовых отношений.

В Бухаресте в международном конгрессе исторических наук впервые участвовали историки континентального Китая, а также Вьетнама. Представители КНР распространяли свои тексты на разных языках (в том числе по таким мало изученным сюжетам, как, например, связи средневекового Китая с Византией). Большое внимание было уделено борьбе Китая за независимость в XX в., роли крестьянства как движущей силы революционного процесса в этой стране. На конгрессе рассматривались и методы колонизации Китая, место этой огромной страны в системе международных экономических связей.

Хотя атмосфера конгресса располагала к дискуссиям, перегруженность программы не всегда давала возможность им развернуться, чаще они имели место в виде последующего отклика в исторической периодике. Это касалось далеко не в последнюю очередь спорных построений румынских историков²³. Впрочем, и на самом конгрессе хватало критики румынских концепций, причем с разных сторон. Так, греческие историки скептически отнеслись к преувеличению влияния дако-гетской цивилизации на эллинский мир. Э. Нидерхаузер призвал не переоценивать роль дако-романских традиций в культурном развитии Дунайско-Карпатского региона. Некоторые западные ученые упрекали румын в приверженности устаревшему «романтическому национализму» и идеализации своего прошлого. Советский антиковед Ю. К. Колосовская на материале археологии оспорила тезис о том, что дакийская цивилизация по своему уровню резко выделялась на фоне других восточных соседей Римской империи. По ее мнению, не опирался на достаточную проработку источников и другой излюблен-

23 Так, В. Н. Виноградов, полемизируя с ними, призывал рассматривать автономию Молдовы и Валахии в составе османских владений не как некую незабываемую константу румынской истории, а в более тесной связи с конкретно-исторической обстановкой. Ограничение автономии в XVIII в. заставляло элиты этих княжеств обращаться за покровительством то в Петербург, то в Вену. Расширить автономные права княжеств удалось в XIX в. при поддержке России в условиях, когда русско-турецкие войны расшатали всю систему Османской империи.

ный тезис румынских историков – о том, что уже при Буребисте было заложено единое централизованное государство даков.

При всей остроте и политизированности некоторых дискуссий конгресс прошел без серьезных эксцессов, способных сильно ухудшить советско-румынские отношения. Можно предполагать, что румынские историки, призванные донести свою позицию до международной общности, были вместе с тем проинструктированы избегать явных скандалов. За несколько дней до открытия конгресса, 4 августа 1980 г., Л. И. Брежнев неформально принял в Крыму Н. Чаушеску. Обе стороны признали, что расхождения во мнениях не должны мешать многостороннему сотрудничеству, ибо, как заметил румынский лидер, СССР и Румыния при любых условиях останутся соседями, это реальность, не зависящая от того, что написал об общем прошлом двух стран тот или иной историк²⁴.

Чешские оппозиционеры, как остававшиеся в самой Чехословакии в условиях так называемой «гусаковской нормализации», так и эмигрировавшие после 1968 г., использовали особое положение Румынии внутри советского блока для того, чтобы в дни конгресса неформально посетить эту страну в целях расширения своих международных связей. В кулуарах конгресса распространялась продукция самиздата, эмигрантские издания, доводилась до сведения коллег информация о судьбах преследуемых историков²⁵.

Все-таки в выступлениях руководства Международного комитета исторических наук²⁶ возобладала установка на достижение консенсуса между историками разных убеждений на основе объективного подхода, которая, правда, подвергалась критике со стороны наиболее ортодоксальной части советских и восточноевропейских историков, настаивавших на недопустимости деполитизации науки, отказа от идеологической борьбы²⁷.

24 *Arhivele Naționale Istorice Centrale. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. 127/1980. F. 9.*

25 М. Гаек, *Воспоминания о чешских левых*. (М.-СПб.: Нестор-История, 2019), 335–336. Официальная делегация ЧССР представила доклад о типологии национального возрождения в странах Центральной Европы в интерпретации близкой тогдашней советской.

26 К. Эрдмана из ФРГ в качестве главы комитета сменил по итогам работы конгресса польский историк А. Гейштор.

27 В начале сентября 1980 г., подводя итоги конгресса, Отделение истории АН СССР отметило положительное значение форума. Была подчеркнута необходимость уделять большее внимание некоторым новым направлениям и методам исторической науки, получившим развитие за рубежом (и в том числе *oral history*). См.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 724. Л. 92–95.

Не успел закончиться конгресс, как внимание Чаушеску и его окружения оказалось прикованным к событиям в Польше, к начавшимся забастовкам в Гданьске. Слишком велик был страх, что румынские рабочие, недовольные наметившимся снижением уровня жизни, последуют польскому примеру. Однако в те самые дни, когда в Гданьске уже формировался забастовочный комитет, Чаушеску позволил себе закатить грандиозный банкет для участников всемирного конгресса историков. Ломившиеся от изобилия угощений столы были призваны продемонстрировать интеллектуалам-гуманитариям со всего мира процветание социалистической Румынии²⁸.

Впрочем, звучавшие на фоне польских забастовок фанфары не слишком адекватно отражали настроение Чаушеску и его окружения. Они вполне отдавали себе отчет в том, что в стране имеются силы, которые явно не против перенесения в Румынию польского сценария. Ведь публичные проявления недовольства исходили уже не только от узкого круга интеллигенции, но и от рабочего класса²⁹.

Приход к власти М. С. Горбачева и его команды застал Румынию в состоянии углублявшегося системного кризиса. В свое время, в августе 1968 г., интервенция в Чехословакии стала для Н. Чаушеску хорошим поводом продемонстрировать как Западу, так и собственному общественному мнению независимость перед Москвой. Тактика имела временный успех: благодаря осуждению акции ОВД он заработал немалый капитал как во внутривластном (укрепив режим своей личной власти), так и во внешнеполитическом плане. Впоследствии этот капитал был всецело растрочен. Постепенное ужесточение внутренней политики, усиление до совершенно грандиозных размеров культа личности, растущая неплатёжеспособность по кредитам, жесткие преследования оппозиционеров – всё это нанесло сильнейший урон репутации режима.

Режим Чаушеску пал в конце 1989 г., как прекратил свое существование в 1991 г. и Советский Союз. Освобожденные от крайностей и открытого мифотворчества прежней эпохи, базовые идеологемы национальной румынской историографии (признание государства даков одним из источников румынской государственности; теория континуитета; возведение истоков румынской духовной культуры к временам Древ-

28 Свидетельство известного российского и молдавского историка В. Я. Гросула, участника конгресса.

29 Забастовка шахтеров в Долине Жиу в августе 1977 г., попытка создать независимый профсоюз в 1979 г., завершившаяся арестом ее инициаторов.

него Рима и др.) сохраняются и сегодня. Что касается российско-румынских столкновений исторической памяти в связи с вопросами, которые были спорными в эпоху социализма, они не только продолжают, но даже обострились, ведь в отличие от времен Брежнева и Чаушеску теперь уже нет никаких взаимных союзнических обязательств и, соответственно, нет уже речи о нежелании демонстрировать всему миру непримиримые разногласия между союзническими странами по территориальным вопросам. Эти споры с российской стороны активизируются, когда в Румынии происходят новые попытки хотя бы частичного оправдания военного вторжения в СССР в июне 1941 г.

References

- Arkhiv Natsional'noi akademii nauk Respubliki Kazakhstan* (Almaty) [The Archive of the National Academy of Sciences of the Republic Kazakhstan]. F. 11. Op. 1. D. 461.
- Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 457. Op. 1. D. 722–724; F. 681. Op. 3. D. 619.
- Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova* [Archive of the Social-Political Organizations of the Republic of Moldova]. F. 51. In. 52. D. 73; In. 54. D. 7; In. 56. D.1.
- Arhivele Naționale Istorice Centrale* [The National Historical Central Archive]. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. 127/1980. F. 9.
- IONUȚ-MARIAN FILIPESCU, “Între propagandă și interes academic: Al XV-lea Congres internațional de științe istorice” [Between Propaganda and Academic Interest: The XVth International Congress of the Historical Sciences], *Arhivele totalitarismului*, no. 1–2 (2016): 182–191.
- MILOŠ HÁJEK, *Vospominaniia o cheshskikh levykh* [The Memoirs about the Czech Leftists] (Moscow – Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019)
- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* [The Russian State Archive of Contemporary History]. F. 5. Op. 60. D. 110.
- ELENA NEGRU, GHEORGHE NEGRU, “Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965 – 1989). Studii și documente [The „Special Line” of Romania and Discontent of Moscow. The Soviet-Romanian Dispute and the anti-Romanian Propaganda Campaigns in RSSM (1965–1989). Study and Documents] (Chișinău: Academia de Științe a Moldovei, 2013).
- CR. ROMAN, “Directive politice privind tratarea istoriei României în vederea celui de al XV-lea Congres internațional de istorie, august 1980” [The Political Directives on the Interpretation of the History of Romania in the Prospect of the XVth International Congress of the Historical Sciences, august 1980], *Arhivele totalitarismului*, no. 1–2 (2011): 203–214.
- A. S. STYKALIN, “Polemika sovetskogo posla i rumynskogo funktsionera (mart 1980 goda) ob osveshchenii proshlogo dvustoronnikh otnoshenii” [Controversy between the Soviet ambassador and a Romanian official (March 1980) on the coverage of the past of bilateral relations], *Slavianovedenie*, no. 1 (2017): 12–30.
- S. L. ТИХВИНСКИЙ, V. A. ТИШКОВ, “XV mezhdunarodnyi kongress istoricheskikh nauk (Bukharest, 10–17 avgusta 1980 g.)” [The XVth International Congress of the Historical Sciences (Bucharest, 10–17 august 1980)], *Voprosy istorii*, no. 12 (1980): 3–23.

Z. V. UDAL'TSOVA, IA. N. SHCHAPOV, E. V. GUTNOVA, A. P. NOVOSEL'TSEV, "Drevniaia Rus' – mesto vstrechi tsivilizatsii" [The Ancient Rus' – a meeting place of civilizations], *Voprosy istorii*, no. 7 (1980).

V. N. VINOGRADOV, "K obsuzhdeniiu voprosov istorii narodov Tsentral'noi I Iugo-Vostochnoi Evropy na XV mezhdunarodnom kongresse istoricheskikh nauk" [Regarding the Discussion of the Questions of the History of the Peoples of the Central and South-Eastern Europe at the XV International Congress of the Historical Sciences], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 1 (1981): 46–60.

MIROSLAV DANIŠ

COMMUNICATION BETWEEN SLOVAK AND SOVIET HISTORY STUDIES IN THE YEARS 1945–1989 (INSTRUMENTALIZATION, STAGES OF DEVELOPMENT, RESEARCH TOPICS)¹

In this study, we have outlined some aspects of the broad and unresolved issue of the development of Slovak (Czech) history studies in the second half of the 20th century, a discipline which was marked by the birth and fall of one of the world's bipolarities and which also manifested itself in the academic world as a confrontation between two diametrically opposed worldviews and methodologies. From the late 1940s, the almost regular missions of Soviet Marxist historians to Czechoslovakia, especially to universities in Prague, Brno, and Bratislava, contributed significantly to the instrumentalization of Marxist-Leninist methodology in Slovak history studies. The character of these missions gradually changed. Initially, they were more didactic, methodological, and educational in nature, but later they took on the content and forms of academic cooperation at the level of research in the archives and the organization of joint conferences. From the 1960s, they were characterized by the creation and joint work of the Czechoslovak-Soviet commission of historians within the academies of sciences (followed later by the Czech-Russian, Czech-Ukrainian, Slovak-Russian and Slovak-Ukrainian Commissions of Historians). In the 1970s and 1980s, Slovak history studies gradually expanded its contacts to include cooperation with a number of Soviet universities and several departments of the USSR Academy of Sciences (especially the Institute of Slavic Studies in Moscow). We use individual examples to show how the so-called "old school of positivist historians" coped with the advent of new social conditions and with the application or rejection of the new Marxist interpretation of history. We define individual stages of development in the application of Marxist-Leninist methodology. After 1989, many, especially influential Slovak historians, pointed out and continue to point out all the pitfalls and unresolved issues in the field of knowledge and understanding of the methodology and mechanisms of the study of history in the second half of the 20th century in the spirit of Marxism-Leninism in all its manifestations and forms.

Keywords: Slovak historical scholarship; historiography; Marxist-Leninist historical interpretation; scholarly communication; Soviet-Czechoslovak scholarly relations.

Miroslav Daniš – Professor of World History, Department of General History, Faculty of Arts, Comenius University in Bratislava. E-mail: miroslav.danis@uniba.sk. ORCID: 0000-0003-4090-5579

¹ *Citation: MIROSLAV DANIŠ, "Communication Between Slovak and Soviet History Studies In The Years 1945–1989 (Instrumentalization, Stages Of Development, Research Topics)", RussianStudiesHu 8, no. 1 (2026): 151–168. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.9*

After World War II, international agreements between the superpowers created a bipolar world. Countries that fell within the sphere of influence of the USSR and began to form the so-called socialist bloc came under its direct ideological influence not only in terms of domestic and foreign policy, economic and military structure, but also in the areas of culture, education and scholarship. After 1945, therefore, young Slovak historiography was developing amid complex conditions shaped by domestic and world events, conditions which intensively influenced the transformations of our society. The generation of historians emerging at that time had to come to terms with and, in most cases, reconcile themselves to the codification of Marxism as the only binding scholarly, ideological, and methodological platform in historiography (as well as in other disciplines). It had to participate in the distortion of social and historical consciousness, a process often contrary to the ethics of scholarly work, scholarly knowledge and cognition, but contrary also to its own convictions. From the late 1940s onwards, historians began and ended their material studies, which were often based on the interpretation of archival research, with a mandatory section of quotations from the classics of Marxism-Leninism. Gradually, as time passed and the political regime in which one party played the leading role grew stronger, these quotations were supplemented by increasingly abundant opinions (prescribed by the authorities) on key events. There was an increase in the amount of distortion, misinformation, and speculation in discussions of the relationships between historical phenomena, about which no one was interested in—or allowed to be interested in—gathering objective knowledge.²

The historiography of this period was a closely monitored and perhaps the most regulated social science discipline. The topics it addressed were predetermined, and it was required to give priority to certain themes. These topics included class struggles, revolutionary struggles, progressive traditions, the history of the labor movement, and the history of the ruling party (a topic which began to receive excessive attention), while their interpretation was guided by Marxist methodology and its exceptional position in both national and world history. In the course of historical research, so-called blank spots in historical development soon emerged which were deliberately concealed and circumvented (e.g., the history of religious life, the history of churches, and several important

2 LUBOMÍR LIPTÁK, "Poznámky o historiografii novších dějín", *Historický časopis* 38, no. 5 (1990): 690.

historical figures). However, it is to the credit of many Slovak historians that they interpreted several research topics on the basis of objective knowledge, drawing on a broad range of sources. This applied in particular to older Slovak and general history, including the processes of national revival in the 19th century.³

A certain thaw or deviation from the strictly Marxist interpretation of history studies occurred in the 1960s, when reform efforts to give socialism a human face gradually increased, not only on a social level, but also in the academic world and its attempts at new methodological approaches. In 1968, even before the arrival of the allied armies of the Warsaw Pact, in an atmosphere of revival fostered by Dubček, a congress of historians was held in Martin, Slovakia. For the first time since the end of World War II, historians here spoke without external or internal censorship about all the issues and problems of dogmatically developing Marxist academic thought, its methodology, and its attempts at new methodological approaches as well as the changes necessary in the development of society as a whole.⁴ In his keynote speech at the conference, historian Lubomír Lipták presented an excellent analysis of Stalin's concept of historical development and its abuse and adaptation to the current needs of the ruling elites. He pointed out how, in the 1950s and 1960s, Slovak historiography, as yet underdeveloped, was distorted by the Marxist concept of interpreting Slovak history, its individual stages of development, phenomena, and personalities.⁵ The paper was analytical not only in relation to the period before 1968 but also had something to say to contemporary historians.⁶

After 1968, the process of revival was halted and from the early 1970s the period of normalization saw the reintroduction of the very strict and rigorous methodological boundaries of Marxist-Leninist scientific interpretation. Lubomír Lipták and the entire group of historians who were involved in the struggle for the de-Stalinization of Slovak historiography were ostracized by the power structures of neo-Stalinist dogmatic Marxism

3 LUDOVÍT HARAKSIM, "Úlohy slovenskej historickej spoločnosti pri spracúvaní novších dejín", *Historický časopis*, 38, no. 5 (1990): 685.

4 However, the materials from the conference were not published, except for the main conference paper by Lubomír Lipták, a leading researcher at the Historical Institute of the Slovak Academy of Sciences, in the first issue of "Historický časopis" in 1969.

5 JÚLIUS MESÁROŠ, "O zástojoch mojej generácie na povojnovom vývoji slovenskej historiografie", *Historický časopis*, 38, no. 5 (1990): 682.

6 LUBOMÍR LIPTÁK, "Postavenie historiografie v našej spoločnosti", *Historický časopis*, 17, no. 1 (1969): 98–118.

until 1989, especially within the framework of official history studies. While in the Czech scientific community, all the historians who had chosen to speak out against the imposition of Marxist academic theories were made redundant and forced without exception to work in manufacturing, in Slovakia, academics, including historians, were given the chance to retain their profession and work within the field they were qualified for, albeit within strictly defined limits. Most were placed as employees in libraries or regional cultural institutions. If they remained in their original positions, it was only as specialist staff without the opportunity to lecture. This is one of the reasons why, during the years of “consolidation” (the 1970s and 1980s), the activities of the illegal anti-régime intelligentsia were much more active and productive in Slovakia than in the Czech Republic.

Relaxation of the sociopolitical conditions imposed during the “consolidation” period in the 1970s and 1980s finally began during the period of perestroika in the Soviet Union. However, even at this time, academic history studies did not allow for any deviation from the Marxist interpretation. It did, however, emphasize possibilities for development and change. The 9th Congress of the Slovak Historical Society in 1986 was held in this spirit.⁷ Historical works by Slovak historians that were not theoretically based on Marxist methodology were common at the time, but in the official academic historical-scientific environment, they were considered a history that such authors understood descriptively and without the application of theory. Their works were perceived as material studies of both regional and central provenance and unsuitable for publication in the Slovak Academy of Sciences’ journal *Historický časopis* and other important academic periodicals.⁸

One mechanism for promoting the methodology of Marxism-Leninism in the fields of education, academic study and culture was the active expansion of professional contacts between academics from individual socialist countries and scholars and academic institutions in the USSR. After 1945, we see an increasing interest among Soviet academics in giving lecture tours in socialist countries.

Even before the establishment of the academic and research institutions of the Czechoslovak Academy of Sciences (and also of the Slovak Academy of Sciences, hereinafter referred to as SAV) in 1953, the

7 SAMUEL CAMEL, “Hlavné metodologické otázky slovenských dejín”, *Historický časopis*, 35, no. 1 (1987): 30–56.

8 CAMEL, Hlavné metodologické otázky, 31.

Czechoslovak-Soviet Institute was established in 1950 with the task of acquiring and disseminating the results of Soviet scholarship.⁹ Its platform was the periodical *Sovětská věda* [Soviet Scholarship], which was divided into several specialist sections. The history section, as part of the social sciences, was published every two months, and in his introductory letter outlining the mission of the institute and the journal, the President of the Czechoslovak Republic, Klement Gottwald stated “that [they] had the important task of mastering the results of the most advanced scholarship in the world, Soviet scholarship, and of working in close alliance with it”.¹⁰

This basic thesis was then supported in the introductory papers by one of the authorities of emerging Marxist historiography in our country, Zdeněk Nejedlý, and on the Soviet side by academician Boris Dmitrievich Grekov, who was at that time on a lecture tour in Czechoslovakia. The first issues of this periodical published the most important Marxist textbooks by Soviet historians, ethnographers, archaeologists, and others. The journal featured works in the field of Marxist methodology, translations of works by Soviet historians from specialized Soviet historical periodicals, historiographical overviews, and information on developments in the Soviet study of history. Its task was to shape Czech and Slovak scholarship in the spirit of Marxist-Leninist philosophy and methodology. Gradually, Slovak and Czech Marxist historians, who were already opinion leaders at the time, began to publish here and soon rose to leading and most important positions in historical departments at both universities and academies (a similar process can be observed in other academic disciplines).

We learn about several visits by Soviet academics to the Czech Republic and Slovakia in the early 1950s mainly from the first issues of the journal *Soviet Scholarship* and later also from other Slovak and Czech periodicals, which regularly published articles on all academic achievements or about academic events. In November 1951, Prof. Petr Nikolayevich Tretiakov,

9 See: LENKA VLČKOVÁ KRYČEROVÁ, “Studium dějin Ruska a SSSR v Československé akademii věd 1950–1969. Československo-sovětský institut a Ústav dějin evropských socialistických zemí”, *Slovanský přehled*, 101, no. 2 (2015): 319–357. A distinctive example of ideological expansion was the attempt by Soviet historians to review a Czechoslovak history textbook in 1953. See in more detail: ВИКТОРИЯ С. ГРУЗДИНСКАЯ, “В пространстве социалистической науки: обсуждение чехословацкого учебника по истории (1953 г.)”, *Электронный научно-образовательный журнал “История”* 13, no. 4 (2022): URL: <https://history.jes.su/s207987840021118-8-1/> <https://doi.org/10.18254/S207987840021118-8>

10 KLEMENT GOTTWALD, “Dopis prezidenta republiky Klementa Gottwalda Československo-sovětskému institutu”, *Sovětská věda. Zprávy Československo-sovětského institutu. Oddělení historie*, 1–2, no. 1 (1950–1951): 1.

a prominent Soviet academic, visited Czechoslovakia as part of the Czechoslovak-Soviet Friendship Days. He lectured at Charles University in Prague, Masaryk University in Brno, and the Slovak University in Bratislava.¹¹ In addition to specialized lectures on Soviet archaeology and historical science, he gave a methodological lecture at the University of Political and Economic Sciences in Prague on the topic “The significance of J.V. Stalin’s works on Marxism in linguistics for history studies”.¹² At the turn of 1951–1952, Galina Petrovna Chekanova from what was then Leningrad, a researcher at the local branch of the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences, and Semyon Voktorovich Shukhardin, who was particularly interested in research into mining and industrial technology in Slovakia, both visited Czechoslovakia.¹³ In 1952, Ivan Mitrofanovich Klimov from Kazan State University visited Czechoslovakia and, over the course of two months, gave lectures at almost all the universities and important academic institutions in the country, including the history departments of the Faculty of Philosophy at the Slovak University in Bratislava.¹⁴ As we can read in the report on his activities, his work consisted not only of lectures, but also methodological consulting on the working methods of individual historical institutions in Bohemia and Slovakia.¹⁵ Between 1949 and 1953, Soviet historian and slavist Ivan Ivanovich Udaltsov made several working visits to Czechoslovakia. His activities and cooperation with Czechoslovak history studies contributed significantly to the beginnings of the development of post-war Czech and Slovak Slavic studies and to cooperation with the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences and the Department of Southern and Western Slavs of the Faculty of History at Lomonosov University in Moscow. For example, one of the

11 In 1954, the Slovak University was renamed Comenius University, the name it had borne from its founding in 1919 until 1938.

12 All three lectures, as well as the ceremonial speech at the event in Banská Bystrica during the Czechoslovak-Soviet Friendship Days (November 22, 1951), were published in the journal *Sovětská věda*. Tretiakov gave his first lecture in Brno, his second in Prague, and his third in Bratislava. In Slovakia, in addition to lecturing at the University in Bratislava, he visited a number of Slovak towns and villages and took an interest in archaeological field research.

13 PAVOL HORVÁTH, “Návštevy sovietskych historikov na Slovensku”, *Historický sborník*, no. 10 (Bratislava, 1952): 491–492.

14 IVAN M. KLIMOV, “Klasikové marxizmu-leninizmu o historické vėde”, *Sovětská věda, Historie*, 4, no. 3 (1954): 309–321.

15 Klimov’s lectures focused on key topics in the history of the USSR (the October Revolution, the Civil War, World War II). See: DIMITRIJ KRANĎALOV, KAREL HERMAN, “Přednášky docenta I. M. Klimova v Československu”, *Sovětská věda*, 2, no. 5 (1952): 685–690.

first Slovak historians to complete a postgraduate degree in Slavic studies in Moscow was Dr. Vladimír Matula. He personally met Udaltsov during his visits to Slovakia in 1949–1953 and it was from him that he received an offer to continue his studies in the Soviet Union. Matula subsequently became the most prominent figure in post-war Slavic studies in Slovakia and held a number of important academic management positions until 1989. Visits by prominent Soviet historians from various universities and academic research institutions (especially the Institute of Slavic Studies) continued intensively until 1989. However, their character and content gradually took on a professional, thematic, and research nature.

It is interesting to observe how the content focus of the periodical *Soviet Scholarship* changed in the early 1950s in terms of the authors that contributed to it over the course of the two to three years of its existence. The first two issues mostly feature lectures and translations by influential Soviet Marxist historians, many of whom visited Czechoslovakia during those years and methodically guided the future of Czechoslovak history studies in the spirit of Marxist-Leninist methodology and interpretation of history. By the fourth year of *Soviet Scholarship*, contributions to the journal came predominantly from a new generation of Czech and Slovak Marxist historians.

The work of historians of the so-called old school was not confined in Slovak and Czech historiography to the first half of the 20th century. Many of them continued to produce scholarly work for several decades in the second half of the 20th century, treading a delicate line between the firm party position and their more traditional academic practice. This was tolerated and their work published even in extremely politicized periodicals such as *Soviet Scholarship*. Their place on the history studies scene ultimately helped to reflect other approaches in Slovak and Czech historiography, especially the positivist approach. Of course, in this form, it could only be accepted in the context of research into the earliest periods of history, including antiquity and the Middle Ages, and its authors certainly could not hold any managerial or leading positions in the domain of academia or the academic community. Rather, they were academics who worked in the seclusion of archives and various regional institutions, or retired representatives of the “old school”. It should be noted, however, that since the late 1970s, Marxist works with a deep academic and research background (as if they were a syncretism of various methodological approaches), whose informative value is still valid in many respects, are still cited in academic circles today.

As already mentioned, contacts with academics in the Soviet Union were an important and integral part of the international scholarly relations maintained by the Slovak academic community in the second half of the 20th century. This is clearly evidenced not only by The Slovak Academy of Sciences Archive in Bratislava, but also by the personal collections of many Slovak academics stored here. These document such contacts and provide a wealth of study material and content about them of various kinds in a variety of fields of academic research. These range from reports of individual academic events (conferences, workshops, study tours), academic and private correspondence, professional works, reviews, assessments, and expert opinions to photographic material and memoirs or travel notes from stays in the countries of the former Soviet Union. The Archive includes personalities from most academic disciplines, from the exact sciences, the humanities and the arts. These are largely the most important personalities in Slovak scholarship, who were not only opinion leaders in their respective academic disciplines; many of them also held important positions in Slovak academia and Slovak education. In international academic communication, they were present not only as authors in professional publications but also as organizers of European and world scholarship, while quite naturally relying primarily on the Soviet academic sphere.

The very establishment of the Slovak Academy of Sciences in 1953 was clearly based on Marxist-Leninist methodology and ideology (especially in the social sciences), although many of its researchers of the older generation still approached their research tasks in a more positivist manner and in the spirit of the academic schools of the period between the wars. Their research work itself provides us with sufficient evidence of this, as they literally put a wrapping of Marxism, figuratively speaking, over goods with an old date of production. At the History Department of the Faculty of Philosophy of Charles University—the most important and influential educational and academic institution (alongside the emerging Academy of Sciences, many of whose employees also worked at the Slovak Academy of Sciences)—students continued to encounter approaches to the interpretation of history other than Marxist ones long after 1945 (we can say until the old generation of historians and professors retired). Outwardly, however, they had to maintain the so-called correct line and teach core subjects mostly according to translations of Soviet textbooks. In the 1960s, a certain change and relaxation occurred in the application of the strict Marxist interpretation of history in Czechoslovakia. This relaxation was eventually halted after “normalization” in the early 1970s, when there was

a return to the firm course of the official state line. What's more, it was in the 1970s that new institutions began to emerge, focused on strengthening Marxist scholarly methodology. However, we have several examples even from this period of how some experts of the so-called old school, who were still working in the older establishments, helped to mitigate the consequences of "normalization" in the early 1970s with their natural and academic authority.¹⁶

One such figure is Professor Branislav Varsík, who at that time was working as a non-member of the Communist Party at the Department of World History at the Faculty of Arts of Comenius University in Bratislava.¹⁷ Prof. Varsík was a great support to the Department of World History, which was officially established at the Faculty of Arts of Comenius University in 1964, and as head of the department (1968–1973) he was an important and stabilizing factor during the difficult years of "normalization". It was certainly not easy to protect a young academic discipline amid numerous political and party struggles over the authenticity and orthodoxy of people and ideas. In subsequent decades, many people took credit for saving this or that. However, Professor Varsík, a modest, principled professor of modern general history with a firm academic grounding, definitely deserved more credit than he was given later (he retired in 1974). Perhaps it was his tendency to be absent-minded and seemingly inattentive, even careless in some matters that led him to overlook the official political line, something that helped his institution survive the difficult years of "normalization" with minimal repercussions. Professor Varsík was prepared to defend high-quality academic postulates even during this period. He had grown up academically and methodologically in the tradition of objective positivist historiography that belonged to the period of the first Czechoslovak Republic, and he maintained this tradition, with minor obligatory modifications, even during the period of Marxist interpretation of history. One can agree with Ján Mylnárik's statement that it was thanks to Varsík, who guided his students in the study of older general and Slovak history in a similar spirit, that the first

16 For more information on the perception of Soviet historiography in the memoirs of Czechoslovak historians of that time, see: ВИКТОРИЯ С. ГРУЗДИНСКАЯ, СЕРГЕЙ О. НАЗАРОВ, "Вместе боролись, вместе строим!" Образ советизации и СССР в мемуарах чехословацких историков второй половины XX в.", *Диалог со временем*, no. 89 (2024): 351–367. <https://doi.org/10.21267/aquilo.2024.89.89.024>

17 MIROSLAV DANIŠ, "Branislav Varsík v kontexte všeobecných dejín na Slovensku", *Acta historica neosoliensia*, no. 9 (2006): 271–277.

two volumes of the synthetic history of Slovakia from the 1980s are solidly and professionally written and that their interpretations of history are free from deep and fundamental Marxist distortions.¹⁸

An interesting example of the old school of historians and their efforts to adapt to Marxist-Leninist methodological trends after 1945 under the influence of the new sociopolitical situation is Professor Eugen Perfetzky, a Russian post-revolutionary émigré.¹⁹ After 1945, Perfetzky worked intensively on his synthetic and academic work on the history of medieval Russia, which he intended to go into multiple volumes. In the first part, he focused on the earliest period of Russian history, approximately until the end of the 13th century.²⁰

The fact that he began to prepare this work intensively for publication and devoted himself to preparing the manuscript for printing after 1945 is also evidenced by his correspondence with Vladimir Ivanovich Picheta, an academician of the USSR Academy of Sciences, who at that time was head of the Department of Southern and Western Slavs at the Faculty of History of Lomonosov University in Moscow (from 1939 to 1947 until his death on June 23, 1947).²¹

After World War II, based on Perfetzky's more intensive communication with several historians, including those in the Soviet Union, as well as developments in postwar Czechoslovakia, he began increasingly to incorporate elements of Marxist-Leninist philosophy into his works as a methodological foundation. This Leninist philosophy, in most cases, appeared in his works only as an obligation to be in harmony with the times of which he was a part. It is not easy to understand how a historian who adhered to positivism throughout his life and not only grew up with it but also worked among such historians throughout his life could adopt such an approach. We can find such like-minded colleagues at, for example,

18 JÁN MLYNÁRIK, *Českí profesori na Slovensku I. (Českí profesori a ich slovenskí žiaci na Univerzite Komenského v rokoch 1919–1949)*. (Prague: Danubius, 1994): 175.

19 See: MIROSLAV DANIŠ, "Evgenij Julianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy", *Acta historica Posoniensia*, no. 29 (Bratislava: Stimul, 2015): 20–28; IDEM, "Profesor Eugen Perfeckij na Ukrajine a jeho študijno-výskumné cesty po Podkarpatskej Rusi", *Историчний часопис з богемістики і словачістики*, no. 10 (2024): 84–106; ĽUBICA HARBUĽOVÁ, „Ruskí slavisti-emigranti a medzivojnové Slovensko“, *Slovenské štúdie* 81, no. 1 (1995): 44–50; EADEM, "Jevgenij Julianovič Perfeckij", *Osobnosti politického exilu z Ruska na Slovensku v rokoch 1920–1945*, ed. Ľ. HARBUĽOVÁ (Prešov: Faculty of Arts, University of Prešov, 2015), 109–115. EADEM, *Ruská emigrácia a Slovensko. Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939* (Prešov: FF PU, 2001).

20 MIROSLAV DANIŠ, *Eugen Perfeckij a jeho stredoveké dejiny Rusi* (Bratislava, Hlbiny, 2024).

21 *Архив Российской академии наук*, ф. 1548, оп. 3, д. 160, л. 1–4 об.

the Department of History at the University of Bratislava: D. Rapant, B. Varsík, A. Húščava, and some Czech historians, such as V. Ondrouch and J. Macúrek). It is not easy to understand Perfetzky's stance, but it does have its own logic.

Throughout his life, Perfetzky identified with his Ukrainian-Russian identity, which he loved and was devoted to in his life and work, and he always wanted to present his findings objectively and in a scholarly fashion, based on sources. After 1945, as the victor of World War II, the Soviet Union definitively convinced Perfetzky that the direction of historical development that it, as a superpower in Europe, represented at that time was irreversible. It was not unacceptable, therefore, for Perfetzky to accept or begin to learn what Marxism was and how it explained historical development. On the contrary, he began to apply it in his works, and it was precisely his synthetic work on Russian history that became Perfetzky's first major experiment in the methodological application of Marxism. However, it must be said that this work was not well received, which was a good thing, because the work is essentially a high-quality positivist work with minor traces of Marxist interpretations, especially in the parts dealing with social unrest or social movements.

In order to understand Perfetzky's Marxism during this period, it can be useful to examine the personality of Arkady Lavrovich Sidorov, among others.²² Sidorov was one of those historians who, through visits by Soviet historians (Marxists) to individual academic institutions and universities, through his lectures, and through the establishment of academic contacts, was supposed to convince the then still relatively numerous group of so-called "bourgeois" academics to abandon their markedly positivist, interpretation of history. For example, we have a report dating from the

22 Personal relations with A. L. Sidorov in the later period (1960s) were also maintained by Prof. Samuel Cambel, professor at the Department of History, who was on a research internship at the Faculty of History, Moscow University in the spring of 1964 and devoted himself to academic problems of Soviet history, questions which were also very close to the heart of Prof. Sidorov (e.g., pre-revolutionary history of Russia and the period of the Russian Revolution). Prof. Cambel is an exemplary figure in Slovak history studies who, thanks to his firm Marxist platform, was the most important defender of the so-called "correct line in the spirit of Marxism-Leninism and the leading role of the Communist Party in society" from the 1970s until 1989, both at the university and at the Academy of Sciences (*Archív Slovenskej akadémie vied*. Fond S. Cambel. Škatuľa 14. Inv. č. 344). On Sidorov's contacts with historians from other countries of the region, see: Виктория С. Груздинская, Александр С. Стыкалин, *Будапештская осень профессора А. Л. Сидорова: советской историк в водовороте Венгерской революции 1956 года* (Саратов: Техно-Декор, 2024).

beginning of 1947 which states that Prof. Sidorov completed a study and lecture tour in Czechoslovakia. He also visited Bratislava and lectured at the University of Bratislava. In his report on this academic mission, he noted that many Russian émigrés had joined the Communist Party—for example, Eugen Perfetzky at the University of Bratislava, around whom professional forces were gathering. At that time, Professor Perfetzky was the dean of the university's Faculty of Philosophy, and we attribute his party membership to two factors. As an émigré, he feared that after the Soviet Union strengthened its position in Central Europe, he could become a target for liquidation, and at the same time, his firm belief in the power of Russia and Slavic cooperation ultimately identified with the methodology of Marxism, which was represented in academia by one of the powers that had been victorious in the fight against fascism.

In terms of the application of Marxism in Perfetzky's work, there is a certain methodological looseness and ambiguity, especially in the use of state-legal terms such as tribe, nation, state, empire, people, assembly, citizen, which he often uses interchangeably and sometimes perceives as synonyms. This is not only a result of the historiographical discourse of the time, but also a reflection of the intellectual and ideological struggle of the scholar's own identity, his human condition, and the environment in which he had lived for more than twenty years. While working with sources and relying on the research done by academic authorities of the so-called positivist type of Russian and European historiography, his arguments and logic of interpretation were of the highest quality and even came up with very interesting and original new research conclusions. As soon as he embarked on constructing a class-based and Marxist view and justification of historical phenomena, however, his arguments became static and schematic, and it even seemed as if he did not understand their essence. Fortunately, there are only a few such so-called Marxist inputs in his work on Russian history, and they do not essentially diminish the quality of Perfetzky's archival research.

The schematism of Perfetzky's Marxism is evident, for example, in his interpretation of social relations. When explaining the economic and social factors in the development of ancient Russian society, Perfetzky tried to incorporate elements of Marxist methodology into his interpretation, but he consistently retained older interpretations of the development of commercial, economic, and social relations and ties in his text. He attempts to support his points with references to Friedrich Engels' work,

but the result is that his argumentation feels contrived and distorted. Perfetzky had read Marx and Engels, as well as Lenin's work on the state, but evidently, having lived in interwar Czechoslovakia or traveled abroad in Central and Western Europe, he did not understand the mechanisms of the functioning of the social organism in the conditions of the socialist USSR and the application of Marxist ideology in practice.

In so far as it traces the journey of an excellent positivist historian towards Marxism, the aforementioned work by Perfetzky is a very interesting illustration of the transition of Central European positivist history studies towards the Marxist methodology of the interpretation of history. (There were further similar examples in the Slovak academic environment, such as Varsík and Húščava.) Such a transition from positivism to Marxism was in reality not possible, and so these historians essentially remained positivists, using a certain schema of Marxist interpretation. Perfetzky died in 1947, so he no longer had to work his way through Marxism, but the example of Varsík, who survived the entire period of the dominance of Marxist methodology, is particularly interesting. As a positivist, he occasionally included quotations from the classics of Marxism-Leninism in his texts. Since he lived to see the events after 1989, he managed for a while to return to his old interwar or, as Marxism put it, "bourgeois" positivism. One statement by the aforementioned Prof. Varsík was well known to historians of the old school, the so-called positivist-Marxists, and was characteristic of the years 1945–1989: "I'll embellish the work a little with quotations from Marx, Engels, and Lenin, and it will be fine".

The foundations of Marxist history studies were laid in Bohemia and Slovakia from the early 1950s. Creative scholarly analysis and synthesis of individual problems were replaced by quotations from Joseph Stalin and the classics of Marxism-Leninism. It was a period which saw the gradual assimilation of the theory and methodology of Marxist scholarship. This type of scholarship was much more developed in Soviet history studies after 1945 and it became a model for the development and improvement of history studies in Bohemia and Slovakia, as opposed to Western European history studies, which was considered and defined as bourgeois. However, there were a few Marxist historians who were, in some respects, acceptable to our discipline. For example, the methodology of Max Weber's history, the Annales school, etc. was respected but problematic. As early as this period, a team of researchers from the Historical Institute of the Slovak Academy of Sciences, led by Ľudovít Holotík, were developing the theses of

the first Marxist synthesis of Slovak history. In 1955, these were published as a supplement to the periodical *Historický časopis*,²³ and in 1961, they were published in book form as the first Marxist history of Slovakia,²⁴ which was modified several times in later years.²⁵ During this period, the smuggling of unorthodox facts, ideas, and documents into the flood of official Marxist scholarship was like a small victory for the anti-régime activities of part of the historical community and provided encouragement for the future. Anti-régime historiography also existed during this period, but it manifested itself only to a minimal extent, with negligible social impact. Certain overlaps between official Marxist scholarship and the ever-persistent views of the old school and positivist approaches to research in Slovak historiography are also evidenced by a 1961 collection of papers on current issues in Slovak historiography, which were presented at the 1959 congress of the Slovak Historical Society. Alongside orthodox Marxist historians (L. Holotík, M. Gosiorovský), historians such as Varsík, Lipták, and Húščava presented their views.²⁶

The 1960s saw growing deviation from classical Marxist methodology. Historical topics began to be raised that were perceived by Marxist science as “harmful:” the issue of the so-called “Masaryk and Štefánik legends,” the establishment of the first Czechoslovak Republic and its interwar development, the Slovak State, the People’s Party and political Catholicism in 1939–1945, etc. It is interesting that it was during this period of liberalization and renewal in the Czechoslovak Socialist Republic that the Czechoslovak-Soviet Commission of Historians was established in 1967 at the Czechoslovak Academy of Sciences and the Soviet Academy of Sciences.²⁷ This was agreed upon by delegations of leading representatives

23 ĽUDOVÍT HOLOTIK A KOL., *Dejiny Slovenska (Tézy), Príloha Historického časopisu*, sv. 3, Bratislava: SAV, 1955).

24 This edition from the early 1960s was still influenced by the old school of historians (B. Varsík, D. Rapant) and thus, after the period of “normalization” in the 1970s, it became unsuitable from the perspective of the official Marxist methodology of history. HOLOTIK A KOL., *Dejiny Slovenska I.–II.* (Bratislava: SAV, 1961).

25 The last Marxist academic edition of the *History of Slovakia* was published in the early 1980s in five volumes. The final, fifth volume was published in 1985: SAMUEL CAMBEL A KOL., *Dejiny Slovenska V. (1918–1945)* (Bratislava: Veda, 1985).

26 ĽUDOVÍT HOLOTIK A KOL., *Úlohy slovenskej historickej vedy v období socialistickej výstavby*, ed. L. HOLOTIK (Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1961).

27 On the establishment of the commission and its activities, see: ВИКТОРИЯ С. ГРУЗДИНСКАЯ, КСЕНИЯ В. САК, “Комиссия историков СССР и ЧССР: специфика создания и деятельности в 1960-е годы”, *Новая и новейшая история*, no. 3 (2023): 154–168. <https://doi.org/10.31857/S013038640025914-3>

of the Czechoslovak Academy of Sciences and the USSR Academy of Sciences in 1966, based on their experience of cooperation in the preparation of a three-volume history of Czechoslovakia, which was published in Moscow. The commission's tasks included mutual cooperation, discussions on theoretical and methodological issues of history studies, organizing conferences, research, and publishing archival documents. After the first two meetings of the commission, which were held once a year, the commission's work was interrupted due to the events of 1968 and resumed in 1971, after the "normalization" of conditions in the Czechoslovak Socialist Republic and the return to the orthodox Marxist-Leninist political line.²⁸

During the period of "normalization" (1970s–1980s), official academic history studies returned to strict Marxist-Leninist theoretical foundations. These developed in strongly critical opposition to Western European "bourgeois" historiography, especially in terms of the interpretation of facts, their generalization, and questions of historical concepts. The year 1989 brought a significant change, an increase in the plurality of opinions and research, which is beneficial for every academic discipline, but is not a guarantee of its quality and qualitative growth. Such growth requires continual study of archives, rigorous heuristics, and interpretation based on precise knowledge of the historiography of the subject under study, with the aim of being as objective as possible and maintaining an awareness of the plurality of opinions.

In this study, we have outlined only some aspects of the very broad issue of the development of Slovak (Czech) historical science in the second half of the 20th century, a question which remains open, and which was marked by the birth and fall of one of the world's bipolarities and which also manifested itself in scholarship as a confrontation between two diametrically opposed worldviews and methodologies. There is still much unexplored material, therefore it is impossible to draw definitive conclusions and arrive at satisfactory scholarly theorems about truth and falsehood. Since 1989, many influential Slovak historians have pointed out and continue to point out all the pitfalls of such research and the questions that remain open in the field of knowledge and understanding of the methodology and mechanisms of history studies in the second half of the 20th century in the spirit of Marxism-Leninism in all its manifestations

28 Евгения А. Дудзинская, *Международные научные связи советских историков* (Москва: Наука, 1978), 101–104.

and forms.²⁹ As an example, I can cite the fact that post-socialist society, which survived almost half a century in the whirlwind of Marxist-Leninist orthodoxy, after breaking free from its shackles, does not even bother to teach Marxism-Leninism as a compulsory subject in higher education institutions with full methodological seriousness, and makes no effort to understand either any of its objective causes or the consequences that it brought and which are still evident in many ways in our society. These consequences are still firmly ingrained in the subconscious of post-socialist societies, as is the idea that extreme forms of political systems are a constant danger not only for the former Eastern Europe but for the entire global world.

References

Archív Slovenskej akadémie vied [Archive of the Slovak Academy of Sciences]. F. Samuel Cambel. Škatuľa 14. Inv. č. 344.

Arkhiv Rossijskoi Akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences in Moscow], F. 1548, Op.3, D. 160.

JOZEF BAĎURÍK, "Historik, jeho tvorba a problémy na prelome tisícročia" [The Historian, His Work, and Problems at the Turn of the Millennium], *Historický časopis*, 50, no. 1 (2002): 27–33. VALERIÁN BYSTRICKÝ, "K niektorým problémom vývoja historiografie na Slovensku v 90. rokoch 20 storočia" [On Certain Problems in the Development of Slovak Historiography in the 1990s], *Historický časopis*, 50, no. 1 (2002): 10–19.

SAMUEL CAMBEL, "Hlavné metodologické otázky slovenských dejín" [The Main Methodological Issues of Slovak History], *Historický časopis*, 35, no. 1 (1987): 30–56.

SAMUEL CAMBEL A KOL., *Dejiny Slovenska V. (1918–1945)* [History of Slovakia, Vol. V: 1918–1945] (Bratislava: Veda, 1985).

MIROSLAV DANIŠ, "Branislav Varsík v kontexte všeobecných dejín na Slovensku" [Branislav Varsík in the Context of General History in Slovakia], *Acta historica neosoliensia*, 9 (2006): 271–277.

MIROSLAV DANIŠ, "Evgenij Iulianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy" [Evgenii Iulianovich Perfetskii and His Contribution to the Development of Slovak Historical Scholarship], *Acta historica Posoniensia*, no. 29 (2015): 20–28.

MIROSLAV DANIŠ, "Profesor Eugen Perfeckij na Ukrajine a jeho študijno-výskumné cesty po Podkarpatskej Rusi" [Professor Eugen Perfetskii in Ukraine and His Study and Research Trips across Subcarpathian Rus'], *Istorychnyi chasopys z bohemytyky a slovakistyky*, no. 10 (2024): 84–106.

29 For example: J. BAĎURÍK, "Historik, jeho tvorba a problémy na prelome tisícročia", *Historický časopis*, 50, no. 1 (2002): 27–33; V. BYSTRICKÝ, "K niektorým problémom vývoja historiografie na Slovensku v 90. rokoch 20. storočia", *Historický časopis*, 50, no. 1 (2002): 10–19; I. KAMENEC, "Niekoľko poznámok o schopnosti (neschopnosti) k sebareflexii alebo naša nepripravenosť k polemickým diskusiám", *Historický časopis*, 50, no. 1 (2002): 19–24; V. VARINSKÝ, "Aktuálne problémy slovenskej historiografie po novembri 1989 (Kontroverzie z pohľadu ľudackej emigrácie)", *Historický časopis*, 50, no. 1 (2002): 34–39.

MIROSLAV DANIŠ, *Eugen Perfeckij a jeho stredoveké dejiny Rusi* [Eugen Perfeckii and His Medieval History of Rus'] (Bratislava: Hlbiny, 2024).

EVGENIIA ALEKSANDROVNA DUDZINSKAIA, *Mezhdunarodnyie nauchnyie sviazi sovetskikh istorikov* [International Scholarly Contacts of Soviet Historians] (Moscow: Nauka, 1978).

VIKTORIIA S. GRUZDINSKAIA, "V prostranstve sotsialisticheskoj nauki: obsuzhdenie chekhoslovatskogo ucebniaka po istorii (1953 g.)" [In the Space of Socialist Scholarship: The Discussion of the Czechoslovak History Textbook (1953)], *Istoriia* 13, no. 4 (114) (2022), URL: <https://history.jes.su/s207987840021118-8-1/> <https://doi.org/10.18254/S207987840021118-8>

VIKTORIIA S. GRUZDINSKAIA, KSENIIA V. SAK, "Komissii istorikov SSSR i ChSSR: spetsifika sozdaniia i deiatel'nosti v 1960-e gody" [The USSR – Czechoslovakia Commission of Historians: Particularities of Creation and Activities in the 1960s], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3 (2023): 154–168. <https://doi.org/10.31857/S013038640025914-3>

VIKTORIIA S. GRUZDINSKAIA, SERGEI O. NAZAROV, "Vместе боролis', вместе строим! Образ советизatsii i SSSR v memuarakh chekhoslovatskikh istorikov vtoroi poloviny XX v." ["We Fought Together, We Build Together!"] Images of Sovietization and the USSR in the Memoirs of Czechoslovak Historians of the Second Half of the 20th Century], *Dialog so vremenem*, no. 89 (2024): 351–367. <https://doi.org/10.21267/aquilo.2024.89.89.024>

VIKTORIIA S. GRUZDINSKAIA, ALEKSANDR S. STYKALIN, Budapeshtskaia osen' professora A. L. Sidorova: sovetskii istorik v vodovorote vengerskoj revoliutsii 1956 goda [The Budapest Autumn of Professor A. L. Sidorov: A Soviet Historian in the Whirlwind of the Hungarian Revolution of 1956] (Saratov: Tekhno-Dekor, 2024).

ĽUDOVÍT HARAKSIM, "Úlohy slovenskej historickej spoločnosti pri spracovaní novších dejín" [The Tasks of the Slovak Historical Society in Researching Modern History], *Historický časopis*, 38, no. 5 (1990): 685–689.

ĽUBICA HARBUĽOVÁ, "Ruskí slavisti-emigranti a medzivojnové Slovensko" [Russian Slavist Émigrés and Interwar Slovakia], *Slovenské štúdie*, 81, no. 1 (1995): 44–50.

ĽUBICA HARBUĽOVÁ, *Ruská emigrácia a Slovensko. Pôsobenie ruskej pooktôbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939* [Russian Emigration and Slovakia: The Activities of Post-October Russian Émigrés in Slovakia, 1919–1939] (Prešov: FF PU, 2001).

ĽUBICA HARBUĽOVÁ, "Jevgenij Julianovič Perfeckij" [Evgenii Iulianovich Perfetskii], in: *Osobnosti politického exilu z Ruska na Slovensku v rokoch 1920–1945*, ed. ĽUBICA HARBUĽOVÁ (Prešov: FF Prešovskej univerzity, 2015), 109–115.

ĽUDOVÍT HOLOŤÍK A KOL., *Dejiny Slovenska (témy), Príloha Historického časopisu*, sv. 3 [History of Slovakia (Theses), supplement to *Historical Journal*, vol. 3] (Bratislava: SAV, 1955).

ĽUDOVÍT HOLOŤÍK A KOL., *Úlohy slovenskej historickej vedy v období socialistickej výstavby* [Tasks of Slovak Historical Scholarship in the Period of Socialist Construction], ed. ĽUDOVÍT HOLOŤÍK (Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1961).

ĽUDOVÍT HOLOŤÍK A KOL., *Dejiny Slovenska I.–II.* [A History of Slovakia, Vols. I–II] (Bratislava: SAV, 1961).

PAVOL HORVÁTH, "Návštevy sovietskych historikov na Slovensku" [Visits by Soviet Historians to Slovakia], *Historický sborník*, 10 (1952): 491–492.

KLEMENT GOTTWALD, "Dopis prezidenta republiky Klementa Gottwalda Československo-sovětskému institutu" [President Klement Gottwald's Letter to the Czechoslovak–Soviet Institute], *Sovětská věda. Zprávy československo-sovětského institutu. Oddělení Historie*, 1–2, no. 1 (1950–1951): 1.

IVAN KAMENEC, "Niekoľko poznámok o schopnosti (neschopnosti) k sebareflexii alebo naša nepripravenosť k polemickým diskusiám" [Several Remarks on the Capacity (or Incapacity) for Self-Reflection, or Our Unpreparedness for Polemical Debates], *Historický časopis*, 50, no. 1 (2002): 19–24.

IVAN MITROFANOVIČ KLIMOV, "Klasikové marxismu-leninismu o historické vědě" [The Classics of Marxism-Leninism on Historical Scholarship], *Sovětská věda. Historie*, 4, no. 3 (1954): 309–321.

DIMITRIJ KRANŽALOV, KAREL HERMAN, “Přednášky docenta I. M. Klimova v Československu” [Lectures by Associate Professor I. M. Klimov in Czechoslovakia], *Sovětská věda. Historie*, 2, no. 5 (1952): 685–690.

LUBOMÍR LIPTÁK, “Poznámky o historiografii novších dějin” [Notes on the Historiography of Modern History], *Historický časopis*, 38, no. 5 (1990): 689–692.

LUBOMÍR LIPTÁK, “Postavenie historiografie v našej spoločnosti” [The Position of Historiography in Our Society], *Historický časopis*, 17, no. 1 (1969): 98–118.

RICHARD MARSINA, “O istých črtách terajšieho stavu slovenskej historiografie” [On Certain Features of the Current State of Slovak Historiography], *Historický časopis*, 45, no. 1 (1997): 3–12.

JÚLIUS MESÁROŠ, “O zástojoch mojej generácie na povojnovom vývoji slovenskej historiografie” [On the Merits of My Generation in the Postwar Development of Slovak Historiography], *Historický časopis*, 38, no. 5 (1990): 680–682.

JÁN MLYNÁRIK, *Českí profesori na Slovensku I. (Českí profesori a ich slovenskí žiaci na Univerzite Komenského v rokoch 1919–1949)* [Czech Professors in Slovakia, Vol. I: Czech Professors and Their Slovak Students at Comenius University, 1919–1949] (Praha: Danubius, 1994).

VLADIMÍR VARINSKÝ, “Aktuálne problémy slovenskej historiografie po novembri 1989 (Kontroverzie z pohľadu ľudáckej emigrácie)” [Current Problems of Slovak Historiography after November 1989 (Controversies from the Perspective of the Hlinka Guard Emigration)], *Historický časopis*, 50, č. 1 (2002): 34–39.

LENKA VLČKOVÁ KRYČEROVÁ, “Studium dějin Ruska a SSSR v Československé akademii věd 1950–1969. Československo-sovětský institut a Ústav dějin evropských socialistických zemí” [The Study of the History of Russia and the USSR at the Czechoslovak Academy of Sciences, 1950–1969: The Czechoslovak–Soviet Institute and the Institute of the History of European Socialist Countries], *Slovanský přehled*, 101, no. 2 (2015): 319–357.

REVIEW ARTICLES

ОБЗОРЫ

SZEMLE

ГАБОР ДЬЁНИ

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ. В ВОСЬМИ ТОМАХ.
ПОД ОБЩЕЙ РЕД. Р. Г. ПИХОЯ – ХАНТЫ-МАНСИЙСК:
АО ИЗД. ДОМ «НОВОСТИ ЮГРЫ», 2024.¹**

**ACADEMIC HISTORY OF IUGRA. IN EIGHT VOLUMES.
EDITED BY R. G. PIKHOIA. – KHANTY-MANSIISK:
AO PUBLISHING HOUSE „NOVOSTI IUGRY”, 2024.**

In 2024 the new representative eight-volume Academic History of Iugra was published in Khanty-Mansiisk (edited in chief by R.G. Pikhovia). The work reviews Iugra's history from its beginnings to the present day, with dozens of authors participating in its creation. Each of the eight volumes has a peculiar editorial concept. The first volume is exclusively archaeological. The second volume may also be particularly important in Hungary, as it touches on early Hungarian history, but its main theme is the influence of Novgorod and Moscow on the West Siberian region. The third volume is important and interesting in relations to the historiography of Russian colonization. The period, covered by the fourth and fifth volumes, since 18th century to 1917 – it was the final establishment of the Russian state in the region. The theme of the sixth and seventh volumes is the Soviet era, which is generally considered a positive period by the authors, as well as the decades since 1991 presented in the last book.

Keywords: Khanty-Mansiisk, Iugra, West Siberia, early Hungarian history, Novgorod, Russian colonization

Gábor Gyóni –Habil. Associate Professor, Eötvös Loránd University, Department of East and Central European History and Historical Russian Studies. E-mail: gyoni.gabor@btk.elte.hu. ORCID: 0000-0003-4489-7537

1 *Citation: GÁBOR GYÓNI, „Akademicheskaia istoriia Iugry. V vos'mi tomakh. Pod obshchei red. R. G. Pikhovia – Khanty-Mansiisk: AO Izd. dom „Novosti Iugry”, 2024” [Academic History of Iugra. In eight volumes. Edited in chief by R. G. Pikhovia. – Khanty-Mansiisk: AO Publishing House „Novosti Iugry”, 2024.], *RussianStudiesHu* 8, no. 1 (2026): 173–179. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.10*

В 2024 г., после нескольких лет подготовки, в Ханты-Мансийске вышло в свет репрезентативное издание «Академическая история Югры в восьми томах», (далее: АИЮ) – история Ханты-Мансийского автономного округа (далее: ХМАО). Название «Югра» с 2003 г. является официальным для ХМАО. Однако в данном случае оно охватывает территорию вне современных территориально-административных границ. Использование средневекового названия «Югра» призвано подчеркнуть древность региона. Главным редактором издания является известный историк Рудольф Германович Пихоя, который с 1990 г. по 1996 г. являлся главным государственным архивистом России. Он один из самых цитируемых исследователей позднесоветской истории. В редакционную коллегия издания входило двадцать пять ученых, среди которых Георгий Петрович Визгалов, неутомимый исследователь и меценат исследования истории Югры; Андрей Владимирович Головнёв, директор Кунсткамеры; Дмитрий Алексеевич Редин, профессор Уральского Федерального Университета; профессор Дюла Свак из Венгрии (единственный иностранец); известный этнограф Валерий Александрович Тишков; а также выдающийся историк Вадим Винцерович Трепавлов (скончался в 2023 г.). Членом Редакционного совета был также венгерский академик Иштван Вашари (единственный иностранец кроме профессора Свака).

У каждого тома имелась своя редакционная коллегия. Таким образом, удалось задействовать достаточно внушительный, можно сказать, завидный научный коллектив для создания АИЮ. Вступительное слово было написано губернатором ХМАО Натальей Комаровой и директором Института российской истории РАН Юрием Александровичем Петровым. АИЮ, это не только масштабная научная работа, но и определенная демонстрация местной идентичности. АИЮ была издана по современным меркам большим тиражом в четыре тысячи экземпляров (на бумаге, хотя в настоящее время научная литература наиболее широко распространяется в форматах pdf). Тот факт, что так много специалистов стали авторами и соавторами этой работы (первый том, например, был написан семнадцатью исследователями), усиливает представление репрезентативности. Но в то же время многоавторство неизбежно разрывает концептуальную составляющую текста – поэтому особенно важными являются «Заключения» в конце отдельных томов (хотя они имеются не в каждом томе). В разных томах сделаны разные акценты, но в целом создается впечатление, что АИЮ – это автохтонная (евразийская) история, а определенная периферий-

ность региона только усиливает его обособленность. Примечательно, что половина из восьми томов охватывает XX–XXI вв. Для венгерского читателя могут быть интересны первые тома (особенно второй), поскольку они затрагивают и древнюю историю мадьяр. На нем я хотел бы остановиться более подробно, приведя лишь основные выводы из томов, посвященных более поздним эпохам.

Первый том, под редакцией Г. П. Визгалова, посвящен археологии и охватывает период с древнейших времен по конец I тыс. н.э. После единичных находок, пожалуй, только с бронзового века (III тыс. до н.э. – конец I тыс. до н.э.) можно говорить об «осмысленной истории» региона, именно с этого времени сохранились артефакты материальной культуры в массовом порядке. Археологический заповедник Барсова гора близ Сургута, раскапываемый с 1970-х годов, особенно богат материалами уже с бронзового века. Он занимает площадь в несколько квадратных километров с десятками городищ и кладбищ. Железо пришло в регион с запада, из Прикамья, в начале I тыс. до н. э., но потребовались еще долгие столетия, чтобы вытеснить бронзу. Интересно, что, судя по распространению железа, западносибирский регион является не двигателем инноваций, а скорее консервативной периферией. Даже на Алтае переход от бронзы к железу произошел раньше (VI–V вв. до н.э.). Со второй половины I тыс. до н.э. в Западной Сибири, в бассейне Оби, доминирующей была знаменитая кулайская культура, которая оставила после себя богатое материальное наследие, просуществовавшее несколько столетий (исчезла около IV в. н.э.). Кулайская культура, по-видимому, возникла в результате культурной гомогенизации Евразии в железном веке: коневодство приобрело массовый характер, в большом количестве появились предметы с юга, из «ирано-степного мира». Этническая принадлежность кулайской культуры спорная (угорская или самоедская?), и этот вопрос останется открытым. Начало Великого переселения народов, эпоха гуннов затронули и указанный северный регион. Известно, что в этот период Западная Сибирь была «опустошена». Вероятно, именно в это время наши предки, – которые, вероятно, были частью «саргатского мира», расположенного южнее Югры – основная масса протомадьяр покинула свою древнюю родину в Западной Сибири. С приходом гуннов появились новое оружие, военные технологии, погребальные обряды и обычаи (например, деформация черепа, хорошо известная и по более западным гуннским памятникам). Оценка гуннского нашествия принципиально негативная, поскольку оно разрушило более продвинутый

саргатский мир с «развитым классовым обществом». К этой новой этнополитической ситуации восходит начало тюркского влияния в регионе, что отчасти объясняет рождение новых культур в Обско-Иртышском междуречье, таких как, например, потчевашская, обладавшая значительными фортификационными способностями, возникшими в результате симбиоза южных (вероятно тюркских) пришельцев и местного субстратного населения. И, согласно предположениям, если приуральская караякуповская культура, которую почти наверняка можно считать наследием венгров, может быть связана с потчевашской, то она также может иметь определенный мадьярский аспект. Здесь заслуживает внимание археологический памятник «Священная Кедровая роза» VI–VIII вв., близ Нефтеюганска. Там были обнаружены захоронения вооруженной мужской популяции и сасанидские монеты, как и в памятниках приуральской неволинской и ломоватовской культур того же времени. Разумеется, я не хочу этнизировать этот факт, из этого нельзя сделать вывод, что венгры жили бы в VIII в. на Оби, но в любом случае это говорит о том, что в то время между Приуральем и Зауральем существовала своего рода «сеть» связи. (Жаль, что в России приуральская и зауральская археология довольно резко разделены, как в личном отношении, так и в плане научных школ).

Второй том охватывает период с конца XI в/ до начала русской (московской) колонизации. Его главным редактором был Андрей Головнёв. В этом томе была представлена возможность выступить единственному иностранному автору АИЮ – автору этих строк. В составлении тома приняли участие не только археологи, но и историки и этнографы. Названный период был временем великих преобразований. В начале его (вернее чуть раньше, в IX в.) венгры, которым А. В. Головнёв отводит важную роль, исчезли из региона. Это конец определенного периода угорской истории: она разделилась на западную (собственно, уже мадьярскую) и восточную. А к концу периода пал Новгород, у которого также были интересы в регионе, и Москва заняла доминирующее положение, московские великие князья с Ивана III титуловали себя и «Югорскими». «По драматургии и насыщенности событиями история средневековой Югры не уступает другим областям Евразии» – это и «золотой век угорских княжеств». А. В. Головнёв представил в интересном исследовании эволюцию научных концепций о происхождении угорских народов. Эти представления появились в начале нового времени, и укоренились уже в XVIII веке. Начиная с того времени, базовая картина об урало-западносибирской прародине венгров стала широ-

ко распространенной в науке, и все, что с тех пор появлялось в связи с ней всерьез, на самом деле является лишь ее дополнением. Елена Перевалова опубликовала интересное исследование о том, в какой степени ранняя история и миграция манси и хантов могут быть реконструированы на основе устной культуры угорских народов. Здесь и на сегодняшний день считается фундаментальным фольклорный сборник Серафима Патканова. Этот труд представляет собой незаменимый материал по истории домонгольской и дорусской Югры, его данные указывают на то, что манси изначально мигрировали с Урала. А по истории угорских княжеств по сей день не превзойден труд другого классика, Сергея Бахрушина. О связи Новгорода с Западной Сибирью писал Павел Лукин, отмечая, что новгородцы не только возглавляли грабительские походы в этот регион, но и были первыми русскими колонизаторами. Весьма интересная статья А.В. Головнёва и Е. В. Переваловой о «наступлении» Москвы. Экспансию Москвы на север и Восток можно понять в контексте борьбы с Новгородом. Основанный в 1222 г. Устюг клином входил в новгородские земли и был базой для продвижения на Север и восток. В XIV в. миссионерская деятельность святого Стефана Пермского связала коми с Москвой, разрушив прежние узы Перми, но против Стефана выступал жрец Пам, который был приверженцем языческого, антимосковского «пермского мира». Именно в контексте пермской языческо-христианской религиозной войны впервые в источниках появляются вогулы (этноним вогул), поддерживающие пермских язычников. Можно предположить, что это историческое событие, разгром язычников, возможно, привело к тому, что часть уральских угров эмигрировала на восток. Также является очень интересной статья о традиционном угорском мировоззрении (работа нескольких авторов), в которой представляет особый интерес для венгерского читателя размышления о роли числа семь в угорском мирозерцании: оно, возможно, была основой древней уральской системы счисления, и символом «вселенной».

Главным редактором третьего тома был В. В. Трепавлов, над ним работали девять авторов. Основная тема – русская (московская) колонизация до конца XVII в. Книга может представлять большой интерес для тех, кто изучает историю и историографию русской колонизации Сибири (и особенно для тех, которые утверждают, что в российской историографии и в настоящее время принято дать какую-ту идеализированную картину русской колонизации). В фокусе колонизации – взаимоотношения между русскими и коренными народами. Общая кар-

тина такова: сосуществование русских и коренных жителей не было идеальным. Русские были гораздо более продвинуты в военном отношении, у них имелось современное огнестрельное оружие, но, несмотря на это, коренное население оказало им сопротивление. В XVII в. число русских в регионе было невелико, но между приезжими и коренными жителями уже начался своего рода симбиоз. Русские также переняли многие культурные элементы у коренных жителей. Поскольку изначально русское население состояло в основном из молодых военных, существовал большой спрос на местных женщин, но, например, в Верхотурском уезде и русских девушек охотно выдавали за манси. «Смешанные браки» стали обычным явлением.

Четвертый том посвящен XVIII в., его главный редактор Дмитрий Редин. Основная тема этой части АИЮ – история административной системы российского государства в регионе (экономика, государственное управление, церковная политика, история ссыльных, зарождение местной науки). Результатом этого периода стала маргинализация коренных народов (как и во властном так и географическом смысле) и их образа жизни, приток большего числа русских, интеграция местных элит в общероссийскую систему управления, более активная христианизация. Экономические изменения: качественно новая эксплуатация речных путей (в целях рыболовства, новых промыслов, торговли), появление новых сухопутных магистралей, социальные преобразования, напоминающие классовые общества.

В пятом томе рассказывается об истории Югры до 1917 г. Его составили четырнадцать авторов, но в этом томе нет заключения. Можно выделить, что авторы подчеркивают обособленность Сибири. Жизнь в Сибири текла своим чередом и в данный период, вдали от Петербурга. Здесь не было крупных городов, и ощущалась острая нехватка кадров в государственном управлении, регион по-прежнему отличался полиэтничным характером. Невозможность тесного контроля со стороны центра была отражена (признана?) в известном положении М. М. Сперанского о правах иностранных народов, изданном в 1822 г. Местные общины жили по своим законам, и древний мир Югры также оказал влияние на русских: они переняли костюмы, элементы хозяйства и верования от туземцев. Промышленность практически не развивалась, в отличие от других регионов России. Но акцент в этом томе делается не на периферийность, а обособленность региона.

Шестой том под редакцией Г. Е. Корнилова охватывает период с 1918 по 1953 гг. В целом, авторы оценивают этот сложный период поло-

жительно. В это время была создана научно-образовательная инфраструктура региона, введено всеобщее государственное образование (в том числе отдельно для национальностей), построена система здравоохранения и наконец были подготовлены местные кадры. В 1930 г. был образован Остяко-Вогульский национальный округ; с 1940 г. – Ханты-Мансийский национальный округ. Жители края в большом количестве принимали участие в Великой Отечественной войне. В регионе началась индустриализация.

Тема седьмого тома – советская эпоха после 1953 г. Оценка этого периода также положительная. Этот том, в основном, об экономической истории, в нем около 100 страниц посвящено политике, 250 страниц – экономике, 60 страниц – урбанизации, 100 страниц – культуре и спорту, около 100 – положению коренных народов. В 1960-х гг. в регионе началась «нефтегазовая революция», которая превратила национальный округ в важный нефтедобывающий и промышленный центр всесоюзного значения, поскольку именно благодаря ему Москва получала значительную долю «нефтедолларов», что помогло поддерживать советскую экономику (и отложить необходимые реформы). Уже в 1990 г. в ХМАО добывалось более половины советской нефти. Были построены новые города, в регион переехало много молодежи. В то же время развитие добывающей промышленности сопровождалось загрязнением окружающей среды и сокращением жизненного пространства коренных народов.

Последний том посвящен периоду после 1991 г. – современной эпохе, новой России. Этот период представлен как история однозначного успеха. ХМАО относится к одному из немногих регионов России, где население увеличилось даже после 1991 г., и не только благодаря иммиграции. Этот регион намного богаче среднестатистических российских субъектов федерации. Он считается донором, и если оценивать степень развития с точки зрения урбанизации, то относится к числу самых развитых, потому что 90% населения сейчас живет в городах. Деревянные бараки, которые были характерны для городов советской эпохи, теперь исчезли. В настоящее время большое внимание уделяется правам коренных малочисленных народов.

В целом, такая картина складывается, читая новую АИЮ. На мой взгляд, для венгерского читателя и для международной русистики 2, 3 и 4 тома могут быть особо интересны и актуальны, с одной стороны, из-за аспектов венгерской предыстории, а с другой стороны, с точки зрения историографии русской колонизации.

CONTENTS (2019–2025)
СОДЕРЖАНИЕ (2019–2025)
TARTALOM (2019–2025)

RUSSIAN STUDIES HU 2019

EDITED BY GYULA SZVÁK

GYULA SZVÁK
Hungarian and Russian Pantheons

TAMÁS KRAUSZ
The Connections between Historiography and Memory Politics

GÁBOR GYÓNI
The Controversy Surrounding 1941 in Russian Historiography

ADÁM FARKAS
From the Inner Circle to Prison: Gyula Hay's Career in Hungary,
1945–1965

ENDRE SASHALMI
Withdrawal from the Public and Increased Ruler Visibility during the
Reign of Tsar Alexander III (1881–1894)

ANDRÁS BENCZE
Kirill Khlebnikov, the Historian of Russian America and the Chief
Manager of the Russian-American Company

ANDREI YURIEVICH DVORNICHENKO
The Ancient Russian Crime in the Works of George Vernadsky

BÁLINT MEZEI
Micro-Communities and Oral History: Transcarpathian Hungarian
Veterans of the Soviet Union's War in Afghanistan

ÁGNES DUKKON
Heroes and Anti-Heroes in Classic Russian Literature

RUSSIAN STUDIES HU 2020

EDITED BY GYULA SZVÁK

TAMÁS KRAUSZ
Lenin on Global History and
the Global Historiography on Lenin

GYULA SZVÁK
"Russian History should be written
by Russians. Why do Hungarians
intervene in this matter?"
(Etude in micro-historiography)

FERENC HAVAS
Stalin, the Scientist.
The Debate on Marrisim

IGOR O. TYUMENTSEV
ALEXANDER L. KLEITMAN
Hungarians in the Gulag
(on the Memoirs of the
Design-Engineer I. A. Makharov)

TIBOR FRANK
The Blind Eyewitness.
U.S. Ambassador Joseph Edward
Davies in Moscow, 1936–1938

RÓBERT HERMANN
"I beg leave to kiss your
Majesty's hand!"
About a Gesture Which
Never Happened

CHARLES J. HALPERIN
An Agnostic Approach to
Ivan the Terrible

VIKTOR SZABÓ
Quantitative Analyses of the Last
Decade of Vestnik Vostok Series
4. History, Regional Studies and
International Relations (2010–2019)

ANDRÁS BENCZE
Quaestio Rossica – Process of
Becoming Adult of a Juvenile Journal

LÉNA IGARI
Ural Historical Journal

KATALIN SCHREK
A Year in the Slave Historical Studies
– Introduction of the Volumes
of Canadian–American Slavic Studies
in 2019

EKATERINA PROTASSOVA,
MARIA YELENEVSKAYA,
JOHANNA VIRKKULA
Old and New Homes of the Russian
Language in Europe

HISTORIOGRAPHIES OF
MOSCOVIA

RUSSIAN STUDIES HU 2021/1

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITOR: ENDRE SASHALMI

CHARLES J. HALPERIN
US Publications (2000–2020)
on Muscovite History, 1462–1689

JIANHUA ZHANG
A Review of and Reflection
on the Study of Russian History
in China (1878–2015)

PIERRE GONNEAU
French and French-speaking
Contributions
to the Historiography of Muscovy
1462–1689, (2000–2020)

ZSUZSANNA VARGA
From Soviet to Western Transfer

LUDWIG STEINDORFF
Historiography on Muscovy
(1462–1689) in Germany,
Austria and Switzerland
(2000–2020)

ANDREI L. YURGANOV
The "Underground Typography"
and "Military Conspiracy"
as Stalin's Arguments Against
the United Opposition (1927)

GÁBOR GYÖNI
"Muscovy" in Hungarian
Historiography since 2000

LÁSZLÓ GYÖRGY
Karel Kramář
and the Russian Card

**VIACHESLAV N. KOZLIKOV,
ANDREI P. PAVLOV**
Russia of the 16th–17th Centuries
in the Explorations of Modern
Russian Historians (2000–2020)

VIKTÓRIA BACSUR
Equivalences in Dostoevsky's
The Double

HISTORIOGRAPHIES OF
RUS'

RUSSIAN STUDIES HU 2021/2

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITOR: MÁRTA FONT

CHRISTIAN RAFFENSPERGER
UK and North American Russian,
2000–2020

VITALII V. POLITOV
Modern Russian Historiography
of the Era of the Tatar–Mongol
Conquest of Russia (2000–2020)

PIERRE GONNEAU
French and French-Speaking
Contributions
to the Historiography of Rus'
(862–1462)

VADIM ARISTOV
Old Rus' in Ukrainian
Historiography (2000–2020):
Contexts and Achievements

NORBERT KERSKEN
Research by German-Speaking
Researchers on the History
of the Principalities of Rus'
up to the End of the 15th Century

STANISLAV KELEMBET
The 'Legacy of Old Russia'
in her Neighbours' Heritage:
Southern Rus' under the Rule
of Lithuania, Poland and Hungary
in the 1340–1430s.
Contemporary Ukrainian
Historiography (2001–2021)

ADRIAN JUSUPOVIĆ
Medieval Rus' in Polish Research
of the Last Twenty Years

JÁNOS MAKAI
Hungarian Historiography
of Medieval Rus' (2000–2020)

VLADIMIR IA. PETRUKHIN
The Beginning of the Russian State
and Chronicles in the Russian Works
of the 2000–2020s

CSABA GÁL
"The Bomber Regiment in Skitts"
Female Regiment of the Red Army
Air Force during World War II.
The Story of the 583rd Night Bomber
Regiment

DMITRII A. BOROKOV
Problems of Source Study of the
Old Russian Writing Monuments
and Historiography of the Socio-
Political Development of Russia
in the XI–XII Centuries
in the Russian Historical Science
2000–2020

ZSOLT TÓTH, ADRIENN NOVOTNI
Demographic Reasons for High Birth
Rates in Vienna in March 1946

HISTORIOGRAPHIES ON RUSSIA:
THE 18TH CENTURY AND BEFORE

RUSSIAN STUDIES HU 2022/1

EDITED BY GYULA SZVÁK

PAUL BUSHKOVITCH
PETER THE GREAT AND THE WEST
IN RUSSIAN CULTURE AND STATE

GARY MARKER
RUSSIA'S EIGHTEENTH CENTURY
IN RECENT US HISTORIOGRAPHY

HOUQIN ZHOU, WEI'AN CAO
CHINESE SCHOLARS' STUDIES
ON RUSSIAN HISTORY (862–1800)
SINCE 2000

YOSHIHIDE TANAKA
JAPANESE HISTORIOGRAPHY
ON 18TH-CENTURY RUSSIAN HISTORY
IN 2000–2020

LUBICA HARBULOVÁ
THE HISTORY OF RUSSIA UNTIL
THE END OF THE 18TH CENTURY
IN STUDIES
BY SLOVAK AND CZECH HISTORIANS
BETWEEN 2000 AND 2020

PATRIK DINNYÉS
18TH-CENTURY RUSSIA
IN MODERN HUNGARIAN
HISTORIOGRAPHY (2000–2020)

ADAM DANILCZYK
18TH-CENTURY RUSSIA
IN POLISH HISTORIOGRAPHY

MARTÍN BAÑA
RUSSIAN HISTORY STUDIES
IN LATIN AMERICA AND SPAIN
(2001–2021)

ANDREI L. YURGANOV
THE MYTHOLOGY OF THE LEADERS
OF THE REVOLUTION
IN THE POLITICAL CONTEXT
OF THE MID–20S

DOMINIKA BĀRDONIGSEK
FATES OF WOMEN IN THE CAMPS
OF THE GULAG (1934–1953)

MEMORY POLITICS
IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE AND RUSSIA

RUSSIAN STUDIES HU 2022/2

EDITED BY GYULA SZVÁK

OLGA IU. MALINOVA
POLITICAL USES OF MEMORY
IN RELATION TO "THE HARD 1990S"
IN CONTEMPORARY RUSSIA

VLADIMIR A. BOLDIN
THE FORMER YUGOSLAV REPUBLICS
IN SEARCH OF IDENTITY

BEÁTA VARGA
THE PRESENTATION
OF BOHDAN KHMELNYTSKY AND
IVAN MAZEPA IN MODERN UKRAINE'S
MEMORY POLITICS

GÁBOR GYÓNI
THE LATEST TRENDS
IN THE STUDY OF THE EARLY HISTORY
OF THE MAGYARS IN HUNGARY

PÉTER CSUNDERLIK
MEMORY POLITICS ISSUES
IN RELATION TO THE HUNGARIAN
SOVIET REPUBLIC (1919)

ATTILA JAKAB
MEMORY POLITICS AND
THE REINTERPRETATION
OF THE PAST IN TODAY'S
HUNGARIAN CATHOLIC CHURCH

ÁKOS FÓRIS
HEROES? VICTIMS? PERPETRATORS?

ANN M. KLEIMOLA
THE MOSKVA-PHOBIA
OF ANNA KOLTOVSKAIA

ENDRE SASHALMI
THE BALANCE OF POWER AND
RUSSOPHOBIA IN THE ENGLISH
MEDIA

ANDREI L. YURGANOV
VICTOR HUGO'S FRENCH NOVEL
LES MISÉRABLES, OR WHY DID THE
SLAVOPHILE FIODOR DOSTOEVSKY
LIKE THIS NOVEL?

MAYA S. PETROVA
PERSONALITY IN THE HISTORICAL
AND PHILOSOPHICAL NARRATIVES
OF THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

ALEKSANDR M. PASHKOV
RUSSIAN KARELIA
FROM PETER THE GREAT
TO THE GREAT REVOLUTION

ANDREI V. DMITRIEV
THE "NOVOSIBIRSK SCHOOL"
OF HISTORICAL STUDIES

RUSSIAN HISTORY
IN TERMS OF WORLD HISTORY

RUSSIAN STUDIES HU

2023/1

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITOR: ANDREI MEDUSHEVSKY

ANDREI N. MEDUSHEVSKY
THE SOVIET PROJECT OF SOCIAL
CONSTRUCTIVISM. A RE THINKING OF
HISTORICAL EXPERIENCE

TAMÁS KRAUSZ
THE BASIC FEATURES OF SYSTEM
CHANGE AS THE REDISTRIBUTION
OF OWNERSHIP

VALENTINA B. ZHIROMSKAYA
THE MIGRATION CRISIS OF THE
LATE 20th – EARLY 21st CENTURY:
THE DEMOGRAPHIC ASPECT

IRINA V. SABENNIKOVA
DIASPORA OF RUSSIAN
EMIGRATION: TYPOLOGY
AND LEGAL STATUS

IGOR B. ORLOV
THE SUCCESSES AND FAILURES
OF SOVIET INTERNATIONAL YOUTH
POLICY (1957–1985)

ANASTASHA S. TUMANOVA
VOLUNTARY ASSOCIATIONS
IN IMPERIAL RUSSIA AND
THE FORMATION OF THE PUBLIC
SPHERE IN WESTERN EUROPE

RICARDA VULPIUS
THE RUSSIAN EMPIRE'S
EIGHTEENTH CENTURY IN RECENT
HISTORIOGRAPHY OF THE GERMAN-
SPEAKING COUNTRIES (2000–2022)

**YANHONG JIANG,
ZONGHUA ZHANG, NI WEN**
RUSSIAN NOBLE EMIGRANTS
IN THE NORTH-WEST OF CHINA
(XINJIANG SAR AND GANSU
PROVINCE) AFTER THE OCTOBER
REVOLUTION

KATALIN SCHREK
A NEW APPROACH TO UKRAINIAN
HISTORY (REVIEW)

LÁSZLÓ GYÖRGY
THE IDEAS OF THE RULING CLASS
(REVIEW)

ANNA LÚCIA NAGY
SPONTANEOUS IMMIGRATION
OR GOVERNMENT-DIRECTED
SETTLEMENT?

IVAN MARINO
THE "SHAKHRAI" CONSTITUTION OF
1993: FEATURES OF IMPLEMENTATION
AND INTERPRETATION

THE VARIOUS FORMS
OF RUSSIA'S IMAGE IN HISTORY

RUSSIAN STUDIES HU

2023/2

EDITED BY GYULA SZVÁK

EISUKE KAMINAGA
VIEWS OF RUSSIA IN JAPAN
IN THE LATE 20th CENTURY

ANNA V. URIADOVA
THE FIRST SOVIET CONSTITUTIONS
IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN
EMIGRATION

JUDIT HAMMERSTEIN
ABOUT RUSSIA FROM A HUNGARIAN
PERSPECTIVE – LAJOS THALLOČZY'S
STUDY "RUSSIA AND OUR COUNTRY"

CHARLES J. HALPERIN
THE FICTIONAL IVAN:
IVAN THE TERRIBLE IN ENGLISH-
LANGUAGE FICTION

MIKHAIL P. ODESSKIY
THE VISUALIZATION OF RUSSIA
IN THE ERA OF PETER I

OLGA K. ERMAKOVA
THE PRACTICE OF HIRING
FOREIGNERS FOR THE RUSSIAN
CIVIL AND MILITARY SERVICE
UNDER ALEXEI MIKHAILOVICH
AND PETER THE GREAT

**VLADIMIR A. BOLDIN,
DARVA MU. KURGINOVA,
ALEXANDR A. SHIRINYANTS**
"WE FEEL SORRY FOR
THE RUSSIANS... WE NEED
TO HELP THE SUFFERERS"

TAMÁS KRAUSZ
REMARKS ON THE NATURE
OF MODERN RUSSO- AND
SOVIETOPHOBIA

GYULA SZVÁK
"KEY MOMENTS" IN HUNGARIAN
RUSSOPHOBIA

KLÁRA RADNÓTI
THE SO-CALLED RUSSOPHOBIA
OF FOREIGN TRAVELERS
TO MUSCOVY

ANDRÁS BENCE
RUSSIAN AMERICA THROUGH
HUNGARIAN EYES

ALICE PLATE
"THE MOSCOW CONFUSION
CONTINUES TO THIS DAY"
(REVIEW)

INTERCONNECTIONS BETWEEN
EUROPE AND RUSSIA UP TO 1794

RUSSIAN STUDIES HU 2024/1

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITOR: DANIEL BAGI

ALEXANDER I. FILYUSHKIN
DEBATE ON RUSSIAN SAINTS
IN EUROPEAN NARRATIVES ABOUT
SIXTEENTH-CENTURY MUSCOVY

PAWEŁ ŻMIUDZI
DID PRINCE LEV WISH TO BECOME
DUKE OF KRAKÓW IN 1280?

SERGEY M. RYABOV
RUSSIAN-FRENCH TRADE IN THE
BALTIC SEA DURING THE SWEDISH
BLOCKADE OF THE "MARVA
NAVIGATION" IN THE 1570S

IGOR O. TYUMENTSEV
THE COSSACKS AND FOREIGN
SOLDIERS UNDER THE BANNERS
OF IMPOSTORS IN THE TIME OF
TROUBLES OF THE EARLY 17TH
CENTURY

BRIGITTA SCHVÉD
"TO PRESERVE THAT BALANCE
OF POWER ON WHICH
THE HAPPINESS AND PROSPERITY
OF EUROPE DEPEND" – DISCOURSE
ON THE FIRST PARTITION
OF POLAND AND THE EUROPEAN
BALANCE OF POWER IN LONDON
NEWSPAPERS (1771-1774)

SÁNDOR GEBEI
THE HISTORICAL ROOTS OF THE
POLISH-RUSSIAN CONFRONTATION:
ITS ORIGIN (16TH CENTURY) – ITS
DEEPENING (17TH CENTURY) – ITS
IRRECONCILABILITY (18TH CENTURY)

GYULA SZVÁK
RUSSIAN HISTORY WRITING
AND ITS PERIODISATIONS

ENDRE SASHALMI
COMMAND AND CONTRACT IN
RUSSIA FROM THE MID-16TH CENTURY
TO 1725: CONTRACTOR STATE,
PRIVATE ENTREPRENEURS(HIP),
AND SUPPLYING THE RUSSIAN
ARMED FORCES

MAYA S. PETROVA
DMITRY GERASIMOV AND
HIS FOLLOWERS ON THE VERB

MÁRTA GYUNCZYK
GRIGORY G. GAGARIN'S 19TH-CENTURY
PRESSES AND DECORATION
IN THE SIONI CATHEDRAL IN TBILISI

KATALIN SCHREK
POWER AND STATE –
RECONSIDERED (A REVIEW)

INTERCONNECTIONS BETWEEN EUROPE
AND RUSSIA IN THE "LONG" 19TH CENTURY

RUSSIAN STUDIES HU 2024/2

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITOR: VLADIMIR BOLDIN

LÁSZLÓ CSORBA
"ARAD AND SAINT PETERSBURG":
THE RUSSIAN "ALTERNATIVE" IN THE
SUMMER OF 1849

RÓBERT HERMANN
LIGHT CAVALRY ON THE CORNFIELD

NIKOLAY N. BARANOV
WALTER NICOLAI: FROM
HISTORIOGRAPHICAL MYTH
TO SOURCES

VLADIMIR A. BOLDIN
A. L. POGODIN ON THE UNITY
OF THE "SLAVIC WORLDS"

**ALEXANDER L. KLEITMAN,
IRINA S. PETROVA**
A STUDY OF THE HISTORY OF TSARITSYN
DURING THE CIVIL WAR

ALEXEY V. ANTOSHIN
DOES THE STRATEGIC "PIVOT OF RUSSIA
TO THE EAST" HAVE A PAST?

**VALENTINA P. KORZUN, SVETLANA A.
LIMANOVA, MARINA S. NOSOVA**
POPULARIZATION OF SCIENTIFIC
KNOWLEDGE IN THE USSR 1945-1975

E. T. ARTEMOV, E. G. VODICHEV
ECONOMIC STRATEGIES IN THE
"KHRUSHCHEV DECADE": ILLUSIONS
AND DISAPPOINTMENTS

ANASTASIA V. MALESHEVICH
THE MYTH OF THE SYRMIAN FRONT
IN SERBIA

LÁSZLÓ V. MOLNÁR
THE "ENLIGHTENMENT" OF RUSSIAN
ABSOLUTISM IN THE BALANCE
OF SUCCESSSES AND FAILURES

ANDREY V. TOPYCHKANOV
"AS A MODEL OF POLITICAL SCIENCE"

BALÁZS BALAZSIN
GENDER-NEUTRALITY THROUGH
THE EYES OF RUSSIAN TRANSLATORS

ZSUZSA HETÉNYI
MONUMENTS MARKING HISTORICAL
DERAILMENTS, 1937

LAW AND RELIGION IN RUSSIA
IN THE 15TH–17TH CENTURIES

RUSSIAN STUDIES HU

2025/1

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITORS: ANN M. KLEIMOLA AND ENDRÉ SASHALMI

ENDRE SASHALMI
LAW AND RELIGION IN RUSSIA
IN THE 15TH–17TH CENTURIES, AND
THE PROBLEM OF “EARLY MODERNITY”
IN RUSSIAN HISTORY

IULIA NIȚESCU
CANON LAW AND LOCAL PRACTICE:
THE RESOLUTIONS OF THE 1531 STOGLAV
(HUNDRED CHAPTERS) CHURCH
COUNCIL

KATI PAPPÉI
THE FOUNDATION AND ORGANIZATION
OF A PERIPHERAL MONASTERY
ACCORDING TO A SIXTEENTH-CENTURY
SOURCE. CASE VALAAM

OLGA TSAPINA
DUE PROCESS: THE MOSCOW
COUNCIL OF 1660 AND THE DEBATE
ON ECCLESIASTICAL GOVERNANCE
IN EARLY MODERN RUSSIA

NIKOLAS PISSIS
“SOME MINOR WORDS”: THE DEBATE
ON SYMPHONIA AT THE MOSCOW
CHURCH COUNCIL OF 1666/67

SIMON DREHER
SERVANTS IN FOREIGNERS’ HOUSES
IN MID-SEVENTEENTH-CENTURY
MOSCOW: LOCAL DIFFERENCES
IN LEGISLATION, PRACTICES, AND
ADMINISTRATIVE HANDLING

ANN M. KLEIMOLA
JUGGLING WITH THREE
HANDS: ARCHBISHOP AFAVASII
OF Kholmogory AND THE LAW

JUKKA KORPELA
THE MUSCOVITE PRINCE AS
THE PROTECTOR OF THE LAW
IN HAGIOGRAPHIC AND NARRATIVE
SOURCES OF THE 14TH–16TH CENTURIES

V. A. SLUGINA,
OATHS OF ALLEGIANCE TO RUSSIAN
MONARCHS IN THE 17TH CENTURY

V. A. SLUGINA, A. S. ZUEV
THE ABORIGINAL PEOPLES
OF SIBERIA’S OATH OF ALLEGIANCE
TO THE RUSSIAN TSAR IN THE
SEVENTEENTH CENTURY:
RIGHTS AND OBLIGATIONS

CENTRE FOR RUSSIAN STUDIES – 35 YEARS!

RUSSIAN STUDIES HU

2025/2

EDITED BY GYULA SZVÁK

GYULA SZVÁK
THREE “HISTORIES OF RUSSIA”

TAMÁS KRAUSZ
REMARKS ON THE HISTORY OF
A HISTORICAL ANALOGY – IN OTHER
WORDS, WHAT IS THE STALIN–HITLER
ANALOGY ABOUT?

BEÁTA VARGA
UKRAINE: THE “STATE TO NATION”
COUNTRY?

KATALIN SCHREK
THE BALKANS AS A SPHERE OF RUSSIA’S
IMPERIAL POWER – THOUGHTS ON
NEW PERSPECTIVES AND APPROACHES
IN MODERN HISTORICAL RESEARCH

**ELENA V. ALEKSEVA,
TATIANA IU. BYSTROVA**
HISTORY OF THE INDUSTRIAL CITY
IN THE CULTURAL MEMORY AND MODERN
CULTURAL SPACE OF YEKATERINBURG

**VIKTORIIA S. GRUZDINSKAIA,
MIKHAIL V. KOVALEV**
A HUNGARIAN HISTORIAN WITHIN
SOVIET HISTORIOGRAPHY: THE CASE
OF PROFESSOR JOZSEF PERÉNYI

GÁBOR GYÓNI
THE EXECUTION OF THE ROYAL FAMILY:
THE HUNGARIAN TRAIL

DMITRY A. REDIN
THE SOCIAL ORGANIZATION OF EARLY
MODERN RUSSIA: LANGUAGES
OF DESCRIPTION

**IGOR’ O. TIUMENTSEV,
NINA E. TIUMENTSEVA**
NEW AND RECENT HISTORIOGRAPHY
OF THE ZEMSTVO LIBERATION
MOVEMENT OF 1608–1612. PART ONE.

ANN M. KLEIMOLA
PLUS ÇA CHANGE: THE SHAPING OF
EARLY MUSCOVITE DIPLOMATIC RITUALS

MÁRTA FONT
GALICIA–VOLHYNIA IN THE LAST
THIRD OF THE THIRTEENTH CENTURY:
BETWEEN THE GOLDEN HORDE, POLAND,
AND LITHUANIA

ANDREI L. YURGANOV
THE CATEGORY OF “WHAT REALLY WAS”
IN THEORETICAL CONSIDERATION

MAYA S. PETROVA
ARISTOTELIAN FEATURES
IN MEDIEVAL ONEIROCRITICISM

ELTE
EÖTVÖS LORÁND
TUDOMÁNYEGYETEM

ELTE | BTK
BÖLCÉSZETTUDOMÁNYI KARRAL

A folyóirat az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Kara
és az ELTE Folyóiratfejlesztési Alap támogatásával jelenik meg

The journal is published with the support of the Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities and the ELTE Fund for Journal Development

GYULA SZVÁK

THE SURVIVAL STRATEGIES
OF HISTORIANS IN AUTHORITARIAN
REGIMES

MICHAEL SCHIPPAN

HISTORIANS OF THE USSR
AND THE GDR IN INTERACTION:
RECOLLECTIONS
OF THE YEARS 1976–1989

LEONID E. GORIZONTOV

THE INTERACTION OF HISTORIANS
OF THE USSR AND PEOPLE'S POLAND
WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE COORDINATED
MEMORY POLICY

MILANA ŽIVANOVIĆ

SOVIET-YUGOSLAV
RELATIONS AS REFLECTED
IN YUGOSLAV HISTORIOGRAPHY

VICTORIA S. GRUZDINSKAYA

YUGOSLAV FRIENDS OF A SOVIET
HISTORIAN: THE CASE OF MAREN
MIKHAILOVICH FREIDENBERG

MIKHAIL V. KOVALEV

ACADEMICIAN BORIS DMITRIEVICH
GREKOV AND HUNGARY

VASILE BUGA

ROMANIAN-SOVIET HISTORIOGRAPHICAL
DISPUTES IN THE 1960s–1980s

ALEXANDER S. STYKALIN

THE XV INTERNATIONAL CONGRESS
OF HISTORICAL SCIENCES (BUCHAREST,
AUGUST 1980) AGAINST THE
BACKDROP OF THE PERSONALITY CULT
OF CEAUȘESCU AND FRICTION
IN SOVIET-ROMANIAN RELATIONS

MIROSLAV DANIŠ

COMMUNICATION BETWEEN
SLOVAK AND SOVIET HISTORY
STUDIES IN THE YEARS 1945–1989
(INSTRUMENTALIZATION, STAGES
OF DEVELOPMENT, RESEARCH TOPICS)

GÁBOR GYÓNI

ACADEMIC HISTORY OF IUGRA
IN EIGHT VOLUMES.
EDITED BY R. G. PIKHOIA. – KHANTY-
MANSIISK: AO PUBLISHING HOUSE
„NOVOSTI IUGRY”, 2024.

